

ТАЛГАТ
ГАЛИУЛЛИН

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Талгат Набиевич Галиуллин

Избранные произведения.

Том 1. Сайт Сакманов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35393197

Избранные произведения: в 2 т. Том 1. Сайт Сакманов: роман-трилогия / Талгат Галиуллин. [пер. с татар. Ф. Ситдиковой,

Ф. Фаязова, Н. Мухаметшиной]. – : 978-5-298-02965-0,

978-5-298-02966-7: Татарское книжное издательство; Казань; 2015

ISBN 978-5-298-02965-0, 978-5-298-02966-7

Аннотация

В первый том избранных произведений известного татарского писателя, лауреата литературных премий Союза писателей Татарстана им. Г. Исхаки, Дж. Валиди и Международной премии им. Кул Гали Т. Н. Галиуллина вошёл роман-трилогия «Сайт Сакманов» («Покаяние», «Петля», «Ночные дороги»), раскрывающий расслоение общества постсоветского времени на богатых и бедных, срастание властных структур с денежными магнатами, бандитами, пошлость, аморальность и мерзость криминального мира.

Содержание

Покаяние

7

Конец ознакомительного фрагмента.

281

Талгат Галиуллин Саит Сакманов: роман-трилогия

ТЭЛГАТ ГАЛИУЛЛИН

САЙЛАНМА ЭСЭРЛЭР

Ике томда

1 том

Роман-трилогия

Перевод с татарского *Ф. Ситдиковой, Ф. Фаязова, Н. Мухаметшиной*

Галиуллин Талгат Набиевич

Саит Сакманов

Роман-трилогия

Покаяние

1

– Сайт!

– Да, моя крошка!

– Сайт!

– В чём дело, почему такой жалобный голос? Кто там обижает мою девочку? Ты мне только шепни, я ему задам!

– Сайт, ты меня любишь?

– Ты ещё спрашиваешь?! Об этом весь белый свет знает. На днях, говорят, даже по радио «Свобода» передавали.

– Ты серьёзно?

– А то как же!

– Сайт, а ты меня любишь так же сильно, как я тебя?

– Зульфия, не глупи, ты же и так знаешь, что люблю. Чего тебе ещё нужно?

– А ты можешь поклясться, глядя на наше отражение в зеркале?

– Для тебя, моя принцесса, могу хоть на Коране поклясться!

У молодой женщины, лежавшей рядом с Сайтом под одеялом на широкой кровати в запасе была ещё куча вопросов.

Например: «Ты меня любишь больше, чем тех, с кем спал до меня?» или: «Можешь поклясться, что мы всегда будем вместе?», но она решила оставить их на потом. Может быть, сказалось строгое деревенское воспитание, с детства привившее ей сдержанность. «Конечно, он тебя любит, глупая! Сама же это чувствуешь по тому, как бьётся его сердце. А будешь приставать как банный лист, быстро разонравишься», – подумав так, Зульфия поспешила переменить тему...

Устав лежать в одной позе, Зульфия откинула обнажённые руки к спинке кровати и, грациозно выгнув лебединую шею, с наслаждением потянулась. От этого движения одеяло сползло вниз, явив миру белоснежные юные груди, упругие и налитые, как два спелых яблока. Сайт не устоял перед столь соблазнительным зрелищем – взяв в ладонь одну грудь, начал нежно ласкать тело любимой. Зульфия, как цветок к солнцу, тотчас же повернулась к нему. Страстное желание, охватившее мужчину, передалось и ей – на лице заалел румянец, тонкие ноздри затрепетали от частого прерывистого дыхания, тело, по которому разливалась сладкая истома, сделалось покорно-мягким и невесомым, подобно тополиной пушинке, повинувшись всепобеждающей силе, подхватившей двоих влюблённых и умчавшей к вершинам райских наслаждений...

Пошёл уже пятый день их добровольного заточения – порвав все связи с внешним миром, не отвечая на телефонные и дверные звонки и никуда не выходя из дома, они насла-

ждались обществом друг друга.

Если бы Зульфию спросили, кем приходится она этому лежащему рядом с ней мужчине – не очень молодому, но с крепким телом, – она бы затруднилась ответить. В самом деле, кто она для него – жена, любовница или очередная «нечаянная радость», которую он «снял» на время? И сколько она ещё проживёт в этой шикарно обставленной сталинке с непривычно высокими потолками и огромными окнами?

– Это будет наша с тобой медовая неделя. А потом, когда распишемся, махнём в свадебное путешествие, Алла бирса. Хочешь, к тебе в деревню, а хочешь, куда-нибудь за бугор – там посмотрим, – объявил Сайт в первый вечер.

Как быстро, оказывается, летит время – никогда Зульфия не ощущала этого с такой остротой, как сейчас. У какого-то поэта были строчки: «С годами не хватает вёсен, они как будто всё короче, и с быстротой неумолимой, как птицы, пролетают ночи...» Пять ночей и пять дней пролетели, словно один миг. Что же будет дальше?

У Санта сегодня несколько озабоченный вид. Интересно, о чём он думает? Неужели Зульфия ему наскучила? А может, какие-то другие важные проблемы? Кто его знает? Говорят, сердце мужчины – бездонный колодец, в который не заглянешь.

Хозяин квартиры поднялся с низкой кровати и прошёлся по мягкому пушистому ковру, в котором утопали ступни. Зульфия нежным взглядом окинула любимого с ног до

головы: высокая стройная фигура, широкие плечи, бицепсы – хотя и не такие, как у суперменов из современных боевиков, но посмотреть есть на что, тёмные волосы, слегка тронутые сединой, небольшие морщинки на лице и шее, выдающие возраст – всё это было для неё родным и любимым. Губы её помнили даже маленькие складки в уголках его рта.

Почувствовав взгляд Зульфийи из-под полуприкрытых век, Сайт смутился, похлопал себя по впалому мускулистому животу. Пошутил:

– Скоро совсем к спине прилипнет. Ты уж пощади меня, не дай погибнуть голодной смертью!

Зульфийа, подхватив шаловливый тон, разом вскочила на ноги и, обвив его сзади руками, положила голову Сайту на плечо, мурлыча на ухо, как котёнок.

– Чего хочет от меня моя киска, зачем ко мне подлизывается?

– Сайт, ты только взгляни в зеркало! Оказывается, мы с тобой похожи – волосы, черты лица, линия рта, подбородок!

Сайт, бросив взгляд на отражение в большом зеркале, откровенно говоря, не найдя ничего общего, но поспешил согласиться, о чём незамедлительно шепнул Зульфие на ушко – маленькое и розовое, которое так и манило к себе. Сайт, дурачась, нежно дунул в ушко, потом запустил руку в густые вьющиеся волосы девушки, слегка их взлохматив. Ему было хорошо как никогда. Глядеть бы на неё всю жизнь, не наглядеться...

– И глаза у нас похожи...

– Ну, это ты малость перебираешь. У тебя глаза зелёные, а у меня тёмно-серые.

– Нет, у меня серо-зелёные, а у тебя серо-голубые, – твердила своё Зульфия.

– Зульфиюшка, уж не дальтоник ли ты у меня? Говори, не стесняйся, здесь все свои!

– Фу, противный, он ещё и обзывается, – надула губы Зульфия.

– Давным-давно жил один химик по имени Дальтон. Был этот Дальтон-бабай мудрейший человек, сделал много разных всяких изобретений. В том числе, смешивая различные цвета, открыл неизвестные и непостижимые, как твоё сердце, краски. Только потом выяснилось, что в жизни он красный не мог отличить от жёлтого, а голубой от зелёного. А лиловый – я тебе как раз такое платье подарил – вообще за цвет не считал.

– Этот Дальтон, наверное, был такой же вредный, как и ты!

– Отчего, интересно, ты пришла к такому выводу? – спросил Сайт, заключив Зульфию в объятия и покрывая медленными поцелуями её лицо и шею.

– Ты что-то имеешь против моего сердца?

– Как ты могла такое подумать? Просто я дурею из-за любви к тебе, вот и несу всякую чепуху!

– Давай, Сайт, дадим друг другу слово – никогда не ссо-

риться и не обижать друг друга.

– Ну, это было бы неинтересно, как в том анекдоте. Пришли, говорят, муж с женой разводиться. Судья спрашивает у жены:

– Почему вы решили развестись с мужем?

– Не осталось причин ссориться, скучно стало жить, смысл жизни пропал, – отвечает...

Когда взрыв смеха, последовавший за анекдотом, утих, Саит с важным видом произнёс:

– Таким образом, мой уважаемый избиратель, ваше предложение в первом чтении через парламент не прошло. Возможность семейной потасовки с повестки дня не снимается!

Бросив долгий взгляд на длинные, как лепестки цветка, ресницы, окаймляющие сияющие зелёные глаза, поцеловал её высокий чистый лоб, не закрытый чёлкой, и решительно сказал:

– Мне пора, малышка!

Зульфия, ласкаясь и мурлыча, попыталась продолжить шутивную возню на кровати, мешая ему одеваться.

– Чего ещё хочет от меня моя киска?

Девушка, уловив перемену в голосе, быстро завернулась в зелёный халат и со словами «Только скорей возвращайся» отправилась на кухню. Вскоре Саит услышал, как хлопнула дверца холодильника, и Зульфия спросила:

– Что тебе приготовить на ужин?

– Кыстыбый сможешь?

– Постараюсь. Если не справлюсь, ты уж меня в угол не ставь, ладно?

– Зульфия, побудь сегодня дома. Я вернусь около трёх. Дверь никому не открывай, к телефону не подходи!

– Сайт, милый, если я спрошу одну вещь, ты на меня не обидишься?

– Милости просим, хоть одну вещь, хоть тысячу...

– Сайт, я о тебе ничего не знаю.

– Ну как это ничего! Я перед тобой пять дней, пять ночей был как на ладони, в чём мать родила. Неужели не изучила за это время?

– Нет, я не о том. Хотела спросить, где ты работаешь?

Сайт в это время застёгивал пуговицы на тёмно-синем пиджаке. Оторвавшись от своего занятия, он взглянул на девушку – уже по-другому, серьёзно. Зульфию будто окатили ведром холодной воды.

– Такие вопросы задают только в нашей стране. Арабы при встрече спрашивают: «Как вы потеете, досточтимый?», французы интересуются, как здоровье любовницы, немцы – в каком банке выгоднее хранить деньги, ну а испанцев, понятное дело, больше всего волнует коррида.

Сайт, разговаривая, продолжал одеваться.

– А что важнее всего для англичан? Они, бедняги, могут поседеть лишь оттого, что на чёрном смокинге вдруг обнаружится маленькое белое пятнышко. Для наших же соплеменников самые животрепещущие вопросы – это где рабо-

таешь, сколько получаешь и какая у тебя квартира. Понимаешь ход моих мыслей? Лучше ты благослови меня на прощание, и нечего забивать свою хорошенькую голову лишними вопросами.

И в заключение, обняв Зульфию у дверей, добавил:

– Кто много знает, тот быстро стареет. А я хочу, чтобы ты у меня всегда оставалась молодой.

Саит приучил шофёра парковать свою «Волгу» у соседнего дома. На всякий случай, чтобы не будоражить общественное мнение. Он неторопливо шагал к машине, а перед глазами всё стояла Зульфия...

Их знакомство произошло совершенно случайно. Всё было неожиданно, романтично и в то же время довольно обыденно. Говорят же – судьба свела.

В тот день Саит возвращался домой с деловой встречи. Машину с тонированными стёклами вёл сам, не взяв шофёра.

Дни стояли погожие, солнечные, словно бабье лето решило взять реванш за нескончаемые нудные дожди, лившие три месяца подряд.

В дороге хорошо думается. А проблем, которые надо как следует обмозговать, у Санта всегда хватает с лихвой. Но и жаловаться тоже особых причин нет. К тому же погода просто замечательная, а из автомагнитолы льётся густой, как деревенский каймак, голос Салавата Фатхутдинова, настроивая на лирический лад...

Хотя Сайт и не любил в пути глазеть по сторонам, но всё же заметил у дороги девушку в длинном распахнутом плаще с большой дорожной сумкой в руках. Распушенные на плечи вьющиеся каштановые волосы растрёпаны ветром. Девушка, беспокойно переминаясь с ноги на ногу, то и дело поднимала руку, голосуя проходящим мимо машинам, – видимо, куда-то опаздывала. Сайт, обычно строго соблюдавший правило – не подвозить незнакомых людей, на этот раз и сам не заметил, как нога нажала на тормоз. «А теперь, Сайт-абзый, подай немного назад. Давай разузнаем, куда торопится эта девушка, отчего у неё такой встревоженный вид».

Шурша шинами по придорожному гравию, машина остановилась. Сайт поднял глаза на зеркало: в нём отражались длинные стройные ноги под короткой чёрной мини-юбкой. Казалось, что на точёных округлых коленях прыгают солнечные зайчики.

Сайт, обернувшись, открыл заднюю дверцу:

– Садитесь, пожалуйста. Вы, как вижу, куда-то опаздываете.

У девушки не оставалось времени на раздумья. Она решительно уложила на сиденье свою полосатую, как тигровая шкура, дорожную сумку, затем села сама, не выпуская ручку сумки. Только после этого заговорила. Голос её слегка звенел от волнения.

– Подбросьте, пожалуйста, до вокзала. Через полчаса у меня электричка. Другой сегодня уже не будет.

Прежде чем дать газ, Сайт обернулся. На короткий миг сероголубые глаза встретились с серо-зелёными. Но девушка, посчитав неприличным пялиться на незнакомого мужчину, отвела взгляд.

А Сайт, наоборот, никак не мог оторвать глаз от румяного, покрасневшегося лица, похожего на едва раскрытый бутон цветка, от пушистых опущенных ресниц, от длинной шеи в вырезе белой блузки. Он и сам понимал, что для мужчины его возраста не пристало так разглядывать девушку, возможно, годившуюся ему в дочери, но ничего не мог с собой поделать – никогда раньше он не встречал такой естественной, безыскусной красоты, от которой веяло юной свежестью и чистотой. У Санта гулко забилося сердце, по всему телу словно жар разлился – такого он не испытывал уже много лет.

Обычно испытывавший некоторую неловкость в разговоре с незнакомыми людьми, Сайт неожиданно разговорился.

– Вам нужно было выйти пораньше, чтобы не опоздать, – сказал он, всё ещё продолжая глядеть на девушку.

– Я была на занятиях. Прихожу – телеграмма лежит. У отца обострение болезни. Вот к нему и тороплюсь.

– А, так вы студентка... Вам на какой поезд?

– До Кукмора. Ой, боюсь не успеем. Когда опаздываешь, поезда всегда вовремя отходят. А как приедешь с запасом, то по закону подлости, на полчаса опаздывают, а то и больше.

Так, болтая о том о сём, они и не заметили, как подъехали

к стеклянному «аквариуму» пригородного вокзала.

– Вот и приехали. Давайте я вас провожу, – с этими словами Саит вслед за девушкой вышел из машины.

«Ой, я забыла заплатить», – спохватилась было про себя девушка, но, взглянув на высокого видного мужчину в новом импортном костюме и безупречно вычищенных дорогих ботинках, не решилась предложить ему деньги.

Саит с «тигровой» сумкой в руках подождал, пока девушка купит билет, и вышел вместе с ней на перрон.

– Можно узнать, как вас зовут?

– Зульфия. Девчонки называют Зулей.

– А меня зовут Саит-абый. – И зачем-то добавил фамилию: – Сакманов.

Девушка, как воспитанница пансиона благородных девиц, сделала с улыбкой книксен – вышло довольно мило.

– Очень приятно.

Саит при этом не мог не заметить соблазнительной ложбинки на груди, промелькнувшей в английском вырезе блузки. Он понимал, что выглядит крайне нелепо – навязался провожать и торчит тут, как столб, с сумкой в руках, но ноги не хотели идти обратно к машине. Очаровательная попутчица, о существовании которой он ещё полчаса назад ничего не знал, казалась ему высшим творением природы, сумевшей создать такой образец божественной красоты и совершенства. Саит неловко переминался с ноги на ногу, а девушка запросто подала ему руку на прощание.

– Спасибо, вы меня здорово выручили.

– Когда возвращаетесь обратно?

– В понедельник утром.

– Можно я вас встречу?

Вместо ответа девушка помахала ему и, ловко вскочив на подножку, скрылась в вагоне.

2

«Волга» стояла на своём обычном месте. Саит не любил ездить впереди. Усевшись на заднее сиденье, подал руку водителю:

– Как дела, Замир?

– Нормалёк, Саит Яруллович. На работу?

– Да, пора побывать в «Игелек». Там уже, наверное, по мне соскучились.

– Да нет, наоборот, – сидят, небось, балдеют без начальства.

– Как дочка, растёт?

– Чего ей ещё делать? Зубки прорезались, за палец кусать начала...

Замир довольно улыбнулся, сверкнув золотыми фиксами – передние зубы потерял в армии. А в остальном парень хоть куда – чувствуется, вырос на сармановской лапше. Здоровенный и надёжный, как скала, безотказный работник.

Для человека, занимающего высокий пост, хороший шо-

фёр – первое дело. Если не повезёт с женой, это дело поправимое – человек, как правило, продолжает поиски своей второй половины и частенько находит во втором или даже третьем браке. Но уж если не повезло с первым шофёром, то пиши пропало. Не сумеешь наладить контакт с первым, с другими будет то же самое: у каждого отыщется какой-нибудь недостаток. И тут хоть лбом об стенку бейся, всё одно – то машина будет опаздывать, то бензин некстати кончится, то ГАИ остановит, то шофёр будет пить хлеще хозяина...

Саит хотя и несколько раз неудачно женился, но с Замиром ему повезло. Он взял парня сразу после армии, посадил на старый «Москвич». Помог с учёбой – устроил на заочное отделение.

Парень оказался немногословным, но на редкость смекалистым и по-деревенски основательным.

Они с Замиром меняли одну машину за другой, перепробовав несколько иномарок. Вот и сейчас в гараже наготове стоит «Роллс-Ройс».

– Иномарки – они, конечно, комфортные, и ход мягкий, но всё же не для наших они дорог, – высказал своё мнение Замир. – Случись какая поломка, замучаешься запчасти искать. Да и ГАИ всё время цепляется к иномаркам – надеется на мзду. Для вас, Саит Яруллович, лучше всего «Волга» с государственными номерами. Инспектора к ним меньше всего пристают.

Парень оказался прав. С тех пор как они с Замиром пе-

ресели на «Волгу» последней марки, у них заметно поубавилось проблем.

Согласился Сайт и с другим предложением Замира.

Для парней, работавших и числившихся в фирме «Иглек», Сакманов привёз из Москвы импортные кожаные куртки – чёрные, коричневые, серые. Этот подарок обрадовал молодых ребят и поднял престиж фирмы.

Было время, когда кожаные куртки наравне с «восьмёрками» и «девятками» стали символом принадлежности к особой касте, особому клану людей. Перед парнями в кожаных куртках расступались люди на улицах, без слов пускали в любой ресторан – знали, с такими шутки плохи. «Сынок, уступи дорогу, видишь, мафия идёт», – говорили своим чадам мамы и бабушки при виде кожаных курток.

Другим обязательным атрибутом являлась золотая цепочка на шее – чем толще, тем лучше, причём арабское, турецкое или иранское золото не котировалось. Самые «крутые» авторитеты на переднем стекле машины вешали чётки, привезённые из Арабских Эмиратов.

В течение нескольких лет вся казанская «золотая молодёжь», нигде не работающая и не учащаяся, но разъезжающая на новых машинах, поголовно оделась в кожу. Престижность кожаных курток начала быстро падать подобно тому, как это случилось с фуражками из нерпы – если вначале их носили только партийные лидеры высшего ранга, то потом все, кому не лень.

Замир быстро уловил перемену конъюнктуры.

– Сайт Яруллович, в кожаных куртках теперь вся шпана ходит. Давайте переоденем ребят в модные двубортные костюмы. Фирма у нас солидная, из детского возраста вышли давно. Надо же чем-то выделяться среди других.

Сайт подумал – а ведь прав водитель! Как он сам до этого не додумался?

– Отличная идея, Замир!

Из очередной поездки в Москву Сайт привёз австрийские и финские костюмы разных расцветок – взял прямо со складов. Ребята из сакмановской фирмы преобразились. Элегантные костюмы – шерстяные, велюровые, шевиотовые – здорово работали на реноме фирмы.

На первый взгляд могло показаться, что Замир – парень простоватый и недалёкий, но деревенская закваска сочеталась в нём с хладнокровной деловой хваткой, он был из тех, кто, как говорится, своего не упустит.

После армии Замир жил в рабочем общежитии. Безошибочным нюхом почувствовав, что хозяин в силах пробить ему квартиру, Замир, наскоро устроив никах, привёз из родной деревни молодую цветущую девушку. Ни разу он не воспользовался тем, что часто бывал с Сайтом наедине, ни разу не опустился до просьбы. Наоборот, обмолвился как-то раз, что «с молодой женой и в общежитии рай». Упросил Сайта прийти к нему на свадьбу.

Дождавшись, когда высокий гость пропустит несколько

рюмок за здоровье молодых и впадёт в благодушное настроение, кто-то из заранее подготовленных Замиром пожилых родственников подсел к Сайту и завёл разговор о том, что «Замир – парень хоть куда, служит хозяину верой и правдой и что лучше Сайту не сыскать, но вот какое дело – семья у него не сегодня-завтра увеличится и, мол, надо бы помочь ему с квартирой, а уж для такого человека, как Саит Ярулло-вич, это вовсе не проблема». Саит сгоряча при всех пообещал тогда, что разрешит вопрос с квартирой не позже, чем через месяц.

Чтобы выполнить своё обещание, пришлось свозить директора одного завода на лосиную охоту, а потом преподнести в дар приглянувшуюся ему классную винтовку. В результате Замир переехал из общежития в новую двухкомнатную квартиру.

После этого он стал служить Сакманову с ещё большей преданностью и рвением. В каком только виде не приходилось ему возить хозяина – и с «фонарём» под глазом, и с разбитыми в кровь губами, а подчас и пьяным в стельку. Однако никогда не позволял себе лишних расспросов, не встречал с советами. Только когда у Сайта Ярулло-вича было настроение пообщаться, он с готовностью поддерживал разговор, хотя не выходил за рамки общих фраз типа «надо же, смотри-ка» или «вот это да». Ни с кем из сотрудников фирмы Замир принципиально не сближался и никому не удалось выудить из него ни слова о начальнике. Единственной верной

и неразлучной его подругой была машина.

За преданность хозяину и ревнивое отношение к машине – он никого к ней не подпускал и отказывался возить без личного распоряжения Сайта – Замир получил насмешливое прозвище Мундир. Однако даже у таких отъявленных бузотёров, как Гриша или Шуруп, не хватало смелости назвать так Замира в глаза. Замира побаивался даже первый зам Сайта, его правая рука Халиль Нигматуллин, предпочитающая держаться от него подальше.

...Машина довезла Сакманова до проспекта Ибрагимова, где в трёхкомнатной квартире на первом этаже располагался офис посреднической фирмы «Игелек». Так именовалось общество с ограниченной ответственностью, которое задумывалось и создавалось Сакмановым для оказания помощи людям в решении повседневных, бытовых проблем – отсюда и название. Чем на самом деле занималась сакмановская фирма, знали только её генеральный директор и Господь Бог. Помимо этого офиса, у фирмы были филиалы в других городах, складские помещения, загородный дом отдыха с сауной и ещё много всего прочего.

Надо сказать, что генеральный директор Сайт Сакманов, его заместитель Халиль Нигматуллин, помощник Фердинанд Нигметзянов и главбух Нонна Орбакайте, которую на самом деле звали просто Наиля, – все они были высокого мнения о своей фирме. В штате числились Ахмадиша-бабай (старинный знакомый Сайта, он был за сторожа) и человек

шесть-семь молодых ребят – тех, кто сначала щеголяли в кожаных куртках, а потом в элегантных костюмах в духе времени.

Халиль Нигматуллин, рано облысевший и отпустивший брюшко от сытой жизни, принадлежал к тем, кто, как говорится, пороха не выдумает. Всегда корректный и спокойный, хороший исполнитель – всё выполнит в точности, как велено, и никогда за рамки выйдет.

Саит ценил его за аккуратность и обязательность. Кроме того, Халиль, находясь целый день в офисе и общаясь с клиентурой, в основном по телефону, умело добывал для фирмы нужную информацию.

Но не только за деловые качества Саит держал его в заместителях. Многое связывало их в прошлой жизни неразрывными нитями.

Когда-то они работали в одном районном отделе милиции: Саит – участковым, а Халиль – дежурным инспектором. И оба вынуждены были перейти из правоохранительных органов поближе к народному хозяйству. У каждого были на это свои причины.

Что касается Санта, то его, как говорится, «ушли». Формально это выглядело как уход по собственному желанию – всё было организовано так, что комар носу не подточит.

Вначале ему делали недвусмысленные намёки, а потом сказали в лоб: «Отвяжись ты от этой девчонки, забудь про несчастного младенца – видно, не нужен он был ни отцу, ни

матери. То, что он умер, – это к лучшему. На свете и без него хватает безотцовщины, к чему нищету плодить?» А Сайт, на которого эти доводы действовали как красная тряпка на быка, упрямо твердил своё:

– Разве может быть что-то более чудовищное, чем отнять жизнь у собственного ребёнка? И разве можно такую мать считать нормальным человеком? В природе любая тварь старается сохранить своё потомство, даже ценой собственной жизни. Нет, убийца в любом случае должен понести наказание. Я это дело всё равно доведу до конца.

– И угораздило же именно тебя найти труп этого младенца в канализационном колодце! Ты хочешь доказать, что его мать – медсестра Фарида Мутыгуллина, но где факты? Все твои доказательства – на уровне бабских сплетен. Это, дорогой мой, несерьёзно, – отчитывал его районный прокурор, а затем, по-отечески похлопав по плечу, добавил: – Брось ты, голубчик, это дело, этот злополучный младенец – не первый и не последний, который оказался не нужен родителям.

Дело об убитом матерью младенце вышло к тому времени на уровень прокурора. Сайт сам этого захотел – как оказалось, на свою же голову. Не доверяя сотрудникам следственного отдела, добился, чтобы дело передали на исследование в прокуратуру. Он считал, что там всё сделают как надо – ведь прокуратура не подчинялась ни государственным, ни партийным органам. Вон в зарубежных фильмах комиссары полиции, объединившись с прокурором, запросто мо-

гут упрятать за решётку государственных чиновников любого уровня, миллиардеров и политических деятелей, у которых рыльце в пуху.

Но надежды Сайта на то, что в прокуратуре добьётся торжества справедливости, не оправдались. Вместо того чтобы доследовать дело и передать в суд, в прокуратуре взялись за самого участкового – начали каждый день вызывать на допросы: где и как он нашёл труп ребёнка, не сообщал ли об этом кому-нибудь ещё (за разглашение служебной тайны полагалась статья).

Сайт, который наивно продолжал верить, что истина и справедливость должны в конце концов победить, горячился, пытаясь лбом прошибить стену.

– Как это нет доказательств? Что вы такое говорите? Фарида сама во всём призналась, и сама же подписала свои показания. Её признание должно быть у вас...

Прокурор, видный мужчина средних лет, с ранней сединой в красивых волнистых волосах, успокаивающим жестом поднял кверху ладонь – дескать, остынь, не кипятись. Взгляд его голубых холодных глаз прошивал Санта насквозь, как дамасская сталь.

– Состряпать бумагу – дело нехитрое. Написать на ней можно всё что угодно, и подпись подделать можно какую угодно. А ведь за бумагой – судьба человека...

– О чём вы, товарищ прокурор? Вы куда-то не туда клоните. Вызовите сюда Мутыгуллину, она сама подтвердит.

– Вот и я, дорогой, о том же подумал. Сейчас её вызовем. Она как раз у нас находится.

Сайт не далее как вчера пытался разыскать Фариду в общежитии, но дверь была закрыта. Никто ничего о ней не знал. На двери её соседки, старой девы Салимы, тоже висел замок. «Видимо, девушку арестовали, чтобы ускорить дело», – предположил Сайт, что несколько прибавило доверия к органам прокуратуры и к районному прокурору, который при первой встрече напомнил ему своим тёмно-красным галстуком типичного партийного руководителя средней руки. К Фариде Мутыгуллиной никакой личной неприязни Сайт не испытывал, наоборот, даже жалел её. Ведь за её спиной наверняка стоял какой-то подлец, толкнувший её на путь преступления. Кто-то воспользовался неопытностью и доверчивостью деревенской девушки, только что закончившей медучилище и недавно начавшей работать в республиканской клинике. Сайт был убеждён, что судить по всей строгости надо не только девушку, которая не справилась с тяжёлой жизненной ситуацией, но и отца убитого ребёнка...

Сергей Александрович взял в руки очки, лежавшие на папке с делом Мутыгуллиной, и задумчиво погрыз дужку. Потом в упор взглянул на Сайта – как ведром ледяной воды окатил:

– Мутыгуллину-то вызвать можно, нет проблем. Только она от своих показаний теперь отказывается.

Сайт вскочил со стула, как ужаленный:

– Как отказывается? Мы с ней много раз об этом беседовали. У меня и свидетель есть.

Прокурор, не обращая внимания на возмущение Санта, спокойно спросил:

– Какой свидетель? Не знаю, как можно быть свидетелем в таком тонком, можно сказать, интимном деле?

– Соседка Фариды, Салима. Её показания в той же папке. Прокурор порылся в папке, достал какой-то лист.

– Мы хотели проверить эти показания, но женщина выехала из общежития, снялась с прописки.

– Так ведь можно попытаться её разыскать.

Прокурор с явной досадой взглянул на не в меру ретивого участкового:

– Дорогой вы мой, кто же станет искать вашего свидетеля, когда у нас не хватает людей, чтобы заниматься опасными преступниками? Полагаю, вам это самому хорошо известно.

Сайт и раньше чувствовал, что какие-то могущественные силы противятся расследованию, постоянно вставляя ему палки в колёса. «Не случайно, ой не случайно куда-то исчезла Салима – видимо, запугали, а может, подкупили. Это она являлась главным свидетелем обвинения: старая дева терпеть не могла Мутыгуллину – молодую, привлекательную, модно одетую, которую каждый вечер подвозили к общежитию на машине. Теперь попробуй что-нибудь докажи без свидетеля». У Сайта больно закололо в левом подреберье – словно раскалённое шило вонзили...

Что касается самого прокурора, то он, естественно, имея за плечами многолетний опыт работы и множество раскрытых сложнейших преступлений, ни секунды не сомневался в виновности Мутыгуллиной. Всё было подтверждено документально. Понимал он и Сакманова – честный, добросовестный, с безупречным послужным списком. Побольше бы таких людей в органах.

Однако в жизни всё намного сложнее. Сергею Александровичу пришлось взяться за дело об убитом младенце по просьбе сверху – неделю назад его вызывал в обком заведующий отделом по работе с правоохранительными организациями.

– По имеющимся у нас сведениям, некий участковый вашего района Сакманов вместо того, чтобы следить за порядком на улицах, полез копать в канализацию и раскопал, говорят, мёртвого младенца. Если, конечно, сам его не прикончил, – хихикнул заведомо. – В убийстве ребёнка участковый обвиняет, – он заглянул в бумажку, – гражданку Мутыгуллину. По отзывам некоторых компетентных людей, не верить которым у меня нет оснований, Мутыгуллина – девушка порядочная, с хорошей репутацией... Ну ошиблась разок... С кем не бывает... Я надеюсь, Сергей Александрович, ты как опытный юрист сам возьмёшься за это дело. Чтобы расследование не пошло по ложному пути...

Сергею Александровичу не составило труда догадаться, чего от него хотели. «Если в этом деле задействован заведу-

ющий отделом обкома, то, видимо, Фарида Мутыгуллина не осталась без защитников, как толстовская Катюша Маслова. Чувствуется мохнатая лапа – и на каком уровне».

А хозяин кабинета, с хитрой улыбкой щуря глазки-щёлоч-ки, перешёл к более приятной теме:

– Отрадно сознавать, что я беседую с одним из лучших специалистов в своей области. У меня на столе лежат документы на представление вас к званию полковника, то есть юриста высшей категории – готовим к отправке в Москву, осталось только подписать у начальства. В этом году нам спустили сверху только две единицы. Вы знаете, как много желающих получить это звание, но руководство одобрило вашу кандидатуру по моему личному предложению.

Не уловить связь между двумя затронутыми в разговоре темами было невозможно. Если Сергей Александрович не сумеет закрыть дело о младенце – не видать ему продвижения по службе. А ведь эта звезда перед пенсией ему была бы очень кстати.

И теперь, как ни жаль ему молодого участкового, бедняге придётся смириться с тем, что на семафоре зелёный свет не зажётся.

Прокурор позвонил по внутреннему телефону:

– Приведите ко мне Мутыгуллину.

Пока Сергей Александрович делал ещё один телефонный звонок, девушку привели. Она была одета в фирменный спортивный костюм, который подчёркивал её изящную фи-

гуру, не потерявшую стройность даже после рождения ребёнка. Под глазами темнели круги, но даже это не могло испортить яркой природной красоты обвиняемой. Увидев в комнате Сакманова, Фарида опешила от неожиданности, в глазах промелькнул испуг. Однако вспомнив по-отечески заботливое и внимательное отношение к ней прокурора (нездолго до этого хозяин кабинета провёл с ней небольшую беседу, успокоив её и проинструктировав, как себя вести), выпрямилась, подняла кверху подбородок, на лице её появилось вызывающее выражение.

– Вы знакомы? – спросил прокурор, когда Мутыгуллина села.

– Конечно, знакомы. Кто его не знает, это наш участковый Сакманов, вечно суёт во всё свой нос.

Прокурор поспешил задать вопрос:

– Гражданка Мутыгуллина, это ваша подпись стоит под показаниями?

Фарида быстро, по-заученному затараторила:

– Всё, что здесь написано, неправда. Сакманов запугивал меня, угрожал – мол, если не признаешься, что ребёнок твой, то засажу в тюрьму по другой статье, а если возьмёшь преступление на себя, дадут год условно, и дело с концом. Показания я подписала под давлением, – проговорила она на одном дыхании.

Теперь уже настал черёд Санта изумлённо уставиться на развязно державшуюся девушку, которая ещё не так давно со

слезами на глазах признавалась ему в своём страшном преступлении.

– Что вы такое несёте, Мутыгуллина? Разве вы не помните, о чём вы тогда говорили? Что мать, бросившая ребёнка, обречена в загробной жизни на муки ада – это не говоря о пожизненных муках собственной совести... Вы же сами, по собственному желанию, дали показания!..

Но девушка, не дав ему договорить, вскочила с места с пронзительным криком:

– Это клевета, он меня шантажировал, угрожал!

Хозяин кабинета, являвшийся сценаристом и постановщиком разыгранного эпизода, призвал обоих участников к спокойствию. Взял в руки ручку:

– Вы эти показания подписали собственноручно?

– Да.

– Сейчас вы от них отказываетесь?

– Отказываюсь!

– Причина?

– Я уже говорила. Участковый Сакманов силой вытянул из меня ложные показания. Я никакого ребёнка не убивала просто потому, что я его не рожала. Всё это измышления Сакманова. Его самого надо привлечь к суду!

Сергей Александрович, потирая дужкой очков переносицу, устало произнёс:

– Не знаю, кому из вас верить. Давайте-ка ещё раз вас обоих послушаем...

Несколько раз он заставил повторить Мутыгуллину и Сайта их показания, внимательно слушал, что-то записывал, хотя на самом деле решение за него давно уже было принято. Фариду Мутыгуллину подержать немного – в отдельной камере – и, закрыв дело, выпустить на свободу. А участкового Сакманова, чтобы поумерил пыл, препроводить из органов куда-нибудь в народное хозяйство – естественно, по собственному желанию. И причина для этого подходящая есть – обнаружилось, что Сакманов развёлся с женой и уклоняется от воспитания ребёнка. Соккрытие этого факта – вполне достаточная причина для увольнения. Непосредственный начальник Сакманова, бывший комсомольский работник, заявил ему без обиняков:

– После этого оставить тебя в органах было бы так же нелепо, как нацепить на голого шляпу или надеть корове седло. В советской милиции должны служить морально устойчивые люди, которые служат примером во всём.

Лицо Сайта напоминало погребальную маску – он словно выслушал смертный приговор. Но даже в этот самый тяжёлый момент в жизни он продолжал верить в торжество справедливости.

Службе в милиции Саит посвятил шесть лет жизни. Это были шесть лет полной самоотдачи и беззаветной борьбы с нарушителями правопорядка. Оказавшись не у дел, Саит растерялся – оказалось, он не готов жить спокойной нормальной жизнью, ни с кем не борясь и не воюя. Хорошо ещё

нашёлся человек, который поддержал его в этот тяжёлый период – Халиль Нигматуллин.

Их дружеские отношения имели долгую историю.

Старший лейтенант Халиль Нигматуллин, как и Сайт, покинул правоохранительные органы «по собственному желанию». Выражаясь языком протоколов, «Нигматуллин, пользуясь служебным положением и склонив к сожительству замужнюю женщину – учительницу, разрушил благополучную советскую семью, оставив девочку без отца». Дело в том, что муж учительницы, с которой встречался Халиль, работал завучем в той же школе и однажды поймал любовников, что называется, с поличным. Вместо того чтобы взглянуть на это дело сквозь пальцы, как поступает значительная часть современных мужей, которые и сами далеко не святые, он раздул грандиозный скандал. Результат оказался не в его пользу. Учительница, бросив семью, сбежала в общежитие к старому холостяку Халилю – уж чем-то он сумел покорить женское сердце. Брошенный муж, воспитанный в мусульманском духе, не вынес такого позора и повесился.

Формально Халиля нельзя было привлечь к суду, в конце концов, уход из жизни – личное дело каждого, но с тремя звёздочками на погонах ему пришлось распрощаться. В итоге Халиль оказался с квартирой, женой и двумя дочками – вторая уже его собственная копия...

Сайт, ополчившись на весь белый свет, шагал по набережной Булака, проклиная свою злосчастную судьбу и прогневив-

шее насквозь общество, в котором прав тот, у кого больше прав. Вдруг кто-то тронул его за рукав – это был Халиль. Они давно не виделись, так как последний вылетел из органов раньше Санта. Настроение у Халиля было не в пример лучше – глаза сияли от радости, как будто он только и мечтал о том, чтобы встретиться с бывшим коллегой.

– Салям, Сайт! Как дела, дорогой?

– Лучше всех! Отдыхаю вот, свежим воздухом дышу – времени теперь хоть отбавляй.

– И тебя уволили? Какое совпадение!

– Тебе ведь вроде работа нравилась, – сказал Сайт, как будто не слышал о причинах ухода коллеги.

– Мне-то нравилось, да вот я, видать, не слишком нравилась. Любовь – она, брат, взаимной должна быть. Да я вовсе не жалею, что уйти пришлось. Откровенно говоря, перспективы там никакой – выше капитана всё равно бы не дослужился, специального образования нет.

– На новую работу устроился?

Халиль вместо ответа поинтересовался:

– А ты?

– Нет. Проедаю пока пособие, которое выплатили при увольнении.

– Пошли ко мне! Как раз себе напарника ищу.

– И куда ты меня зовёшь?

– В ресторан!

– Извини, дорогой, с моими капиталами мне сейчас не до

ресторанов!

– Да я тебя не на гулянку приглашаю, а на работу. Швейцаром у входа, как сейчас говорят, вышибалой.

– Ты что, смеёшься? Мы с тобой не совсем ещё отбросы общества. Как-никак в рядах славной советской милиции служили. А вдруг узнает кто-нибудь? Со стыда сгоришь!..

Халиль, которого только рассмешил совершенно неуместный в данной ситуации пафос безработного приятеля, спокойно откликнулся:

– Знаешь, что бывает с теми, кто с криком «ура» первым кидается в атаку? Они отправляются к праотцам, а кресты на грудь достаются как раз тем, кто благоразумно оставался сзади. Ты, дорогой, привык сражаться на переднем фланге, многого ли в жизни добился? А тут работа не пыльная, кормёжка бесплатная, ответственности особой нет. Ты парень здоровый, кулаки крепкие. А там поглядим. Ну, давай решай скорее, а то ведь желающие на это место всегда найдутся.

«Умеет ведь, чёрт, уговаривать! Вот так, наверное, и ту простодушную учительницу обработал», – подумал про себя Сайт, которому ничего не оставалось, как согласиться.

– ... Это только сейчас, в совковые времена, у нашего брата швейцара авторитет стал совсем не тот. А раньше он вышлся у входа в парадной военной форме, с огромными будёновскими усами – бывало, иные генералы по ошибке ему честь отдавали. Сайт, мы с тобой должны взять социалистическое обязательство: вернуть почёт и уважение этой неза-

служенно принижаемой профессии!

– То есть...

– Выпинывать на улицу штук пять-шесть алкашей в день; поймать парочку-другую любителей поесть на халяву, не заплатив; переспать со всеми официантками в ресторане; уметь пользоваться маленькими человеческими слабостями: засёк за столиком какого-нибудь начальника с чужой женой, намекни, что ты его узнал, и потом можно смело идти к нему на приём с любой просьбой...

– С последним я не согласен, это не по-мужски, – заупрямился Сайт, подумав про Халиля, что тот, казавшийся на первый взгляд взбалмошным болтуном, своего в жизни не упустит.

– Не горюй, Сайт, придёт и на нашу улицу праздник, есть у меня такое предчувствие!..

Предчувствия его не обманули. Праздник для них с Сайтом настал даже скорее, чем они ожидали.

В то время как приятели, облачившись в широченные галифе и форменные тужурки, несли службу у входа в ресторан, по всей России началась заранее обречённая на провал «борьба за трезвость».

И без того тяжёлая жизнь народа, единственной отрадой и утешением которого из века в век была водка, осложнилась «талонной лихорадкой» и нескончаемыми очередями.

Спрос, как говорится, порождает предложение. Сразу же пышным цветом расцвела подпольная продажа зелёного

змия. Для крупных дельцов это были годы первоначального накопления капитала, но кое-что перепало и таким мелким сошкам, как Сайт с Халилем. Вначале они выручали друзей и знакомых просто «за спасибо», продавая им водку по своей цене. Но в один прекрасный день Халиль спохватился:

– Слушай, Сайт, у моих галифе карман прохудился.

– Ну и ну! Ты же вроде с женой живёшь? Зашить некому?

– Посеял всю мелочь, которую получил в благодарность от алкашей. Всё, Сайт, хватит. Начинаем новый этап в нашей коммерческой деятельности. Будем брать по-крупному. Установим таксу за каждую бутылку.

– Перед людьми стыдно, Халиль...

– Стыдно быть нищим, дорогой! Сейчас настало время для бесстыжих.

И, по словам отца современной демократии Горбачёва, «процесс пошёл». Когда разгружали водку, оставляли себе ящик-другой, и продавали уже по двойной или тройной цене, а вечером после десяти – в пять раз дороже. Непосредственно торговлей Халиль с Сайтом сами не занимались, порекомендовав это дело Ахмадише-бабаю. Сын раскулаченного и сгнившего в сталинских застенках зажиточного крестьянина, Ахмадиша-бабай удачно вписался в «коммерческое трио». Он с удовольствием играл перед жаждающими алкашами роль фокусника, ловко извлекавшего из недр чёрного сатинового халата бутылки с «огненной водой».

– Последняя, больше не проси! И чтоб духу твоего больше

здесь не было.

Зажав в руках бутылку, как райскую птицу счастья, пьяница мигом испарялся...

Не только откровенные алкаши подходили вечерами к ресторану – к кому-то из Уфы вдруг пожаловал свояк, кто-то собрался отметить день рождения (какой же день рождения без бутылки?), а кто-то просто неожиданно получил тринадцатую зарплату – не нести же её жене в самом деле? Народ, во все времена не мысливший жизни без спиртного, никак не желал принимать «трезвость как норму жизни».

Выручку от продажи спиртного доверялось делить Сайту, известному своей справедливостью.

Вскоре троица компаньонов расширила сферу деятельности. Друзья завели знакомство в винном магазине, которое оказалось обоюдовыгодным.

...Прошло полгода. За это время Сайт оделся с ног до головы. У одного еврея, эмигрировавшего в Израиль, купил двухкомнатную квартиру в сталинском доме. Что касается Халиля, то он с семьёй перебрался в трёхкомнатную. Ещё через несколько месяцев Сайт стал ездить на работу на тёмно-вишнёвых «Жигулях».

Сайт с Халилем научились немилосердно выколачивать деньги из пьяных посетителей ресторана, никак не желавших покидать гостеприимное заведение в конце рабочего дня. При этом не обходилось без «фонарей» под глазом или разбитой губы, но это, как говорится, издержки производства.

Наладили отношения с руководством ресторана. Среди клиентов у Сайта с Халилем завелось немало влиятельных людей, знакомство с которыми обеспечивало им особый статус.

Было только два человека, с которыми приятели не смогли «сварить кашу». Один из них был администратор зала Мансур Мавлетов, скрытая неприязнь которого ко всей троице постепенно перерастала в открытую вражду. Больше остальных Мавлетов невзлюбил Сайта – за независимый нрав и несвойственные для мента начитанность и кругозор. Разве мог Сакманов когда-нибудь представить, что придёт время – Мансур Мавлетов станет одним из богатейших людей города, купив этот ресторан с потрохами, и что дороги бывших соперников ещё раз пересекутся.

Вторым недругом наших приятелей стал их бывший сослуживец, участковый Салих Гаяров, не дававший им покоя. Не знал Сайт, что со временем они станут не то чтобы друзьями, но нужными друг другу людьми...

Как-то раз около семи вечера Гаяров впервые заявился в ресторан. Милицейская форма чуть не лопалась по швам на его расплывшейся фигуре.

– Здорово, мужики! Ваш рабочий объект закрепили за мной. Так что прошу любить и жаловать.

После этих слов капитан незамедлительно перешёл прямо к делу.

– А ну-ка, вынеси мне одну беленькую, – велел он Халилю.

Не поблагодарив и не заплатив, он деловито сунул бутылку в карман и растворился в осенней темноте.

Чем дальше, тем более разгорался аппетит у Гаярова – он уже не ограничивался одной бутылкой. «Со мной, ребята, надо жить дружно, вы это сами должны понимать», – любил приговаривать капитан.

В один прекрасный день терпение у Сайта лопнуло:

– Эй, начальничек, не пора ли начать платить по счёту? У нас тут не благотворительное общество...

Гаяров не ожидал бунта в своей вотчине. Злобно сощурившись, он угрожающе двинулся на Санта.

– Да ты знаешь, с кем говоришь? – прошипел он.

– Знаю. Обычный мент. На Западе ещё говорят: «коп» или «флик».

– А я знаю про ваши тёмные делишки. До сих пор я вас покрывал, но теперь не сносить вам головы!

Он попытался скорчить презрительную усмешку, но в лице его сквозила растерянность оттого, что «нашла коса на камень». Сайт, спокойно глядя на Гаярова, произнёс:

– Убирайся отсюда подобра-поздорову. Мы и сами когда-то в участковых ходили. Если будешь наезжать, управу на тебя найдём.

Голос его звучал жёстко и решительно, в нём чувствовалась сила и уверенность будущего руководителя.

После ухода Гаярова Халиль, который всё это время был нем как рыба, неожиданно разгорячился:

– Подумаешь, шишка на ровном месте! Плевать мы на него хотели! Здорово ты его на место поставил, знай наших!

С того самого дня Салих Гаяров на дух не переносил не только Санта с Халилем, но и их верного помощника – Ахмадишу-бабая. Впрочем, вражда между ними продолжалась не слишком долго. Когда Саит продал ему за полцены свои вишнёвые «Жигули», Гаяров стал своим в доску парнем, выполняя роль «крыши» для двух приятелей в период «первоначального накопления капитала»...

3

...Халиль был на своём так называемом «рабочем месте» – в небольшом кабинете, хозяин называл его «камеркой», с диванчиком, несколькими креслами, сейфом и двухтумбовым столом.

Очки, которые Халиль никогда не снимал (разве только ночью), съехали на кончик носа. «Очки – это то, что отличает человека от обезьяны», – любил приговаривать он, считая, что очки придают вес и солидность. В «камерке» у Халиля тепло и уютно. Мягкие крутящиеся кресла так и тянут в свои объятия. Давно канули в Лету те времена, когда, невзирая на дождь и снег, надо было нести дежурство или стоять целыми днями на ногах у входа в ресторан. Теперь Нигматуллин, как говорится, не шухры-мухры, а заместитель генерального директора фирмы «Игелек». Хотя Халиль в точно-

сти и не представлял, в чём заключаются его обязанности, но быстро привык к своему начальственному положению, особенно любил вести долгие беседы по телефону. Без крепкого индийского чая с бутербродами он ещё какое-то время мог обойтись, но без вышеупомянутого достижения научно-технического прогресса уже не мыслил себе жизни.

Вот и сейчас он развалился на диване с телефонной трубкой в руке, с дымящимся «Мальборо» в зубах. Рот расплылся в довольной улыбке, глаза блаженно полуприкрыты. Рыжие ресницы при появлении Санта часто заморгали, кивок головой означал приветствие. Только один человек на свете имел право оторвать Халиля от его любимого занятия.

– Кончай трепаться, у меня мало времени, – сказал Сайт.

Халиль, неохотно прерывая разговор, прикрыл трубку рукой:

– Шеф, очень важный разговор.

– Ты бы на себя в зеркало посмотрел. По твоему лицу только дурак не догадается, что эти важные разговоры на амурную тему. Друг мой, телефон был изобретён Поповым не для любовных вздохов. По телефону надо лишь выяснять ответы на три вопроса: где, когда, сколько?

– Извини, я перезвоню. Тут шеф пришёл. – Халиль с явным сожалением положил трубку. Маленькой волосатой рукой почесал в затылке.

– Что-то я не понял насчёт «сколько»? Уж не имеешь ли ты в виду любовь за деньги? До этого мы ещё не докати-

лись, – обиженно поджал он губы.

– Ну-у, зачем же так, слово «сколько» имеет много значений! Сколько кило копчёной колбасы, сколько бутылок шампанского, сколько роз в букете, наконец, сколько камней в браслете или колье, которое преподносится в подарок... – с насмешливой улыбкой ответил Сайт, зная непомерную скупость своего заместителя.

Халиль, от греха подальше, поспешил перевести разговор в деловое русло:

– Я тут сидел проверял ведомости. Некоторые не решился подписать.

– Это ещё почему? Мне кажется, что поставить подпись куда легче, чем выволакивать из ресторана алкашей.

Халиль предпочёл пропустить едкое замечание шефа мимо ушей.

– Много мёртвых душ, которые у нас не работают.

– Знаешь, зачем были нужны Чичикову мёртвые души? Для престижа.

– А нам зачем?

– Чтобы налоговая инспекция не обдирала, как липку. Когда зарплата делится на несколько человек, то налоги, сам понимаешь, намного меньше... А в принципе, все мы мёртвые души. Раньше или позже... Ну что, у матросов есть ещё вопросы?

Халиль встал, подошёл к шефу, дотронулся до плеча. Надо отдать ему должное, он безропотно сносил многочислен-

ные насмешки в свой адрес – ведь, собственно, кто он такой без широкой спины Санта? Уж это-то понять ума у него хватало.

– Где пропадал столько времени? Я уже всерьёз начал беспокоиться. Телефон дома не отвечает. Ахмадиша-бабай не в курсе, а твой Замир молчит как партизан. Ты уж больше меня так не пугай, мне ещё двоих дочек надо вырастить, прежде чем помру...

Пока Халиль молол языком, Саит прокрутил в уме несколько вариантов ответа. Хотел было отвертеться – мол, был на Нижнекамском шинном заводе, – но потом решил сказать всё как есть.

– Да как тебе сказать...

– Уж не женился ли в очередной раз?

– На этот раз окончательно и бесповоротно. Скоро свадьбу сыграем – всё как положено. А ты как главный сват будешь красоваться во фраке, с бабочкой и с красной лентой через плечо.

– Я польщён. И в чьи же ворота прикажете стучаться главному свату? Откуда невесту привезём? – впал в игривое настроение Халиль.

– Невеста уже у меня дома. Я её запер на замок.

Круглое лицо «главного свата» вытянулось, в глазах появилось удивлённое выражение:

– Уж не с улицы ли ты её подобрал? И где же трудится будущая супруга? Сколько детей и мужей у неё за плечами?

«Это ты у нас главный специалист по замужним дамам», – хотел было съязвить Сайт, но промолчал. Как говорится: «Не суди, да не судим будешь».

– Студентка. Перешла на пятый курс.

Халиль, который от безделья почитывал на работе исторические романы, не упустил случая блеснуть эрудицией:

– Наш славный предок Аттила, говорят, плохо кончил, женившись на юной красавице. Отдал Богу душу в первую же брачную ночь. Не боишься, что история повторится?

У самого Халиля жена была на несколько лет старше, поэтому он всегда испытывал зависть к тем, кто был женат на молодых.

– Не волнуйся, брачная ночь уже позади. Как видишь, я уцелел. И оставь в покое прах Аттилы – он выбрал достойную смерть. Давай перейдём к нашим делам. Есть хорошие новости?

– Можно я начну с анекдота? Как-то раз Чапай возвращается из командировки и спрашивает у Петьки, всё ли в порядке. Тот отвечает:

– Полный порядок, только вот погиб геройской смертью чёрный кот.

– Это как?

– Сгорел при пожаре. Охотился за голубями на крыше сарая и не заметил, как сарай загорелся.

– Это какой сарай?

– Да тот, где лошадей держали.

– А кони где были – на выпасе?

– Нет, сгорели вместе с сараем. А от дома Фурманова одна печная труба осталась...

Сайт, который слушал эту байку в сотый раз, прервал вдохновенного рассказчика:

– Давай по сути. Я тороплюсь.

Халилю не надо было повторять дважды.

– Звонил из Москвы Аркадий. Говорит, что послал через Али «гостинец» – пять пачек папирос, начинённых гашишем. Мы их обещали в Самару переслать. Этот Али – азербайджанец, держит «комок» на Ямашева.

– Ну и как, получили гостинец?

– В том-то и дело, что нет. Али твердит, что никто ему ничего не давал. Послал я туда нескольких ребят разобраться, но там этих азеров слишком много собралось – вернулись с пустыми руками. Что скажешь?

Халиль, как всегда, не любил брать на себя ответственность, но сегодня Сайту не хотелось выяснять отношения.

– Дай время подумать. Созвонимся, – кратко ответил он и, пожав влажную руку зама, вышел на улицу.

«Сегодня, можно сказать, один из счастливейших дней в его жизни, а приходится заниматься всякой дребеденью», – с досадой подумал он. В мозгу, который наотрез отказывался сегодня заниматься делами, прокручивались мгновения их второй встречи с Зульфией, положившей начало их близким отношениям...

Саит ничего не мог с собой поделаться – перед глазами всё стояла девушка на подножке вагона, которая весело махала ему рукой, так и не ответив на вопрос: «Можно вас встретить?» То ли разрешила, то ли просто попрощалась...

В эти выходные Саит не находил себе покоя. Его терзали сомнения: «Старик, – говорил он себе, – не кажется ли тебе, что время романтической любви с букетами роз для тебя давно уже миновало? Приди в себя, образумься, она же ровесница твоей дочери! И угораздило же тебя остановить машину, старый ты дурак, как будто мало в Казани девушек, опаздывающих на поезд?»

Так он промучился два дня, но тем не менее в назначенный час стоял у красного кирпичного здания вокзала всё в том же чёрном костюме (а вдруг не узнает?) и с букетом цветов.

Переминаясь с ноги на ногу и беспрестанно поглядывая на часы, он чувствовал себя в высшей степени неловко. Вдруг её уже кто-то встречает? Ведь девушка, что называется, пальчики оближешь. Не может быть, чтобы у неё никого не было. Вдруг она приедет не одна, а с компанией сокурсниц. Студенты любят кучковаться.

Не зная, из какого вагона выйдет Зульфия, он подошёл к началу состава и встал поодаль. Его обтекала толпа сошед-

ших с поезда пассажиров с дорожными сумками и баулами в руках.

Как ни старался он отыскать глазами Зульфию в этой толчее, она прошла мимо незамеченной и остановилась в нескольких шагах от него. Стоит себе, лукаво улыбаясь, в нимбе из лучей неяркого осеннего солнца. Плащ, как и в тот раз, нараспашку. Короткую чёрную юбку и белую блузку сменила на бледно-зелёное шерстяное платье, перетянутое в талии лаковым чёрным пояском. И вновь скрестились взгляды – серо-голубой и серозелёный, заставляя учащённо биться сердца.

– Спасибо, что пришли. Вообще-то можно было не беспокоиться. Теперь я не тороплюсь и никуда не опаздываю. – Глаза девушки словно излучали сияние, от которого преображалось всё вокруг.

– Здравствуйте, Зульфия, – волнуясь, выдавил из себя Сайт, даже не расслышав, что она сказала. Он неловко сунул ей ладонь для рукопожатия. Тонкие девичьи пальчики утонули в его широкой ладони. Он помедлил, не выпуская её руку. У обоих на душе было светло и празднично.

– Поехали?

– На чём поедem?

– Я на машине.

Сайт согнул руку «бубликом», чтобы девушка взяла его под локоть.

Он усадил Зульфию на переднее сиденье рядом с со-

бой. Когда помогал ей застегнуть ремень безопасности, рука нечаянно скользнула по груди, ощутив её молодую упругость. Сайт невольно вздрогнул, по телу пробежали мурашки.

Девушка, как ни в чём не бывало, слегка отодвинулась и спросила:

– И как это вы нашли время, чтобы приехать встречать какую-то несчастную студентку, которую видели раз в жизни?

– Время? А я его на улице подобрал!

– Как это?

– Очень просто – лежало, свернувшись в клубок...

– Да вы шутник! – Девушка заливисто рассмеялась.

– Куда прикажете ехать?

– В общагу, куда ж ещё!

– Может, заедем куда-нибудь перекусить?

– Меня мама за выходные так напичкала перемячами, эчпочмаками и лапшой, что хватит до следующей недели.

– А как отец?

– Печень у него больная, иногда так схватит, что на стенку лезет от боли. Кстати, он просил меня посмотреть в городе вот эти лекарства, – говорила Зульфия, копаясь в сумочке.

Сайт не стал заглядывать в рецепты. Всё равно он ничего в этом не смыслит. На это есть знакомый заведующий аптекой.

– Надо подумать. А если достанем вам эти лекарства, то примете вечером моё приглашение?

Едва закончив фразу, Сайт покраснел. Получилось грубо

и пошло. «Кретин безмозглый, – обозвал он себя, – теперь она обидится, и правильно сделает!» Но девушка достойно вышла из этой ситуации.

– Ну, продаваться за лекарства было бы слишком дёшево. Я согласна встретиться просто так, – сказала она, опустив ресницы. – Хотя вряд ли мы с вами сможем найти эти лекарства. Эти два – польские, а вот это закупают в Германии на валюту. Наш участковый врач говорит, что эти лекарства держат исключительно для начальства – им без него никак не обойтись, ведь такого пьянства и чревоугодия никакая печень не выдержит.

– А что, и отец ваш вёл такой образ жизни?

– Старался, хотя и был всего лишь колхозным агрономом. А раньше в председателях ходил, пока не сняли за пьянство, – рассказывала девушка без утайки, как старому знакомому. Потом разговор перешёл на институтские дела, про жизнь в общежитии. Они и не заметили, как подъехали к аптеке на улице Горького. Зульфия осталась ждать в машине. Через двадцать-тридцать минут Сайт уже вышел, достав почти все нужные лекарства. Только одно из них пришлось заменить другим, но ему сказали, что оно даже лучше по качеству.

Неизвестно, кто из них был счастливее – Зульфия, с радостными возгласами складывающая лекарства в сумочку, или Сайт, наблюдавший за ней. Он ловил себя на том, что никак не может спокойно смотреть на девушку. Непослуш-

ный завиток, выбившийся из причёски, ласкает нежную кожу лица и спускается на длинную шею, влажные губы полураскрыты в улыбке. Вот так бы стиснуть её сейчас в объятиях и задушить поцелуями... Хорошо, что Зульфия, по-детски охваченная радостью, не замечала его плотоядного взгляда.

– Как это вам удалось? Мы уже три месяца ищем, все аптеки обегали. Вы, случайно, не мафиози? На первый взгляд, непохоже...

Зульфия, повернувшись к нему, окинула взглядом его чисто выбритое лицо, выдающийся вперёд подбородок, широкие плечи, как будто видела Сайта впервые. В этом взгляде Сайт прочёл не просто интерес, а нечто более глубокое и серьёзное...

Потом они, по выражению Зульфии, «двинули в общагу», где с ними случилось небольшое приключение. Не успели они подняться на третий этаж и открыть ключом дверь, как рядом будто из-под земли выросла высокая фигура – молодой усатый парень, видимо, давно поджидал девушку.

– Зульфия, стой, поговорить надо!

Сайт почувствовал запах спиртного – кажется, парень принял малость для храбрости. Зульфия не растерялась – казалось, она была готова к такому визиту.

– Ну, раз пришёл, проходи, – спокойно произнесла она. Взяла из рук Сайта сумку, сказав ему:

– Если у вас есть немного времени, пожалуйста, подождите, не уезжайте. У меня серьёзный разговор.

Сайт, оказавшись в затруднительном положении, не знал, как быть. Ему не хотелось быть третьим лишним, он дважды подходил к входной двери. Но рука не поднялась её открыть, а ноги отказывались выходить на улицу. Тут ему пришло в голову, что, возможно, девушке что-то угрожает и нужна его помощь. Сайт подошёл поближе к её двери, до него донёсся довольно резкий голос Зульфийи. Видимо, она стояла возле самой двери, потому что он отчётливо расслышал: «Я тебе всё сказала. Поздно. Я выхожу замуж. Извини, меня ждут».

Услышав это, Сайт чуть не подскочил от счастья, как мальчишка. Хотя вряд ли Зульфийа говорила эти слова всерьёз, он всё же почувствовал, что нужен ей.

Едва Сайт успел отойти в сторону, как девушка выскочила в коридор. За ней следом усатый парень. Лицо Зульфийи покраснелось, в глазах стояли слёзы, она тяжело дышала, как рыба, вытщенная на берег. В этот момент ей так нужна была поддержка и, увидев её в Сайте, она бросилась к нему на шею и по-детски, взахлёб, разрыдалась.

– Смотри, Зульфийа, я тебя на краю света отыщу. Так нечестно! – крикнул парень и, бросив беспомощный взгляд на обнявшуюся пару, направился к выходу.

Сайт хотел было догнать парня, но Зульфийа с неожиданной для девушки силой удержала его.

– Не надо, не стоит об него руки пачкать... – Зульфийа быстро взяла себя в руки, вытерла слёзы. На лице снова заиграла улыбка, и она превратилась в прежнюю беззаботную

студентку. Это небольшое происшествие, которое, как гроза, пронеслось над ними, ещё больше сблизило их и придало Зульфие решимости принять приглашение Сайта. Она отнесла лекарства девушке-односельчанке, которая вечером должна была уехать домой, потом со словами «Мы люди ответственные, слово держать умеем!» села в машину, не заставляя себя уговаривать...

Они поднялись на третий этаж сталинского дома. Сайт открыл сначала тяжёлую металлическую дверь, затем вторую, отделанную узкими деревянными рейками, и пропустил гостью вперёд. Девушке, не видевшей в своей жизни ничего, кроме деревенской избы и комнаты-пенала с четырьмя кроватями в своей общаге, казалось, что она попала в сказочную пещеру Аладдина.

Квартира Санта была дорого и со вкусом обставлена. В гостиной пушистый ковёр цвета мокрого песка так и манил пройтись по нему босиком. Стены с импортным покрытием меняли свой цвет в зависимости от времени суток и ракурса, с которого на них смотрели.

Из мебели в гостиной были диван с серебристо-серой обивкой и толстыми резными ножками, два глубоких кресла, японский телевизор, увенчанный видиком, «стенка» тёмного орехового дерева и такой же овальный журнальный столик.

В другой комнате через открытую дверь виднелась необъятных размеров кровать, на которой мальчишкам впору в

футбол играть.

Если бы не её размеры и не высокая спинка, то она вполне бы сошла за традиционное татарское сакэ. Большие окна наглухо завешены портьерами из плотной ткани.

Хозяин несколько картинным жестом простёр руку, приглашая девушку в дом:

– Зульфия, почувствуйте себя здесь полновластной хозяйкой. Я ваш покорный раб, повелевайте!

В глазах девушки появилось настороженное выражение, и Сайт почувствовал, что, пожалуй, перебарщил. Как можно более мягко и приветливо он добавил:

– Проходите, пожалуйста. И не надо меня бояться. Ведь я не давал для этого повода.

– Если бы я вас боялась, не приехала бы сюда. Вы думаете, раз у вас машина с тёмными стёклами, то при вашем появлении все женщины должны с визгом разбежаться в рассыпную?..

– Нет, я вовсе так не думаю, – ответил Сайт, немного растерявшись от её слов.

– Я, конечно, стесняюсь немного, но это лишь потому, что у меня нет такого жизненного опыта, как у вас.

Сайт, готовясь к долгожданной встрече, продумал множество тем для разговора, кучу красивых комплиментов и ласковых слов для Зульфии, но все они в нужный момент вылетели из головы, а язык словно прилип к нёбу.

– Чем можно объяснить ваш интерес к заурядной студент-

ке вроде меня? Может быть, поругались с законной супругой и места себе не находите, а тут я случайно подвернулась? Вы носитесь со мною, как с писаной торбой, встречаете с цветами, ищете для меня лекарства...

Хозяин дома никак не мог успокоиться, пересаживаясь с дивана то в кресло, то на стул. «Что же ты молчишь, дубина стоеросовая? Ведь это не она должна поддерживать разговор, а ты. Раскрой рот и скажи без утайки, что влюбился с первой же встречи, как мальчишка, как последний дурак, и что с тех пор не ешь и не спишь, всё думаешь о ней!»

Вместо этого, не глядя на Зульфию, он едва выдавил:

– У меня уже давно никого не было. Если поверишь...

– У бабушки моей есть поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Всё равно правду не скажете!

Зелёные глаза девушки, насмешливо сощурившись, приобрели холодный голубоватый оттенок. Она немного помолчала, одёргивая подол строгого, в классическом стиле, трикотажного платья. Сайт отметил про себя, что Зульфия никак не похожа на легкомысленную дешёвку.

Девушка первой нарушила затянувшуюся паузу:

– Дорогой хозяин, не хотите ли предложить чашку чая? Уверяю, любой гость оценил бы этот великодушный жест, особенно когда он с дороги!

Сайт с досадой хлопнул себя по лбу, мысленно проклиная свою недогадливость.

– Пойдёмте со мной на кухню. Поможете мне приготовить

ужин? – Он решился, наконец, попросить помощи у Зульфии.

Два высоких импортных холодильника, стоящих на кухне, оказались битком набиты: балыки, копчёное мясо, куриные рулеты, языки, фрукты, зелень, сладости, вина – чего только не накупил Сайт, готовясь к встрече. Этих продуктов хватило бы им на месяц. У Зульфии удивлённо округлились глаза.

Гостья помогла хозяину накрыть праздничный стол. Сайт разлил по бокалам французское шампанское и итальянское мартини с лёгким запахом степной полыни. Вино разлилось по жилам, ударило в голову. К хозяину дома вернулся наконец дар речи. Он заговорил стихами:

Сгорали от любви лишь раз
Меджнун и доблестный Фархад,
Но не сотрутся никогда
В истории их имена.
А я, ничтожный, тышу раз
Сгорал в огне любви, но кто
Об этом знает что-нибудь?

– Так сказал наш поэт Дэрдменд.

– Мне хочется вам верить, – сказала девушка, осторожно дую в чашку из полупрозрачного китайского фарфора. – Даже если вы тысячу раз обжигались.

– Вы действительно так считаете?

– Вы о чём – о том, что тысячу раз обжигались? Давайте

лучше выпьем за то, чтобы наша встреча была не последней.

– Это зависит только от вас, Зульфия. Будьте моей женой и хозяйкой этого дома! – на одном дыхании выпалил Сайт.

Девушка часто захлопала длинными ресницами – так, наверное, открываются и закрываются на ночь тонкие лепестки нежной водяной лилии.

– Я тоже отвечу стихами. У Тукая есть строчки: «Раскрыв секрет, сгоришь ты со стыда, глупцом тебя оставят навсегда!»

– Я раскрыл свой секрет, Зульфия. Теперь приговор за вами. Можете посмеяться и обозвать старым дураком.

Он поднялся со стула и неожиданно опустился перед ней на колени. Тяжёлый волевой подбородок коснулся округлых девичьих колен, ощутив сквозь тонкую ткань платья, как напряглись они и сжались от этого прикосновения. Зульфия была застигнута врасплох. Безрассудный и дерзкий порыв Сайта не мог не произвести на неё впечатления. Девушка вдруг почувствовала, что у неё нет сил противостоять человеку, в сущности, почти незнакомому – он обладал какой-то таинственной притягательной силой, словно приворожив её к себе. Руки и ноги Зульфии сделались ватными, а сердце, наоборот, готово было выскочить из груди. От внимания Сайта не укрылось её учащённое сердцебиение, горячее дыхание девушки обжигало его, сводя с ума. Он легонько положил руку на её плечо.

У Зульфии ещё было время снять эту руку со своего пле-

ча, отвести голову мужчины от своих колен, которые начинали плавиться, словно масло под горячим ножом. А ведь она всегда считала себя гордой и волевой, и не в её правилах было давать волю чувствам. «Не будь я Зульфия, – клялась она себе перед свиданием с Сайтом, – ни за что не позволю взять над собой верх, ни один мужчина не дожждётся, чтобы я бросилась ему в объятия на первой же встрече!» Словно дым по ветру, развеялись все клятвы и обещания. Девушку будто околдовали – губы, больше не подвластные ей, сами потянулись в сторону Сайта. Перед глазами всё поплыло...

Долгий поцелуй был слаще и пьянее самого крепкого вина... И вот уже мужские пальцы, неизвестно как проникшие между пуговиц платья, гладят атласную кожу спины. Дыхание девушки стало прерывистым, руки принялись ласкать его шею и волосы. Половодье чувств, захлестнувшее обоих, закружило, завертело их, как щепки в бурном водовороте.

Зульфия не помнила, как перенеслась в другую комнату и оказалась на той самой широкой кровати – это сильные руки Сайта подхватили её, и она полетела по воздуху, как на волшебном ковре-самолёте. Она помнила лишь склонившееся над ней лицо возлюбленного и как губы его прошептали: «Ты согласна?» Хотя ответ на этот вопрос был уже необязателен, они оба знали его и без этого...

Обычно после близости с женщиной Сайт испытывал чувство физической и духовной опустошённости, жизнь на время как будто теряла свой вкус и цвет, а по отношению к той,

которая ещё недавно лежала с ним в постели, наутро возник холодок и некоторая отчуждённость. В этот раз всё было по-другому. Его чувство к Зульфие, желание быть рядом с ней, просто смотреть на неё и ощущать, как в груди поднимается волна нежности – в этом было что-то новое, доселе неиспытанное. Она не переставала волновать его, даже когда стояла у плиты, в халате и в тапочках на босу ногу. Суровый генеральный директор, сбросив с плеч груз своих лет, вертелся вокруг неё, как проказливый мальчишка, вызывая безудержный хохот девушки своей перепачканной в муке физиономией...

Саит в эти минуты был самым счастливым человеком на свете.

5

Выйдя из офиса и сев в машину, Саит почувствовал какое-то безотчётное беспокойство, вызывавшее у него дискомфорт. Постой, как же он забыл? Эти пачки с гашишем... Сколько раз жизнь сталкивала его с азербайджанцами, столько же раз он давал себе слово держаться от них подальше. Дай бог, чтобы это было в последний раз!

...Впервые с представителями «братского» азербайджанского народа Сайту пришлось иметь дело, когда продавал единственную имевшуюся у него ценность – привезённую из Монголии «Волгу». Это было после развода с Рушанийей.

Бывшая супруга поставила вопрос ребром: «Нам с дочерью причитается половина стоимости машины». Двухкомнатной квартиры, которую она обменяла на Уфу, ей показалось мало.

У Санта были и другие причины, чтобы продать машину: у него не было ни постоянного жилья, ни приличной работы, да и машину негде было держать. Он надеялся выручить за «Волгу» хорошие деньги, распрощаться навсегда с женой, а потом купить что-нибудь подешевле – «Жигули» или «Москвич». Он успокаивал себя тем, что в середине восьмидесятых годов ажиотаж вокруг легковых машин поутих, и машины ижевского автозавода можно было купить в кредит.

Не успел он заикнуться о том, что продаёт «Волгу», как мигом набежали маклеры, по большей части «лица кавказской национальности». В те времена, когда иномарки были большой редкостью, ГАЗ-24 считался самой престижной машиной. В личном пользовании их были считанные единицы. Поэтому совсем неудивительно, что Сайт оказался в окружении усатых «собратьев по вере».

– Мы – мусульмане, можно сказать, один народ с татарами. Чем отдавать такую красавицу-машину в руки кяфиров¹, уж лучше пусть послужит правоверным, – примерно в таком духе «обрабатывали» они Сайта, неотступно следуя за ним по пятам волчьей стаей.

Они ежедневно появлялись у Сайта в общежитии с уго-

¹ Кяфир — неверный (рел.).

щением.

Лились сладкоречивые похвалы хозяину, лилось рекой дешёвое вино. Новые знакомые, превознося Сайта, клялись ему в вечной дружбе, приглашали на отдых в солнечную южную республику, предлагали сосватать ему невесту.

Сайт, хотя и успевший к тому времени испытать превратности судьбы, сохранил по отношению к людям доверчивость и некоторую детскую наивность, потому принимал все эти слова за чистую монету.

Больше остальных он сблизился с невысоким, ещё не успевшим отпустить усы юношей Абдужамилем – студентом КИСИ. Для студента, на взгляд Сайта, у него были несколько завышенные запросы. Но если есть богатый папаша, решивший купить сыну дорогую «игрушку», почему бы и не продать? Папаша не заставил себя долго ждать.

И вот уже они вместе отправились на «экскурсию» – объезжать практически новую «Волгу», наездившую всего пятнадцать тысяч километров.

Старый лис с берегов Каспия не уставал отпускать комплименты в адрес Сайта. Мол, вышел Сайт и ростом, и лицом, и умом, и если бы жил он в Азербайджане, то стать бы ему премьер-министром. Сайт, морщась, терпел приторную болтовню, понимая, что ему уже неловко будет запросить цену, за которую первоначально хотел продать машину.

Сошлись на восемнадцати тысячах. Уже успели обмыть договор, когда начались неожиданные приключения. Пока

ездили на машине в ГАИ и к нотариусу, «полетели» одно за другим два колеса.

– Саитхан, дорогой, надеюсь ты нас не отпустишь в дальний путь без запаски? – поинтересовался папаша, глядя на Сайта невинными глазами.

Сайт, не желая ударить в грязь перед новыми приятелями, занял в долг денег и достал новые колёса, Сайту и в голову не пришло заподозрить Абдужамиля или его отца в том, что они проткнули шины нарочно. Глаза у него открылись намного позднее.

Братья-мусульмане сделали попытку оставить владельца и без машины, и без денег. Но тут Сайт, как и положено советскому офицеру, проявил бдительность.

Купчие бумаги уже были оформлены, осталось только подписать последний документ, удостоверяющий, что деньги получены Сайтом сполна, и расписаться в журнале.

– Давай расписывайся и пойдём к нам в гостиницу. Там спокойно деньги пересчитаем и расплатимся, – коварно предложил будущий инженер-строитель.

Сайт огляделся. Вокруг столпилось с десятков «азеров» – родственники и друзья покупателей. Они бурно что-то обсуждали на своём языке. «Нет, так не пойдёт. Деньги надо брать сейчас. Почему-то в нужный момент они всегда в большинстве, а мы на своей земле – в меньшинстве», – вдруг сделал открытие Сайт. Хорошо ещё догадался взять с собой здорового парня – соседа по общежитию.

– Давайте считать деньги здесь, – решительно заявил Сайт.

– Поставь подпись, дорогой, – в разговор вступил папаша, ещё недавно прочивший Санта в премьер-министры. – Деньги полностью придут завтра. А пока возьми двенадцать тысяч. Давай покончим с бумагами, чтобы не приходиться сюда ещё раз. Ты разве нам не доверяешь?

– Разве могут братья-мусульмане друг друга обманывать? – возмущённо загалдела за спиной толпа казанских «азиков», специально приглашённых для оказания «психологического прессинга».

Но Сайт уже начал прозревать.

– В таком случае я отказываюсь продавать машину. Вы меня хотите надуть.

– Как ты мог подумать такое? Ты своими подозрениями наносишь кровную обиду своим братьям! Мы же тюрки, мусульмане...

Сайт дал себя уговорить.

Колёса обратно уже не вернуть. Бумаги оформлены, налог государству уже уплачен. И всё же братья-мусульмане зажали часть денег.

– Друг, выложили тебе всё, что было. Боюсь, даже на бензин не хватит. Как приедем, сразу вышлю телеграфом. Поверь старику, которому уже скоро на тот свет собираться. Разве охота мне за обман в аду гореть? – Отец Абдужамиля торжественно поклялся, держа в руках хлеб...

Деньги так и не пришли. Сайт отправил письмо. Но, вероятно, у ловкачей не нашлось листка бумаги для ответа. После этого случая у Санта на душе остался неприятный осадок. Хотя он и понимал, что нельзя переносить отношение к отдельным мошенникам и негодьям на целый народ.

Второе столкновение с представителями «братского» азербайджанского народа, промышляющими за пределами родины, не прибавило к ним симпатии и доверия.

Это был период в жизни Санта, когда он, начав вставать на ноги, занимался коммерцией – возил из Москвы в Казань разный ширпотреб.

Как-то раз трое компаньонов – Фердинанд, Гриша и Сайт – возвращались с товаром домой. Взяли на троих четыре билета в купейном вагоне. Потом выяснилось, что во всех вагонах состава проводниками были «азеры».

До отхода поезда оставалось ещё много времени. Бывалый мишарин Фердинанд забеспокоился, заметив, что проводники, собравшись возле их вагона, о чём-то совещаются. «Тут дело нечисто, что-то эмоции у них через край переливаются, – поделился он своими опасениями. – Чует моё сердце, Сайт Яруллович, они что-то против нас замышляют».

Парень оказался прав. Не прошло и пяти минут, как в купе ввалился проводник с вопросом:

– Сколько будете платить за доставку?

– За всё уплачено. Вот билеты и багажные квитанции, – ответил Сайт.

– Хочешь легко отделаться? Да на провоз такого количества багажа нужно специальное разрешение! Придётся с нами поделиться! – Проводник не обременял себя намёками.

Фердинанд, который полжизни провёл в дороге, под столом надавил Сайту на ногу – мол, не вздумай спорить, соглашайся, а там видно будет.

– Нет проблем, сколько надо, столько заплатим, лишь бы доехать благополучно, – сказал Сакманов как можно спокойнее и дружелюбнее.

Проводник немедленно отправился к своим передать ответ Санта.

– Оставаться здесь нельзя, – первым после ухода «азера» заговорил Фердинанд. – По дороге отберут товар, а нас порешат. Выбросят под откос и все дела.

– А если отдать половину товара? – спросил самый молодой, Гриша.

– Вопрос: успокоятся ли они на этом? Бережёного Бог бережёт – лучше скорее сматывать удочки, пока целы, – решил Сайт.

Пока охочие до чужого добра проводники совещались, казанцы мигом успели перетащить свои мешки, ящики, чемоданы и баулы на другую платформу. Для Сайта и его парней в этих тюках с товаром заключалось их будущее, туда были вложены все деньги, скопленные Сайтом во время работы в ресторане.

Но они недооценили противника. Как хищники на запах

сырого мяса, устремились грабители за ускользящей добычей. Сайт насчитал семь дюжих мужиков, спрыгнувших к ним с поезда. Все одинаково одетые, смуглые и с усами – из-за этого их казалось намного больше. В глаза страшно смотреть – столько там злобы и ненависти. У одного в руках топор.

Словно матери, прикрывающие телами детей, трое казанцев встали перед своими баулами и мешками.

– Гриша, бери баллончик с газом, встань у меня за спиной, выпустишь в них газ из-под моей руки! Фердинанд, встань с кастетом слева от меня! Приняли стойку!

Братья-мусульмане уже были тут как тут. Тот, который был с топором на плече, крикнул:

– Сбежать захотели! Не заплатив!

– Просто решили ехать другим поездом, – спокойно ответил Сайт.

– Половину товара – нам! – приказал вожак, угрожающе взмахнув топором.

– Джигиты, мы татары, такие же мусульмане, как вы. Оставьте нас в покое. Мы вас не трогаем, вы...

– Вы слышали, что этот козёл говорит: «Мы вас не трогаем!» Оборзели вконец...

– Не нарывайтесь, мы из Казани...

Сайт не случайно это сказал. В те времена казанские группировки гремели на всю страну. В прессе появился даже особый термин – «казанский феномен» – для этого социального

явления, имевшего место практически повсеместно...

Казалось, что нет силы, способной остановить «азеров», одержимых жадой наживы... Вожак, готовясь к нападению, уже поднял топор, остальные четверо выстроилось за ним плотной стеной. Но тут начал действовать маленький, вёрткий, как суслик, Гриша. Прямо из-под руки Сайта, стоявшего в боевой стойке каратиста, он пустил в ход баллончик со слезоточивым газом. Сначала вожак, а потом и остальные закашляли, зачихали, из глаз полились слёзы. Не дожидаясь приказа к отступлению, посрамлённые «азеры» с воплями пустились наутёк к своему составу и, отталкивая друг друга от подножки, взобрались в вагон. Даже дверь за собой заперли, – видимо, боялись погони.

– Ну, теперь их оттуда ничем не выманишь, уж больно хорош у Гриши газ! – засмеялся Фердинанд.

Сайту, однако, было не до смеха.

– Григорий, пустой баллончик выброси куда-нибудь подальше. А мы пока оттащим баулы...

Через десять-пятнадцать минут прибыла доблестная милиция.

– Лейтенант Дроздов. Вы применили против проводников баллон с газом!

– Обыскивайте, – спокойно сказал Сайт.

Лейтенант, ничего не обнаружив, отдал честь и удалился.

– Сволочи, – сплюнул Фердинанд, – уже и пожаловаться успели.

– Гриша, спасибо тебе, хорошо сработал!..

После этих двух случаев у Сайта сложилось вполне определённое отношение к азербайджанцам, в поисках лёгкой, сытой жизни бросивших родные края и промышляющих незаконными делами. Вот и сейчас дело идёт к разборке с ними – оттого-то и неспокойно у Сайта на душе.

Погрузившись в воспоминания, Сайт и не заметил, как они подъехали к основной резиденции фирмы, расположенной в посёлке Северном. Двухэтажное здание с высоким забором снаружи кажется вполне заурядным и дышит покоем. Как только машина притормозила, навстречу вышел Ахмадиша-бабай. Как будто готовился к приезду шефа.

– Салям, абзый! Как дела?

– Лучше всех! Богатею помаленьку – года коплю и в кубышку складываю. Как говорится, мои года – моё богатство, – весело откликнулся «кулацкий сын».

– Позови сюда Гришу и Мисхата.

– Это можно. – Ахмадиша-бабай скрылся в доме.

Ребята тоже словно знали о приезде шефа – вышли в полной боевой готовности. Сайт внимательно взглянул на парней. Во время долгого отсутствия шефа ребята могли бы расслабиться, но не похоже, чтобы они слишком налегали на спиртное, оба свежие, как огурчики.

– Садитесь в машину.

Когда шеф приглашал кого-нибудь в машину для разговора, Замир освобождал переднее сиденье. Таков был порядок.

– Ребята, Халиль уже вам говорил про того «азера» Али? С ним надо ещё разок серьёзно побеседовать. Только тихо, без лишнего шума. Гриша, на этот раз баллончик, пожалуйста, оставь дома, – сказал Саит с улыбкой. – Мы привыкли иметь дело с честными партнёрами. А если и в этот раз не вернут гостинцы, то примем меры. Понятно?..

Гриша и Мисхат хорошо знали, где искать Али. Вызвали его на улицу.

– Приехали забрать гашиш, – беспечно сказал Гриша, как будто речь шла о самых обычных вещах.

– Неси быстрее, мы торопимся, – добавил Мисхат.

– Ничего мне не передавали.

– Человек, который тебе посылку передал, сам приехал в Казань. Хочешь, устроим вам очную ставку? Сможешь ему в глаза соврать?

Али попал в расставленную ловушку:

– Украли в поезде, пьяный был, – затараторил он.

Гриша уставился на Али немигающими голубыми, как у мёрзлой рыбы, глазами, угрожающе сдвинув брови, и, медленно цедя каждое слово, произнёс:

– Всё равно от чужого добра проку тебе не будет! Верни, пока жив!

Али, выкатив влажные, словно вымытый в грязной воде чернослив, глаза, продолжал плаксиво оправдываться, брызгая слюной и размахивая руками, как ветряная мельница. Тем временем от киоска и от стоявших рядом машин к ним

начали приближаться соплеменники Али. Мисхат тронул Гришу за рукав: «Шеф приказал шума не поднимать. Пошли отсюда».

Они неторопливо, с достоинством – дабы не ронять престиж фирмы – удалились. Отступление было весьма своевременным.

По радиотелефону связались с шефом.

– Установите слежку за «комком». Как-нибудь при случае придётся устроить им «небольшой теракт», а там видно будет.

Произнести слова о «небольшом теракте» было равносильно тому, чтобы откупорить бутылку с джином. Парням только намекни – а уж они всегда готовы на подвиги.

Они живо сменили «Жигули» на «уазик» и, укрывшись за углом, дождались, когда к киоску подъехали серые «Жигули» с товаром. Оба чувствовали себя охотниками в засаде.

Тем временем возле киоска началось оживление – из «Жигулей» «азеры» начали заносить в киоск ящики и коробки с товаром.

– Пора. Дай газ, – скомандовал Гриша.

Мисхат как следует разогнал машину. «Уазик» пронёсся совсем рядом с «жигулёнком», задев его левое крыло и безжалостно раздавив колёсами выгруженные на землю коробки с продуктами. Возле киоска поднялся страшный переполох, но «уазик» с фальшивыми номерами уже скрылся из виду.

Когда ребята, вернувшись в посёлок Северный, доложили шефу о случившемся, Сайт отчитал их:

– Вы опустились до мелкого хулиганства. Не забывайте, что наша фирма называется «Игелек», – выговаривал Сайт, хотя глаза у самого улыбались.

– Пару дней подождём. Если московские «гостинцы» не вернут, то найдёте вот по этому адресу прораба Василия Яковлевича. Это мой хороший знакомый. Передайте ему записку от меня, и он даст вам передвижной подъёмный кран.

Нетерпеливый Мисхат вставил вопрос:

– А зачем нам кран?

– Знаешь, что случилось с любопытной Варварой? Вот-вот, побереги свой греческий нос... Что касается крана, то нужен он не нам, а Али. Он мне звонил только что, умолял, чтобы его киоск перенесли в другое место. И зачем-то просил сделать это в четыре утра...

Гриша, оценив нестандартный замысел шефа, уже улыбался во весь рот. Вот это да, это тебе не ящики колёсами давить!

– Посмотрим, как поведут себя «азеры», – продолжал Сайт. – У себя в городе хозяевами должны быть мы. Мы же не ездим к ним в Баку свои порядки наводить...

Замысел Санта, казавшийся вначале фантастическим и неосуществимым, воплотился в жизнь на удивление легко и быстро...

Раннее утро. Город ещё не проснулся. К торговому киос-

ку, расположенному на перекрёстке двух широких улиц, деловито подкатывает кран. С кабины крана на крышу киоска легко перепрыгивает усатый длинноносый парень, внешним видом напоминающий хозяина киоска. Надев резиновые перчатки, большими ножницами перерезает электрические провода и закрепляет на крыше металлические крючья крана. Затем спрыгивает на землю и начинает командовать: «вира», «майна», «подай вперёд»...

Для крана, привыкшего перетаскивать многие тонны бетона и кирпича, перенести на десять метров какой-то маленький киоск – плёвое дело. Всё равно, что перед жирным пловом или шашлыком закусить лёгким овощным салатом. Стрела крана устремляется кверху, вниз, под киоском, раздаётся треск и хруст, и вот большая металлическая коробка, оторвавшись от земли, описывает дугу и опускается на новом месте.

На асфальте, подобно Великому шёлковому пути, соединившему в древности Китай и Среднюю Азию, остаётся след в виде просыпавшихся из киоска разноцветных упаковок шоколада, печенья, сигарет и прочей «дунькиной радости».

Всё выглядит настолько обыденным, что даже стоящие на своём посту гаишники в нескольких стах метрах отсюда не замечают ничего подозрительного. Мало ли что придёт в голову хозяевам киоска – подумаешь, решили место поменять... Через час-два к «великому шёлковому пути» сбегаются расторопные бабульки с пакетами и сумками, и асфальт

вмиг становится первозданно чистым...

После этого случая Али, распродав по дешёвке остатки товара и киоск, отправился в родные края. Гриша потом утверждал, что в нём заговорили патриотические чувства и он по собственному желанию записался в армию защитников Карабаха...

6

Далеко не сразу фирма «Игелек» стала процветающей и всемогущей. Долгий и трудный путь пришлось ей пройти, прежде чем стать одной из самых авторитетных в городе.

Когда подули так называемые «ветры перестройки» и разрешили индивидуальную трудовую деятельность, то, как грибы после дождя, стали множиться различные кооперативы, общества и товарищества с ограниченной ответственностью, всякого рода АО и МММ.

Трое наших старых знакомых – Сайт, Халиль и Ахмадиша-бабай – подзаработав денег на ресторанной ниве, решили пуститься вплавь по волнам свободного предпринимательства.

– Давайте для начала откроем мастерскую по изготовлению мебели, – предложил Сайт, – а там видно будет!

На том и порешили. Присмотрели одно ПТУ, в котором из-за малочисленности учащихся пустовали помещения. Найдя подход к директору, открыли на базе училища

цах, где изготавливали столы, стулья, табуретки, деревянные лопаты для уборки снега и прочий «шурум-бурум». Не гнушались и ремонтными работами.

Нашёлся на их счастье мастер с золотыми руками – Тайса, который сумел заинтересовать ребят из училища и привлечь их к работе. Дело закипело вовсю. Сайт также взял к себе на фирму толковых молодых ребят, с которыми познакомился, работая в ресторане. Среди них были Гриша и Мисхат. Ребята оформились на фирму кто снабженцем, кто экспедитором, кто водителем. Мало-помалу начали учиться проворачивать «тёмные» дела.

Надо сказать, что «шурум-бурум», который производила фирма, пользовался спросом. Книжные полки, плечики для гардеробов, садовый инвентарь и другие бытовые мелочи расходились на ура.

Одна старушка, купившая детский стульчик для внука, растроганно благодарила их: «Доброе вы дело для людей делаете, сыночки, дай вам Бог здоровья». Отсюда и пошло название фирмы – «Игелек»².

Первый год Сайту удалось завершить с положительным сальдо. Но недолго длилось процветание мебельного цеха. Стремительный старт, суливший радужные надежды, был неожиданно прерван.

Вначале фирму со всех сторон обложили налогами. Взяв начинающего предпринимателя за горло, государство

² *Игелек* — добро, благодеяние.

нещадно отбирало больше половины прибыли. Росли цены на стройматериалы, электроэнергию, и в этих условиях делать стулья становилось уже актом альтруизма, но никак не выгоды.

Сайт, скрипя зубами, продолжал работать себе в убыток. Он пытался сохранить производство и людей любой ценой, даже за счёт личных средств и кредитов. Верилось, что он сумеет найти опору и встать на ноги. «Государство должно защищать тех, кто хоть что-то производит. Нельзя же заниматься только куплей-продажей. Ведь наступит время, когда продавать в стране станет нечего. Не об этом ли писал Андрей Платонов в романе «Чевенгур», незаслуженно забытом на многие годы? Неужели исторический опыт не пойдёт нам впрок? Неужели в России не найдётся умных голов, чтобы понять, что на несмазанной телеге далеко не уедешь?»

Возможно, Сайт и дальше пытался бы посадить всех казанцев на свои высококачественные стулья под угрозой самому остаться без штанов, но суровая действительность заставила его поумнеть.

Как-то раз Сайт отправился в лесное хозяйство за стройматериалами. Когда он вернулся, то весь небольшой коллектив из двенадцати человек ожидал его у дверей училища – кто сидел на скамейке, кто на земле. С самого утра у Санта не было настроения, а теперь что-то подсказало ему: случилось недоброе.

Не дожидаясь, пока Замир выключит мотор, он подбежал

к рабочим.

– Ребята, почему сидим на улице? Или решили устроить мне торжественную встречу?

Ответом ему была тишина – все как будто в рот воды набрали.

Снова пришлось говорить Сайту:

– Завтра привезут доски. На месяц должно хватить. Пока живём!

– Доски уже не понадобятся, – тихо произнёс старший мастер Гайса. – Шпана разгромила всё, вплоть до станков. Разве не видишь «фонари» у нас на рожах? Тут такая была битва, почище Сталинградской!

Оказывается, пока Сайт угощал лесников и задабривал лесорубов, добывая доски для своего цеха, произошло событие, круто изменившее ход его жизни и наложившее отпечаток на его мировоззрение.

Дело было так: около двенадцати часов дня у дверей мастерской остановились четыре легковушки. Оттуда, словно сорвавшиеся с цепи бешеные псы, выпрыгнули около десятка парней в кожаных куртках, которые вышибли дверь и ворвались внутрь. Направив на бухгалтера Наилу-Нонну Орбакайте баллончик со слезоточивым газом, лежащими на столе ключами открыли сейф и выгребли оттуда все деньги. На шум прибежали рабочие, которые были встречены кастетами, монтировками, железными прутьями и всё теми же баллончиками с газом. Надо сказать, что работники це-

ха оказали достойное сопротивление – нападавшим тоже досталось. Налётчики, взбешённые «негостеприимным приёмом», вконец озверели и в то время, пока люди Сайта лежали ослеплённые газом, чихая и кашляя, они поломали и порушили всё, что попало им под руку – оборудование, станки, готовую мебель. Мастерская, в которой всегда царили чистота и порядок, приобрела плачевный вид. Казалось, даже взрыв гранаты или мины не оставил бы столь разрушительных последствий.

И ведь какое совпадение – Сайта не было в городе. Не было на работе и Халиля. Долгое молчание Сайта прервал наконец Гайса-ага, который, покашливая в кулак, внёс некоторую ясность в вопрос:

– Будь прокляты эти нелюди! Сайт, ты можешь меня тоже проклясть, но должен тебе сказать, что я в этом деле тоже сыграл свою роль.

Все изумлённо повернулись в сторону старого мастера: «Да он, видно, совсем из ума выжил, раз такое мелет». Дело могло принять ещё более интересный оборот.

– Один из тех парней в кожаных куртках, солидный такой, вчера после обеда заходил в мастерскую. Спросил у меня: «Где ваш начальник?» – «Будет ближе к вечеру», – ответил я. «А завтра будет? Мы хотели сделать вам выгодный заказ». – «Сайт Яруллович будет только послезавтра. Завтра уезжает в район», – возьми да и брякни я. А он перевёл разговор на другую тему, начал расхваливать нашу продукцию, интере-

совался, что да как.

Долго он тут крутился, паразит. «Мы тоже хотим организовать что-то в этом роде», – сказал, когда уходил. А на другой день был тут со своей бандой. Я его, сволочь, сразу приметил. Он больше других усердствовал.

Теперь кое-что прояснилось: они нарочно подобрали время, когда Сайта не было ни дома, ни на работе.

– В милицию сообщили?

– Здесь телефон оборвали. Пришлось подняться в директорский кабинет, позвонить оттуда.

– Ну и что, приехали?

– Приехать-то приехали. Остановились в двухстах метрах отсюда – ждали, пока эти бандиты сядут в свои машины и уедут. Только когда пыль на дороге улеглась, не спеша подкатили. Устроили допрос – дескать, почему не проведена сигнализация, почему не составлен договор с правоохранительными органами об охране помещения, за деньги, естественно, и всё в этом роде. Короче, облаяли нас – мол, сами во всём виноваты, и велели вам явиться завтра в десять часов к майору Гаярову.

Пытаясь изо всех сил сдержать обуревавшую его ярость, Сайт молча смотрел на свою мастерскую, вернее, на то, что от неё осталось. Впервые в жизни ему хотелось плакать, в горле стоял тяжёлый, горький комок. Мастерская была его любимым детищем, каждый станок он знал в лицо, самолично отыскав и привезя его сюда. Теперь большую часть обо-

рудования уже не удастся восстановить.

В руки бандитам попала также порядочная сумма денег. «Своими руками раздам сегодня зарплату, порадую людей», – мечтал Сайт, возвращаясь с досками из леспромхоза. И вот мечта разбилась о суровую действительность, как разлетается вдребезги горшок на майдане Сабантуя, когда по нему ударяют дубиной. Ясно, что парни в кожаных куртках – простые исполнители, за ними кто-то стоит...

Этот день, наполненный горечью и болью утраты, навсегда остался в памяти саднящим душу воспоминанием. Изуродованная варварами мастерская долго стояла перед глазами символом беспричинной жестокости, враждебности и злобной ненависти ко всему доброму и человеческому.

Сайт послал Замира в магазин. Водку и нехитрую закуску вроде хлеба, сыра и колбасы разложили на единственном оставшемся целым столе.

– Что ж, давайте справим поминки по нашей мастерской. Земля ей пухом, а у тех фашистов, которые здесь побывали, чтоб руки-ноги отсохли.

Когда стакан пошёл по второму кругу, Сайт, ни на кого не глядя, спросил:

– Есть ли смысл восстанавливать мастерскую? Кто как думает? Что будем делать дальше, как жить?

Воцарилась тишина, как на настоящих похоронах. Никто не осмеливался заговорить. Наконец, Гриша нарушил молчание:

– Саит Яруллович, давайте с этим училищем рассчитаемся. К чему платить лишние деньги за аренду? Эта шпана может сюда снова нагрянуть. То, что уцелело, переведём к Ахмадише-бабаю. У него в доме места хватит. Эти подонки не должны знать нашего нового адреса.

Саит принял к сведению разумный совет.

– Гайса-ага, ты как считаешь?

– Саитжан, дорогой, ты уж не обессудь, но я больше на работу не выйду. Не хочется мне на старости лет битым ходить, вместо старухиной лапши бандитскими тумаками угощаться.

– Ладно, Гайса-ага. Только с зарплатой придётся подождать, рассчитаюсь позже.

– Ты мне ничего не должен. Надо будет, позовёшь. Но в таких условиях работать не могу.

Саит сказал последнее слово, словно вбил последний гвоздь:

– На несколько недель расходимся. Встретимся в Северном. Желающие пусть приходят туда. Как будем жить дальше, пока не представляю. Я не пророк. Могу только сказать одно: по-старому не получится. Мы не можем больше кормить всяких шакалов, привыкших к падали, жить в страхе перед ними. Наоборот, пусть нас все знают и издали честь отдают. Думаю, что многим из вас придётся сменить ремесло. Кто не хочет со мной оставаться, свободны. Денег, чтобы рассчитаться, у меня нет – сами упустили. Так что не оби-

жайтесь, – жёстким голосом закончил Сайт.

Для него это безрадостное событие стало важной вехой, отметившей начало какого-то нового этапа в жизни.

На другой день он отправился к Салиху Гаярову. Разговор с майором был долгим. Вначале Сайт хотел обвинить милицию в бездействии, в неспособности бороться с бандитами – отсиживались же менты в машинах, испугавшись «кожаных курток». Но сумел сдержать первый порыв – сам когда-то работал ментом, не стоит валить вину нескольких сотрудников на всю милицию. Помогло найти общий язык и давнее знакомство с Гаяровым.

– Сайт Яруллович, вынужден открыть на вас дело, – так, на официальной ноте, начинался их разговор. Закончился он куда миролюбивее.

– Сайт, старик, заходи почаще, друзья должны всегда друг друга выручать, – сказал на прощание Гаяров.

7

Сайт уже был, что называется, «тёртый калач» – ни при каких обстоятельствах не терял уверенности и самообладания, умел постоять за себя и своих близких. Жизнь научила его осмотрительности и осторожности, выработала в нём лисье чутьё и интуицию, помогающие издали распознавать и обходить стороной разного рода ловушки, находить выход из любого положения.

За прожитые годы Саит приобрёл широкий кругозор. Хотя иностранных языков изучить не пришлось, но родным татарским и русским он владел в совершенстве. Когда служил в Монголии, то, в отличие от сослуживцев, в свободное время глушивших водку, штудировал книги по истории, философии, перечитал много художественной литературы. Ему нравились герои дерзкие, романтического склада, бросавшие вызов судьбе. Больше всего на свете он ненавидел бессмысленное, бездумное существование. «Гореть, а не тлеть!» – возможно, так сформулировал бы он своё жизненное кредо, если бы его об этом попросили.

Получив от судьбы жёсткий удар ниже пояса, Саит недолго зализывал раны. Его активная, деятельная натура толкала на поиски новых жизненных путей и решений.

Он долго сидел над документацией, вновь и вновь проверяя статьи расходов и доходов. Трудно было поверить в то, о чём неумолимо свидетельствовали цифры – за полгода мебельный цех не принёс ему никакой прибыли. По выражению идейного отца коммунизма Маркса, начальный капитал, поглощаемый расходами, ничего не прибавил к обороту и вернулся к исходному, нулевому состоянию: деньги – капитал – деньги – нищета. И денег не смог заработать, и капитал тью-тью! Сколько же впустую потрачено времени, сил и энергии – всё, как говорится, ушло в «молоко». Он чувствовал себя рыбаком, который остался один в огромном океане. Саит долго сидел в задумчивости, запустив пальцы в шевелю-

ру. Хотя он и не ставил богатство и деньги на первое место в шкале жизненных ценностей, всё же считал, что уровень жизни является показателем умственных способностей человека. Ему вспомнился старый анекдот.

«Едут как-то верхом два ковбоя. Видят, на дороге лежит дерьмо.

Один спрашивает:

– Ты мог бы его съесть?

– Отчего не съесть, если за это заплатят.

– Вот тебе 500 долларов.

Второй ковбой съедает дерьмо и кладёт деньги в карман. Едут они дальше и натываются на другую кучу дерьма. Второй ковбой говорит первому:

– Вот тебе 500 долларов, если ты съешь его.

Первый съедает дерьмо и получает деньги.

Они снова пускаются в путь, а через некоторое время первый ковбой спрашивает:

– Слушай, тебе не кажется, что мы с тобой едим дерьмо бесплатно?..»

Саит сейчас чувствовал себя в положении этих ковбоев. Выходило, что гораздо выгоднее было скупать оптом импортную мебель и перепродавать её мелкими партиями, чем производить свою собственную. Как выяснилось, их фирма сводила концы с концами только за счёт продажи финских стульев, «немецких» диванов и кресел, изготовленных турецкими собратьями.

Занимаясь ликвидацией своего мебельного производства, реализацией и перевозкой уцелевших изделий, Сайт неотступно думал о будущем – своём и преданных ему ребят, за которых чувствовал ответственность. Он пришёл к решению начать какое-то новое, серьёзное дело. Да и Салих сказал: «Столы и стулья делать несолидно, выбери себе что-нибудь покрупче». Уж если сотрудник милиции такое говорит...

С чего же начать? К кому обратиться? Не идти же снова торговать водкой из-под полы! Разве что открыть свой завод. А для этого нужна «капуста», а также всякие там липовые патенты и сертификаты качества...

Внезапно Сайт вспомнил об одном знакомом из Донецка – вместе учились в военном училище. После окончания училища, он, не делая ставку на военную карьеру, окончил политехнический институт и устроился на КамАЗ. Поскольку заводом управляли из столицы-матушки, парню с еврейской фамилией не так трудно было найти себя и сделать карьеру; через несколько лет он уже стал заместителем генерального директора по коммерческой деятельности.

– Если нужно будет, приезжай, помогу, – сказал как-то при встрече в Казани его бывший сокурсник Зильберштейн.

Кажется, пришло время воспользоваться его предложением. Сайт терпеть не мог просить, но иногда бывает необходимо смирить свою гордыню. Другого выхода не оставалось. «Ты же был вышибалой в ресторане, – уговаривал Сайт сам себя. – Ниже этого уже трудно опуститься. Ну, подумаешь,

если Родион откажет в помощи, то конец света от этого не наступит. А кроме того, хотя бы повидая многочисленных челнинских родственников». Взвесив все «за» и «против», Саит решил ехать. Как говорится, под лежащий камень вода не течёт.

Несмотря на весеннюю распутицу, в один из погожих ясных дней Саит с Замиром отправились в автоград.

Хотя КамАЗ ничего не давал татарскому народу, он кормил множество проходимцев, давал возможность сделать карьеру. Руководство завода, перенея замашки и амбиции советской бюрократии, держалось нагло и беззастенчиво, не упуская ни одной возможности личного обогащения...

Саит, не называя секретарю своего имени, попытался прошмыгнуть в кабинет со словами «я по личному вопросу», но, как говорится, номер не прошёл. Да и когда его бывший однокашник услышал «Сакманов, из Казани», первой реакцией были слова: «Что за мудаки?» Только когда Саит вошёл в кабинет, лицо его просветлело, он заключил Сайта в объятия:

– Ба, как я сразу не вспомнил – наш бывший отличник Саша Сакманов! Я думал, ты бороздишь казанские просторы, а ты, оказывается, здесь ошиваешься. Садись. Маша, тащи скорее чай и ещё чего-нибудь покрепче. Не каждый день друзья юности в гости приходят... Ну, рассказывай, как дела? Вроде как похудел, седина на висках? И вид невесёлый... Жена, что ли, бросила? Не бери в голову, хоть сейчас тебе

кого-нибудь найдём. Понравится – забирай мою Машу, будем с тобой свояками.

Сайт хорошо знал этот приём начальства: попытаться спустить дело на тормозах (а речь, как правило, идёт о какой-либо просьбе) и выпроводить посетителя ни с чем, дружески похлопывая по спине.

Принесли отменно крепкий чай и к нему бутылку «Белого аиста». За чаем и за коньяком Сайт рассказал обо всём, что с ним случилось. «Извини, что приходится к тебе за помощью обращаться», – так завершил он своё повествование.

Сайт не счёл нужным ходить вокруг да около – выложил всё напрямую. Он полагал, что Родион, как умный человек, давно уже догадался, что бывший однокашник явился через столько лет явно не потому, что соскучился.

Со стороны, судя по застывшему взгляду хозяина кабинета, могло показаться, что он вовсе не слушает Сайта. Однако результат оказался совершенно неожиданным. Донецкий «мишарин» Родион Зильберштейн, высокий дородный мужчина с седой кудрявой шевелюрой, услышав о разгроме мебельного цеха, не мог удержаться от хохота.

Недаром говорят: кошке веселье, а мышке – слёзы.

– Как ты говоришь – забрали всю выручку и разгромили оборудование? Короче, в духе времени. Вот она – конкуренция в действии...

Сайта разбирала обида – бывший сокурсник по военному училищу не воспринял всерьёз того, что для него явилось

настоящей трагедией.

– Видел бы ты, сколько всякого добра привели в негодность эти сволочи, – в сердцах сказал Сайт. Одного ругательства ему показалось мало, и он ещё добавил: – Заразы!

– Ну-ну, зачем так грубо! Выражайся интеллигентнее, ты же всё-таки бывший военный офицер, чёрт побери! Небось, всё твоё имущество и одного КамАЗа-то не стоило?

– Дело разве в этом, Родион? Эти ребята в джинсах – простые исполнители, за которыми стоит фигура посолиднее. Страшно то, что сейчас ведётся сознательная политика против того, кто что-то выпускает, производит, против роста производства. Это означает в перспективе экономическую отсталость. Сколько можно жить за счёт товаров, которые приходят с Запада? Осталось совсем немного – и мы попадём к ним в кабалу, окажемся в положении рабов...

– Дружище, ты что-то слишком глубоко копаешь. Понимаю, конечно, что хочется кому-то излить душу. По правде говоря, у нас здесь то же самое. – И, сверкнув ровными, крупными зубами, добавил: – Каждый, как и ты, заботится о своих собственных интересах. И правильно делает.

Сайту пришлось сделать вид, что не заметил этот камешек в свой огород. Раз пришёл просить, то молчи в тряпочку. Ничего, проглотил обиду вместе с чаем, запив «Белым аистом».

Родион Сергеевич прошёлся по кабинету. Несмотря на массивную фигуру, движения были энергичными, походка пружинистой. «Держит форму, – отметил про себя Сайт. –

Наверное, несколько раз в неделю ездит в бассейн или, как сейчас модно, в теннис играет».

Зильберштейн наполнил чаем опустевшие чашки из тонкого японского фарфора, налил коньяку в крошечные, с напёрсток, рюмки, потом неожиданно спросил:

– Сколько тебе нужно КамАЗов?

– Ну, хотя бы два или три...

Родион Сергеевич снова расхохотался, откинув назад голову.

Вдоволь насмеявшись, хлопнул Сайта по плечу. Сайт, не любивший панибратских жестов, когда подвыпившие соседи по застолью «вытирали» свои засаленные руки о его пиджак, на этот раз не обиделся – ведь бывший однокашник искренне хотел ему помочь.

– Мелковато плаваешь, Саша. Стоило ради двух КамАЗов сюда тащиться. Так ты никогда на ноги не встанешь!

– А сколько сможешь дать?

– Бери сорок!

– Да ты что?! Откуда у меня такие деньги?

– Нужно взять кредит.

– Кто же мне даст кредит на такую сумму?

– Саша, ты прямо как дитё малое, тебе всё надо разжевать и в рот положить. У меня времени мало, так что ты слушай и не переспрашивай. Перечислишь деньги. Заберёшь КамАЗы, поддержишь их где-нибудь с полгода. Если сможешь хорошенько спрятать, то через шесть месяцев считай, что у те-

бя уже сто двадцать КамАЗов. Завтра в два приходи с письмом – там должно быть обоснование того, что тебе позарез необходим кредит. Помозгуй хорошенько, письмо должно быть толково составлено.

Сакманов понимал, что КамАЗы будет получить нелегко. Он и сам любил во всём порядок. В студенческие годы он выделялся среди однокашников своим каллиграфическим почерком, умением логично строить высказывания и находить веские доводы. Из него мог бы получиться классный функционер, человек из аппарата. Жаль, вовремя никто не разглядел...

Родион устроил его в ведомственную гостиницу. До самого утра Сайт не спал – сочинял письмо-обоснование. Писал, что машины нужны для детских домов, домов престарелых и больниц, поэтому просил сбавить цену, насколько это возможно. Дальше этого он не смог ничего придумать. Ведь не напишешь: отдайте подешевле, чтобы мы потом смогли загнать ваши КамАЗы подороже.

Как и следовало ожидать, Родион остался недоволен.

– Меня эта писулька не убедила. А ведь я с ней должен идти к высшему начальству, убедить снабженцев. Письмо должно быть такое, чтобы крыть было нечем. Дарю тебе идею. Ты напишешь, что для нужд родной республики позарез нужны машины, на которые из Центра спускается лимит. А мы, представители местной организации, которые ходят по земле Татарстана и едят его хлеб, должны

помочь любимой республике. Понятно, что если официально разрешить отправить машины напрямую, то поднимется шум. Значит, мы должны отпустить КамАЗы местной администрации только через частные торговые организации, да и то только некондиционные, – тут губы хозяина кабинета разъехались в хитрой улыбке, – а их-то мы можем уступить по более низкой цене. Вот эту идею постарайся развить на бумаге!

Сакманов вновь засел за письмо, вновь писал и зачёркивал. Второй вариант письма был Родионом принят, хотя и с поправками. Родион сам поднялся к вышестоящему начальству, собрал все подписи, затем у себя в кабинете созвал совещание, куда пригласил всех ответственных лиц.

– Уважаемый Му навар Абрарович нас как-то распекал, что не помогаем машинами родному Татарстану. Вот представился удобный случай. Даём сорок КамАЗов. Кто-нибудь против? Нет! Этот товарищ – директор фирмы «Игелек». Как только перечислит деньги, будем выдавать ему каждую неделю по пять КамАЗов. Водителей пускай найдёт сам. На этом совещание можно считать законченным. А вы, товарищ, задержитесь на несколько минут. – Он сделал жест в сторону Сайта.

Сайт подумал, что это только начало. Заварил кашу – что дальше будет? Оказывается, каких бы высот и званий ни достиг человек, он всегда сохраняет в себе что-то детское. Солидный и представительный Родион, имевший дело с мил-

лионными счетами, не упустил случая по-мальчишески прихвастнуть:

– Видал, как я их обработал? Проглотили за милую душу – и не подавились!

Сайт, довольный и счастливый, снимал напряжение крепким чаем.

– Век не забуду твоей помощи! Что требуется от меня?

– Лишнего не возьму. Прибыль, которую получишь с продажи трёх машин, отдашь мне. Лично в руки. И то не для себя беру...

Даже после этого Сайту пришлось изрядно попотеть, чтобы получить свои КамАЗы. С чиновниками разного уровня, от которых зависело разрешение на выдачу машин, приходилось действовать по принципу «кашу маслом не испортишь». Но Сайт был не из тех, кто упускает свой шанс. Прошло не очень много времени – и он стал владельцем сорока машин.

За годы занятий бизнесом у него выработался определённый стиль поведения. На лице дежурная «голливудская» улыбка, хотя умные серо-голубые глаза всё время настороже. Движения быстрые, энергичные, даже когда никуда не торопится. В разговоре не терпит фамильярности, не опускается до грубопростонародных выражений и мата, даже годы работы в органах не смогли развить в нём этой привычки.

Никогда не откладывает на завтра те дела, которые может решить сегодня. Он знает, что завтрашний день может при-

нести с собой ещё больше проблем.

Эти деловые качества и помогли ему успешно повернуть операцию с КамАЗами. А ведь нужно было ещё перечислить деньги за них.

Саит объездил всех своих знакомых и родственников в Челнах и в Казани, вышел на государственный уровень, добиваясь предоставления кредитов. В нём была такая неудержимая сила, такая напористость и целеустремлённость, что трудно было ему отказать – этот человек всегда добивался того, чего хотел.

Насчёт хранения КамАЗов Саит решил поговорить с одним председателем колхоза из Черемшанского района – во времена его детства тот работал у них в деревне агрономом. Только в сельской местности можно было укрыть такое количество машин.

Распили бутылку «Абсолюта», и председатель с кудлатой седой шевелюрой, больше похожий на мордвина, чем на татарина, дал «добро», поставив при этом свои условия. Сулейман-абзый, несмотря на возраст, мыслил в духе времени.

– Согласен, подержу шесть месяцев в нашей лесопосадке.

Саит предложил объяснять любопытным, что это временно разместились воинская часть.

– Башковито, – одобрил председатель. – Нужно будет присобачить к машинам какие-то военные знаки, эмблемы, флажки. А то эти мальчишки – сам знаешь, они везде пролезут. Охрану на себя полностью взять не могу. Пусть твои

ребята здесь живут, так вернее будет.

И в заключение, подумав, добавил:

– За это ты мне продашь пару КамАЗов за ту цену, по которой купил.

Сайт почувствовал себя в роли жениха, приехавшего просить невесту – раз назначили калым, то придётся платить. Через шесть месяцев нужно будет часть машин отогнать к китайской границе, а те, что получше – в Брестскую область, город Чои, – говорят, они там хорошо идут.

Сайта часто выручало данное ему природой могучее здоровье.

Если даже что-то отказывало в его отлаженном, как часовой механизм, организме, он никогда никому не жаловался и старался скрыть недомогание. Не любил тратить время на болезни. Нежиться в постели и, умирая от жалости к самому себе, глотать лекарства не пристало мужчине, считал Сайт.

В трудные минуты, когда опасность нависала над ним, как дамоклов меч, Сайт умел сконцентрировать все силы на решение насущных проблем. Вот и сейчас, пораскинув мозгами, одел своих людей кого в милицейскую форму, кого – в военные бушлаты, поехал пригонять КамАЗы. Выбрали в лесу поляну поукромнее, замаскировали пятнистыми тентами. Все ребята, служившие у Сайта, работали, можно сказать, бесплатно, в счёт будущего – расплачиваться Сайту пока было нечем. Именно в эти тяжёлые времена Сайт и сколотил костяк своей организации – парней, готовых по его приказу

идти в огонь и в воду. Будучи в прошлом военным, Саит с самого начала поставил ребром вопрос дисциплины. Старался, чтобы парни не слишком хорошо знали друг друга. Делил их на группы, и каждый рядовой член должен был знать только старшего в своей группе и Сайта Ярулловича.

Когда наконец на горизонте забрезжила звезда надежды, предвещавшая конец тёмной полосы в его жизни, Саит будто помолодел, расправил крылья, живя планами на будущее. Когда часть КамАЗов была продана с солидной прибылью и фирма начала вставать на ноги, он собрал своих ребят, которые не покинули его в трудное время, для серьёзного разговора. В назначенное время явились все до одного. Теперь уже Саит хорошо представлял себе перспективы – и свои, и парней. Он решил провести это совещание так, чтобы оно запомнилось на всю оставшуюся жизнь. Побывав на КамАЗе, он кое-чему научился у тамошних руководителей – например, пускать пыль в глаза.

Стол по-праздничному накрыт, на нём стоят бутылки с дорогим коньяком, лимоны, орешки, шоколад. Сайт, хоть и видел, как у ребят заходили кадыки вверх-вниз при виде выпивки, не торопился открывать бутылку. Он начал свой «спектакль одного актёра».

– Ребята! Что я вам скажу... Времена тяжёлые. Можно выжить только, если, по словам поэта, «возьмёмся за руки». Но если в цепи есть слабое звено, то цепь рано или поздно порвётся. Поэтому говорю заранее: работа в моей фирме –

дело добровольное. Но уж если примете решение остаться, то должны держаться вместе до конца...

Как будто потеряв нить рассуждений, он сделал задумчивую паузу.

– Если начнёте посматривать по сторонам, искать, где больше платят, то уж не обессудьте. Это не угроза, это пока предупреждение. Мы, как бусинки в чётках, должны быть неразделимы. Если порвётся нить и потеряется хоть одна бусинка, то это уже не чётки. Мысль понятна?..

Когда мы открывали свою мебельную мастерскую, то намерения у нас были самые что ни на есть добропорядочные. Потому и назвали фирму «Игелек». Но нам не дали работать. Поэтому, как сказал в своё время Володя Ульянов, мы пойдём другим путём!

Как человек, долгое время работавший в правоохранительных органах, говорю вам: лучше не иметь дела с ними. Знаю многих, которые вернулись с зоны или отсидки. Это уже совершенно не те люди, что были раньше – морально опустившиеся, сломленные духом. Тень от прежнего человека, да и только. Так что постарайтесь не попадаться!

Сайт подал знак сидевшему рядом с ним Мисхату, готовому в любой момент угодить шефу, открыть бутылку. Сам разлил золотистый коньяк по рюмкам. Взял в руки свою. Как будто разглядывая солнечные блики, которыми лучился дорогой хрусталь, неторопливо продолжил:

– В самом деле, мы с вами встали на трудный путь – на-

чинаем собственное дело. Каждому найдётся работа, будет и зарплата. Воровство, вымогательство, насилие, драки на улицах – это занятие для бездельников. Мы с вами до этого не опустимся. Если будете служить верой и правдой, то будете щеголять в кожаных куртках и «безлошадными» не останетесь – каждый будет на колёсах. Будете чувствовать себя хозяевами жизни, членами солидной организации. Название её менять не будем, пускай вспоминают нас... Тост у меня будет такой. Есть на свете три змея-искусителя – это водка, женщины и алчность. Они втроем, как волки за раненым зверем, неотступно следуют за нашим разумом. Чтобы мужика погубить, достаточно и одного из этих пороков. Уберечь нас от них может только наш разум. Вот за это, ребята, и выпьем – чтобы ни при каких обстоятельствах не терять головы!..

Судьба, однако, дама непредсказуемая – постоянно посылает человеку испытания. Сайт, вернувшись с той встречи домой, не успел даже переодеться, как зазвонил телефон. Когда звонят в такое позднее время, не жди добрых вестей. Это был Сулейман-абзый:

– Сайт, плохи наши дела. Кто-то настучал про КамАЗы в милицию. Приезжал начальник, Насыров его фамилия, осмотрел тут всё кругом. Уж больно наглый тип. Никого в районе не слушает. Приезжай скорее...

На душе было беспокойно, Сайт, несмотря на ночное время, разыскал Замира и они выехали в Черемшанский район. Прибыли утром.

Председателя встретили на улице.

– Эх, зря я с вами связался, нечистая сила попутала. Мне ведь до пенсии всего-то два года осталось!

– Оснований для паники нет. Бумаги у меня в порядке, – постарался успокоить его Сайт, хотя у самого кошки на душе скребли.

– Насыров мне кричал, что я, мол, с мафией связался. «Сколько тебе на лапу дали? Были бы партийные времена, я бы знал, что с тобой делать!»

– Сейчас я еду к нему. Поговорим, надеюсь, найдём общий язык.

Сулейман взял Сайта за руки, поднял на него светло-серые водянистого цвета глаза – цвета соли, которую дают лизать скоту.

В этих глазах Сайт увидел отчаяние и мольбу:

– Сайт, ради бога, меня не впутывай. Скажи, что я почти ничего не знал.

– В таких делах «почти» не бывает, Сулейман-агай. Если скажу, что ты не знал ни о чём, тебе же хуже будет – скажут: «У него под носом мафия орудует, а он ни сном ни духом». Тогда уж с работы полетишь, и не видать тебе персональной пенсии.

– А если скажу, что с моего разрешения?

У Сайта, который уже про себя решил, как действовать, постепенно поднималось настроение:

– Ну, в этом случае тебе укажут на твои ошибки и вкатят

выговор. А выговор – это не СПИД... С ним можно жить до конца жизни...

– Кончай свои шуточки, Сайт. Ты, случайно, не поддал по дороге?

– Зачем раздувать трагедию из ерунды? Машины ведь не краденые, а получены по закону – всё как полагается. Документы при мне.

– Ох, не знаю, что делать, что им сказать, – продолжал ныть председатель, переминаясь с ноги на ногу в осенней грязи.

– А если предложить Насырову деньги или одну машину? Сулейман-абзый подпрыгнул, как ужаленный:

– Да ты что, ни в коем случае. Сразу посадит за взятку!

– Неужели не берёт? Ни у кого?

– Да строит из себя честного. Мечтает, чтобы перевели в Казань с повышением.

– Жаль, что не успели это сделать.

– Ну, если нас с тобой на крючок подцепит, то точно заработает повышение.

– Не паникуй, Сулейман-абзый. Голова ведь не только из костей состоит. В ней ещё должно быть серое вещество. Прежде чем ехать разговаривать, давай всё как следует обдумаем.

– Знаешь, когда я нервничаю, котелок у меня отказывается варить!

Сайт попытался его успокоить, используя для этого все

приёмы. Наконец, председатель, которого Сайт убедил, что вина его не столь уж и велика, выдал дельную мысль:

– Знаешь что, давай-ка мы составим с тобой договор о том, что я беру на хранение КамАЗы.

– А не поздновато?

– А мы его задним числом провернём.

Составили бумагу, подписали, шлёпнули печати, какие нужно. Сайт внёс в колхозную кассу энную сумму. Хотя председателю страсть как не хотелось ехать в отделение милиции, Сайт не позволил ему остаться, а по дороге наставлял, какие давать ответы в той или иной ситуации.

– У мента может возникнуть вопрос по поводу нашего договора. Скажет: «Зачем согласился взять машины на хранение?» А ты не теряйся, говори, что позвонили из Совмина, от зама такого-то – мол, к вам поступит сорок некондиционных КамАЗов, вы их должны хранить до весны, а весной их продадут колхозам и совхозам по низкой цене. Если Насыров спросит: «Кто звонил?» (а этот вопрос он задаст обязательно), скажи: «Точно не запомнил. Кажется, Абзгильдин, а может, Тахаутдинов...» Он ещё, вероятно, спросит, поставил ли ты в известность руководителей района. В таком случае назовёшь ему кого-нибудь из начальников, которых от вас перевели или скажешь, мол, у нас сейчас демократия, не стал беспокоить их по пустякам.

Сайт сумел предугадать почти все вопросы Насырова. Действительно, крепко сбитый, с пронизательным взглядом

майор милиции дотошно расспросил Сулеймана-абзый обо всех подробностях истории с КамАЗами, получив от него заранее отрепетированные ответы.

А Сакманов, который держался очень уверенно, заявил, что выполняет распоряжения Совмина.

– Вы хотите сказать, что они опустились до вашего уровня? – Майор недоверчиво сдвинул мохнатые брови.

– Им сверху видней.

Из этого разговора майор не смог извлечь никакой нужной ему информации, которая могла бы способствовать его продвижению по службе. Но Сайта запомнил и невзлюбил. Возникшая в первую их встречу неприязнь позднее, в Казани, переросла в открытую вражду.

Как ни старался Джаудат Габдуллович, дело против Сайта Сакманова открыть не удалось – не было оснований. Но уж очень не хотелось упускать из рук такой повод – если бы удалось вытащить на свет божий какого-нибудь матёрого жулика, то удалось бы добавить ещё одну звёздочку на погоны – и, конечно, перевод в Казань стал бы делом решённым.

О том, чем закончилось расследование дотошного майора, Сайт узнал от самого Зильберштейна – тот позвонил ему домой через несколько дней после возвращения из Черемшанского района.

– Привет, Саша! У тебя телефон не прослушивается?

– Да кто его знает? Вроде я пока не такая большая шишка...

– Но у тебя есть прекрасная возможность схлопотать большую шишку по кумполу! – За этими словами последовал раскатистый хохот. Ему что, он в любой ситуации хозяин положения.

– Ты на меня наслал какого-то настырного майора. Я об этой услуге тебя не просил.

– Извини, Родион. Никак не думал, что эта ищейка доберётся до КамАЗа.

– Впредь нужно быть умнее.

– В смысле?

– Не надо было держать все машины в одном месте. Чтобы их лишиться, не нужно даже бомбы, достаточно одного въедливого мента.

– Я боялся, что если рассредоточить машины по республике, то потом трудно будет собрать, – неловко оправдывался Сайт. – Так чем же дело закончилось?

– Чем всё закончится, пока сказать не могу, однако то, что я его несколько часов в приёмной продержал – это факт. Когда секретарь доложил: «Майор Насыров из Черемшанского района», я сразу смекнул, что он сюда прискакал по твоему следу. Велел привести в порядок документы, а сам подержал подольше людей, которые сидели у меня в кабинете. Пусть, думаю, подождёт! Потом вышел к нему в приёмную с извинениями – мол, вы должны нас понять, у нас производственный процесс, некогда дух перевести.

– Я по поводу украденных КамАЗов, – заявляет он мне.

Я смотрю на него и думаю: законченный тупица, моральный урод – по глазам видно.

– Неужели? Где же вы их обнаружили? – спрашиваю.

– На берегу Черемшана, на лесной поляне, – отвечает твой «друг». Ну, тут я ему принёс все документы и резко перешёл в наступление.

– С какой стати руководство МВД начало подрывные действия, противоречащие интересам республики? Я доложу об этом в министерство, – говорю и беру в руки трубку. Тут весь гонор с него вмиг слетел. На лбу испарина выступила. Но ещё пытается что-то говорить:

– Как же так? Я пытаюсь изобличить жуликов, которые обогащаются за счёт государства.

Тут я твоему «приятелю» навесил лапши на уши:

– Население Татарстана – люди, работающие и живущие на этой земле, не могут получить производимые ими машины, и поэтому мы нашли остроумный способ для устранения этой несправедливости. Вам бы радоваться и всячески содействовать успеху этого мероприятия, а вы вместо этого воду мутите, палки в колёса вставляете. Я обо всём доложу в Совмин и всем, кому положено об этом знать. Ищите настоящих воров, – говорю я ему. Майор хотел было что-то возразить, но я ему протянул руку:

– Всего доброго. Рад был познакомиться, говорю. И ещё знаешь что добавил? Всю жизнь будешь голову ломать – не догадаешься. – Вы, татары, продолжайте в том же духе – са-

жайте друг друга, пока всех не пересажают! Нам тогда легче жить будет!

Ты бы видел, что с ним стало! Я уж пожалел, что так пошутил. Он весь налился кровью, щёки надулись, зубами закрипел. Ничего не сказал, отдал честь и вышел. Саша, ты будь поосторожнее. Майор, похоже, тебя в покое не оставит. Начинай свои КамАЗы пристраивать потихоньку.

...Незаметно прошло полгода. КамАЗы по одному-два перегоняли к границе и реализовывали. Каждый из них принёс выручку в шесть-семь раз больше той суммы, которая была уплачена при покупке.

И Сайт, и его ребята начали чувствовать отдачу от своего делового начинания. Но тут возникли сложности иного рода.

8

Во время работы ресторанным вышибалой Сайт приобрёл надёжного и верного товарища. Им стал гардеробщик, старик Ахмадиша. Тюрмы и лагеря, через которые он прошёл, малость согнули его кряжистую фигуру, посеребрили волосы и бороду, но Ахмадиша-бабай был ещё крепок. Говорят же: за одного битого двух небитых дают. Тяжёлая жизнь сделала его мудрым, дальновидным и изворотливым.

Став жертвой сталинских репрессий, Ахмадиша в конце пятидесятых вернулся в Казань и начал строить дом в посёлке Северном. Всё, что удалось скопить за прожитую жизнь,

ушло на строительство. Старик был вынужден пойти работать. В первой половине дня вместе со своей старухой Хаернисой они занимались строительными работами, а вечером Ахмадиша тащился через весь город в ресторан, подавать пальто и шляпы.

Дети у них были уже взрослые, разъехались кто куда. Старик на отношения отцов и детей смотрел философски:

– Чего понапрасну надеяться на детей? Это всё равно что ждать снега летом. Вот когда помру, приедут – наследство-то жалко будет оставлять. Тогда и Хаерниса-апа кому-нибудь понадобится, ведь у неё и дом будет, и земля.

Когда Саит основал свою фирму «Игелек» и наладил производство мебели, он понял, что нужна какая-то настоящая база в укромном месте, подальше от людского глаза. Контора была временной, а училище они арендовали.

Тогда Сакманов вспомнил про Ахмадишу-бабая, про его дом на окраине города и о том, что вокруг дома ещё достаточно места для застройки. Лучше этого места для размещения базы и не придумаешь. Позади дома обмелевшая речка. Берега не крутые, пустыри возле речки, заросшие кустами, вполне годятся для дела.

Саит не любил ничего откладывать в долгий ящик. Съездив в посёлок и тщательно осмотрев все окрестности, Саит поговорил с Ахмадишой-бабаем и получил от него согласие на строительство. Старик поставил только два условия: чтобы в документах он указывался как один из хозяев новой за-

стройки и чтобы Сайт купил ему в городе однокомнатную квартиру. Старик, который строил свою хибару, мечтая о тишине и покое, быстро переориентировался на новую жизнь, во всём согласившись с Сайтом. Он знал, что полной свободы и независимости у человека никогда не бывает. Уж если от кого-то зависеть, то от такого, как Сайт.

– Теперь у меня есть надёжный человек, который меня похоронит, как положено по шариату, – говорил он. – А для старика ничего важнее этого нет.

Через полгода рядом с хибарой Ахмадиши-бабая, на берегу реки вырос красивый добротный двухэтажный дом – ещё два этажа, невидимые глазу, оставались под землёй. Чего только не было в этом доме – сауна, бассейн, спортзал, комнаты для работы и для отдыха. Территория вокруг дома была огорожена высокой железобетонной стеной. Внутри была протянута колючая проволока, дом охраняли две злобные немецкие овчарки.

Со стороны казалось, что хозяин всего этого хозяйства Ахмадиша-бабай. Он отпирает и закрывает ворота, впускает и выпускает гостей, кого надо – заводит в дом. Если крикнет: «Эй, старуха, ставь самовар», то Хаерниса-апа, несмотря на годы, резво бежит выполнять распоряжения мужа.

Летом Ахмадиша-бабай копается в огороде, выращивая ягоды и овощи, а зимой расчищает снег самодельной деревянной лопатой. Жизнью дед вполне доволен. От него требуется лишь содержать дом и двор в порядке и не болтать

лишнего.

Санта беспокоило теперь лишь одно. К их дому с одной стороны примыкал старенький домишко с большим приусадебным участком. Место было идеальным для незаметного подъезда машин к сакмановскому хозяйству. Он навёл справки: домик принадлежал одинокой старухе-хохлушке, муж умер. Если бы удалось переселить бабулю в город и разобрать её дом, то к их участку добавилась бы ещё приличная площадь.

Саит решил послать к старушке большого любителя почесать языком, своего заместителя Халиля, который маялся от безделья. Как потом выяснилось, зря Саит это сделал. Халиль он по дружбе держал в должности заместителя, хотя тот никакой особой пользы для фирмы не приносил, но получал «зарплату», которая не снилась и министрам. Отрастив солидный живот и двойной подбородок, Халиль начисто позабыл, как разговаривать с простыми людьми.

Вместо того чтобы тихо-мирно потолковать с бабулей, предложить ей в городе однокомнатную квартиру со всеми удобствами, естественно, взяв на себя все заботы, связанные с переездом, Халиль избрал другой путь. Он явился к ней в лице высокого начальства.

– Как живётся, бабуля?

– Спасибо, хорошо. Ты, сынок, откуда?

– Из горсовета.

Показав подслеповатой старушке красную книжечку-удо-

стоверение «Заслуженному строителю КамАЗа», которую в то время раздавали налево-направо кому угодно, с важным видом пояснил:

– На этом месте будут строить новый шестнадцатиэтажный дом. Вы попадаете под снос.

– В первый раз слышу, – не на шутку перепугалась бабка.

– Об этом недавно было принято постановление.

– А меня куда же? В Сибирь сошлёте, как великий «отец народов»?

– Нет, бабуля, не бойся. Тебе дадут квартиру в центре Казани. Холодная, горячая вода, газ – всё, что захочешь, у тебя будет.

– Я согласна, – ответила бабка, потеревив платок. Как не поверить обещанию такого солидного человека!

Но в каждом человеке живёт червь сомнения. Приняв решение, человек начинает думать, а не прогадал ли он, может быть, нужно было просить больше?

Бабка-хохлушка была вполне нормальным человеком. Горсовет – богатая организация, а земля нынче стоит дорого. И бабка решила выжать из ситуации всё, что можно.

Только Халиль скрылся из виду, бабулька посоветовалась с соседями и срочно выслала телеграммы: в Житомир – дочке и в Одессу – внуку. Сработала психология, выработанная в совковскую эпоху: тебя грабят, но и сам рот не разевай! Пользуйся случаем, секи момент!

Короче говоря, через пару недель в этом доме было про-

писано уже пятеро человек, не проживающих в Казани.

Когда Халиль явился было с ордером на однокомнатную квартиру, бабка встретила его в полной боевой готовности:

– Сынок, у меня семья видишь какая большая, мне нужна трёхкомнатная плюс однокомнатная. И вы мне ещё должны за сад: яблони, груши, смородину, вишню – всё это даром жалко отдавать, – и вручает ему счёт на кругленькую сумму.

Халиль, схватившись за голову, побежал к Сайту.

– Ну, молодец, наворотил делов, – присвистнул тот.

Тактику пришлось поменять. Разбираться с бабулей начали с её собаки. Дело было поручено недавно принятому на работу парню. Получив у Санта полный инструктаж, он подкатил вечером на машине к её дому. Собака захлёбывалась лаем. Бабка выбежала во двор, увидела здорового парня, лицо которого было закрыто чёрным капроном. Вытащив из-под пятнистого омоновского плаща обрез, парень пару раз выстрелил в собаку. Та с визгом повалилась на землю. Направив ствол на бабку, парень выразительно погрозил пальцем и быстро исчез.

На следующий вечер парень подъехал уже на другой машине и подстрелил парочку кур во дворе, предупредив:

– Уноси отсюда ноги, пока цела!

Ещё через день под носом у бабки, на участке Ахмадиши-бабая, экскаватор начинает копать яму. То ли нарочно, то ли нет, экскаватор издаёт душераздирающий рёв и испускает клубы синего дыма, от которого бабулькина псина, если

бы осталась жива, точно бы сдохла.

Сайт решил убрать под землю склады, гараж и спортзал – с этой целью пригнали экскаватор. Заодно он не скрывал намерений выжить поскорее упрямую бабку.

Не выдержав подобного натиска, бабулька снова собрала «военный совет». Родня, признав, что «с мафией лучше не связываться», помогла старухе перебраться в город.

В те времена не так сложно было купить кооперативную квартиру. Находились и другие способы получить жильё.

Сайт, будучи человеком предприимчивым, для своих верных людей, таких как Фердинанд, Мисхат, Замир, Ахмадиша-бабай, сумел с помощью взяток «пробить» квартиры в организациях типа МЖК, на больших заводах и фабриках. У него оставались ещё пустые квартиры, которые ждали своих хозяев...

Таким образом, дом Ахмадиши-бабая сделался центром их организации. Здесь распределялись обязанности, давались поручения, производился расчёт с сотрудниками, строились планы расправы с неприятелями.

Ахмадиша-бабай всегда на виду. Он любит быть в центре внимания. Его излюбленные темы, на которые он готов говорить часами, – политикан... женщины.

– Спасибо Горбачёву, это он нам всем рты раскрыл. До этого у всех рот был на замке. Если бы не он, то Фаузия Байрамова, Марат Мулюков и Фандас Сафиуллин толкали бы свои пламенные речи где-нибудь у себя на кухне или под оде-

ялом.

– Что-то особого проку для татар их речи не принесли, – отзывается Фердинанд, который тоже следит за политической жизнью.

– А всё потому, что татары – народ забитый, веками прижимаемый. К нему свобода быстро не придёт. Время нужно, – объясняет старый лис Ахмадиша.

– Почему, бабай?

– Если бы в тридцатые годы не истребили бы лучших людей нашей нации, элиту нашего народа, теперь у нас было бы гораздо больше достойных лидеров, – даёт своё объяснение Ахмадиша. – Знаете, от чего происходит название нашего народа? «Тартыр» означает «вытянет». Это оттого, что татары всегда были работающими. Голодранцами и нищими были одни лентяи. И сейчас примерно то же... Те, кто не ленится трудиться, много болтать не любит.

Его любимую поговорку знают все: «Птица сильна крыльями, дерево – корнями, а человек – друзьями». Есть друзья, а есть приятели. Их нужно различать. Настоящих друзей много не бывает.

– А у тебя есть друзья? – вставляет вопрос Мисхат-Миша.

– У него одна подруга – Хаерниса-апа, – отвечает кто-то за бабая.

Хаерниса-апа – тощая, как перезимовавшая голодную зиму корова, но резвая и подвижная старушка. Лёгкая на ногу, везде успевает, быстро справляется с любой домашней рабо-

той.

Поглаживая заскорузлыми от тяжёлой работы пальцами свою короткую бородку, Ахмадиша откликается:

– Вы, ребята, Хаернису мою не обижайте. Она всё перенесла, что на её долю выпало. Как тень, за мной по ссылкам следовала. Если надо было, и ноги мне мыла, и ногти обреза́ла. Я её никогда пальцем не тронул. А друзья... Они у меня все на том свете.

– А мы кто? – спрашивает молодёжь.

Ахмадиша ласково, как на проказливого ребёнка, смотрит на спросившего:

– Вы мне просто сослуживцы, как сказали бы в тридцатые годы – соратники. А настоящие друзья – почти все уже на том свете, да будет земля им пухом.

Старик мог бы многое порассказать: о том, как их семью раскулачили за то, что отказались вступить в колхоз; отобрал всё имущество, сослал в Магнитогорск; люди жили там впроголодь, без питьевой воды – вместо неё пили мутную болотную жижу, из-за которой многие заболели непонятной болезнью и умирали. О многом мог бы поведать Ахмадиша-бабай, но молодёжь не изъявляла особого желания слушать.

– Что толку теперь слёзы лить?

– Дело прошлое, времена такие были...

– Не умели за себя постоять наши предки. Нужно было разом подняться и восстать...

И всё же долгими зимними вечерами, когда парни собирались на «планёрки», в ожидании вызова шефа, они подолгу разговаривали и часто старику задавали два излюбленных вопроса: «Как ты сумел выжить?» и «Что за рубец у тебя на пальце?»

Ахмадиша-бабай и считал сайтовских ребят зелёными молокососами. Но у человека всегда есть потребность выговориться, облегчить душу. И, погладив небольшую бородку клинышком, старик начинал свой рассказ:

– Кхе... хе... Спасибо нашей матери – в то время, когда мор косил людей, словно овец, объевшихся ядовитой травы, она сумела уберечь всех шестерых своих детей. Когда эта голь перекатная, эти коммунисты (чтобы род их на корню вымер), выгоняли нас из деревни, то практически всё имущество, все ценные вещи и съестные припасы отобрали. Дали нам пять кило муки, два ведра картошки, немного крупы и – гуляй себе! Как хочешь, так и живи! Что касается чая, мёда, сахара – то всё, как корова языком слизала, растащили эти бездельники... У нас в доме всегда было к чаю особое отношение. Отец, а до него дед, где бы им ни приходилось бывать, отовсюду привозили хороший чай – а они в нём знали толк. У матери моей (она как чувствовала заранее – сумела запасти чай впрок) остался спрятанный под платьем узелок с чаем. Уж не знаю, как и объяснить – то ли чай убивал микробы, которые были в болотной воде, то ли ещё какая в нём была целебная сила – только все мы остались целы-невре-

димы. – Ему бы хотелось эту историю растянуть подольше, рассказать со всеми подробностями, но слушатели у него уж больно нетерпеливые – приходится поскорее закругляться.

Другой «коронный» номер Ахмадиши-бабая – рассказ о глубоком красном рубце, который кольцом опоясывает указательный палец левой руки.

– Это «пожизненное» кольцо получил я в детстве, лет в одиннадцать-двенадцать. Вся семья вышла в поле, на жатву. Мать показала мне, как работать серпом. Я старательно взялся за дело – хотелось, чтобы у меня получалось так же ловко и споро, как у взрослых. И сам не заметил, как вместе с пучком пшеницы зацепил свой собственный палец. Своими собственными глазами вижу: половина моего пальца лежит на земле, да ещё подпрыгивает, как рыба, попавшая на сковородку. Только тогда я опомнился и в ужасе закричал: «Отец, я себе палец отрезал!» Отец бросил вязать снопы и бегом бросился ко мне. Остановив кровь, приложил мой палец на место, намазал дёгтем и крепко-накрепко завязал чистой тряпицей. «Пару дней ходи, подняв руку кверху», – наказал он мне.

Хвала Всевышнему, случилось чудо: палец мой прирос, только осталось на нём вот такое «кольцо» – память на всю жизнь.

Ахмадишу-бабая жизнь сделала философом – рассказывая незатейливые истории из своей жизни, он всегда умудрялся раскрыть в них какой-то глубинный смысл.

– Человек веками творит на земле зло, сеет грехи. Духовное наследие наших отцов и дедов оскудело, никто не почитает старших, не соблюдает обычаи и традиции. Кругом беспробудное пьянство, разврат. Убить человека – всё равно, что раз плюнуть...

Но молодёжи не интересно слушать рассуждения старика – у них в одно ухо влетает, из другого вылетает. Им бы только шуточки отпускать. Кто-нибудь, ухмыльнувшись, непременно спросит у Ахмадиши: «Бабай, а бабай, а с Хаернисой-то у вас ещё что-нибудь получается?» Но Ахмадиша, хитро прищурясь, делает вид, что не понимает вопроса.

– Получается, почему бы и нет? Мы с ней на пару хорошо пельмени делаем. Маленькие такие, как на свадьбу!

Громкий хохот, которым сопровождаются его слова, рождает взаимопонимание...

Задают парни и вопросы посерьёзнее:

– Ахмадиша-агай, почему в наше время погибает столько молодых?

Старик малость подумает, потом, напустив на себя важный вид, отвечает:

– По чьей-то дурости вам в руки дали слишком много оружия. Вот вы и стараетесь – готовы друг друга перестрелять.

– Но ведь хватает и тех, кто своей смертью погиб, – не соглашается тот, кто задавал вопрос. – Сходите на кладбище, сколько там лежит молодых.

Эти слова старик в какой-то мере принимает на свой счёт

– зажился, дескать, на свете. Но у него всегда наготове шутка:

– Что вам на это ответить, джигиты? Везде вы без очереди лезете, даже на кладбище!

Всегда последнее слово остаётся за бабаем. Хотя и чёрный юмор, но на него никто не обижается. Кто ни поглядит в его глаза, все удивляются – до чего же молодыми и ясными они остались!

– Вам, джигиты, даже если друг друга недолюбливаете, не надо зло держать друг на друга. Суметь обуздать свою ненависть, злобу и зависть, не зариться на чужое добро, почаще улыбаться, быть милосерднее друг к другу – вот чему учиться надо, чтобы не попасть смолоду на кладбище.

Молодые ребята в шутку прозвали Ахмадишу «старым пустобрехом», но он делал вид, что об этом ничего не знает.

Хитро улыбаясь, он выбирал момент, когда у парней было хорошее настроение:

– А ну-ка, голубчики, пока хозяин не вернулся, давайте-ка погрузим эту мебель в машину!

После душевного разговора с бабаем ни у одного, даже самого ленивого, язык не поворачивался отказаться. А ведь в другое время этим бандитам так просто не прикажешь – на месте уложат!

Вскоре после выхода на свободу, когда Сунгат целыми днями бездумно слонялся по улицам – надо было убить время до вечера, чтобы потом снова заночевать в очередной общаге, – совершенно случайно он встретил на улице друга детства Гришу. Оба сильно изменились, но всё же Сунгат узнал Гришу по белёсым, словно выгоревшим, волосам и коренастой, как у него самого, крепко сбитой фигуре.

Обменялись рукопожатиями, вспомнили детство, улицу, на которой выросли, перебрали всех знакомых – и как-то сразу стало не о чем говорить. По татуировке на руке, по изошрённому мату, на котором выражался Сунгат, по манере курить, выпуская колечки изо рта, Грише нетрудно было догадаться, откуда вернулся его собеседник. Он вспомнил слова Санта Ярулловича: «Нам понадобятся крутые парни для особых заданий, присматривайте среди своих знакомых».

Сунгат был, похоже, то, что надо. Здоровенный, отчаянный, за деньги готов на что угодно. Жить негде. Гриша, не откладывая в долгий ящик, позвонил шефу, получил «добро» и, посадив Сунгата в машину, повёз в посёлок Северный, к Ахмадише-бабаю.

Гриша вошёл в дом один, попросив Сунгата подождать в машине. Тому показалось подозрительным долгое отсут-

ствие приятеля. «Сидят, перемывают мне косточки, думают, какую работу предложить. А что я умею-то? Парашу выливать да рёбра ломать. Нужны ли им такие специалисты?» Ему как-то раз предлагали подобную работёнку, но не сложилось: брали только тех, у кого была своя машина и газовый пистолет. А у Сунгата всё богатство – его волосатая грудь да одежда, что на нём...

Наконец, когда от долгого ожидания начало тревожиться сердце, показался Гриша с лицом, сияющим, как полная луна.

– Давай заходи. Постарайся непременно понравиться нашему хозяину – Пахану. Если он тебя примет, будешь как сыр в масле кататься – всё получишь, о чём мечтал. Не вздумай ему перечить – он этого не любит. Но и мямлей не стой, покажи, что мужик. Можешь ругнуться при случае...

Когда, открыв тяжёлые ворота, прошли во двор, Гриша шепнул Сунгату на ухо:

– Станешь человеком – не забудь, кто тебя рекомендовал!

Во дворе их встретил щуплый старикашка, который, несмотря на жаркий день, был в драной старой ушанке. Пропустив их, он закрыл за ними ворота на засов и молча сделал жест, по-видимому, означавший приглашение пройти в дом.

Сунгат поднялся по некрашеной скрипучей лестнице, пахнувшей сосновой смолой, прошёл через холодный чулан и оказался в просторной комнате, выглядевшей, как кабинет. В середине стоял полированный стол с блестящей зеркаль-

ной поверхностью, по обеим его сторонам выстроились массивные стулья на толстых ножках. Во главе стола располагалось высокое вращающееся кресло – такое Сунгат видел в кабинете начальника тюрьмы.

На этом Сунгату пришлось закончить осмотр, так как из боковой двери, которую он вначале не заметил, быстрыми шагами вышел мужчина средних лет. Серый костюм из тонкой ткани облегал высокую стройную фигуру без единого намёка на живот. Белоснежная рубашка, цветной шёлковый галстук, тёмные очки – всё на нём было отменно дорогое и элегантное. Он приблизился к Сунгату и остановился, разглядывая его. Парню показалось, что его просвечивают рентгеном.

Мужчина одобрительно смотрел на плотную, приземистую фигуру Сунгата, на бицепсы, выпирающие из-под коротких рукавов рубашки. «Кажись, это и есть их Пахан. Зараза, Гриша, не сказал даже, как к нему обращаться», – успел с досадой подумать парень.

Пахан тем временем быстро снял тёмные очки. Глаза, которые неожиданно оказались совсем молодыми, продолжали изучать Сунгата.

«Лицом-то парень вышел – вон какие тонкие черты. Сразу видно, породистые гены. Только вот Бог не дал ишаку рогов, зная его несносный нрав, а для этого красавца роста пожалел – видно, тоже была причина», – подумал Сакманов, наслышанный о незадачливой судьбе парня.

– Смотри-ка, у нас, оказывается, гость! А мне ничего не сообщают...

Сунгат усмехнулся про себя: как же, Гриша целый час отсутствовал – за это время, небось, рассказал про него всю подноготную.

Парень, стоявший, уставясь в пол, проследил, как чёрные остроносые туфли хозяина от середины комнаты прошагали к нему. Хозяин подал ему руку, крепко сжал, словно испытывая.

– Ну, и как тебя звать-величать? Что привело в наш холодный Северный посёлок такого горячего парня?

Сунгат, не привыкший много говорить, слегка замялся:

– Да как сказать... Меня Гриша привёз. Зачем, не сказал.

– И что тебе Григорий обещал, какие золотые горы?

– Сказал, поехали со мной, познакомлю с Пах... – Сунгат быстро прикусил язык, будто его огрели по рёбрам милицейской дубинкой.

– Ах, Гриша, балабол, и для меня прозвище нашёл. Что делать: старики вечно поучают, а молодёжь подшучивает над стариками. Моё имя Сайт – мулла так назвал. Сайт Ярулло-вич Сакманов. Ну, теперь ты говори, Сунгат. Что делать умеешь, рассказывай, брат.

«Ну, просто прирождённый боец, – думал про себя Сайт, глядя на Сунгата. – Голова небольшая, плечи широкие, туловище немного удлинённое по сравнению с ногами (обычно людей такого сложения природа наделяет особой силой),

мускулы крепкие, кулаки что кувалды. Ладный парень. И собой хорош. Только вот зубы малость подкачали – слишком крупные и жёлтые от частого курения. И улыбка невесёлая, безнадежная. Гриша говорил, что за деньги парень готов на всё – после тюрьмы для него не осталось ничего святого. А разве тебе не нужны такие отчаянные головы?» – спросил себя Сайт.

То, что Пахан назвал его по имени, да ещё добавил «брат», пришлось Сунгату, что называется, маслом по сердцу. Сам-то он не помнил ни отца, ни матери.

– Что умею делать?.. Вам Гриша, наверно, доложил, – я недавно с зоны.

– Нам требуются столяры, плотники, на худой конец – люди для доставки готовой продукции, умеющие машину водить, – сказал Сайт, подсластив свою ложь улыбкой.

– Ну, в тюрьме нас всему помаленьку научили, – ответил Сунгат, несколько удивившись услышанному. Гриша ведь говорил, что Пахану нужны крутые ребята для разборок.

– На втором этаже в доме у Ахмадиши-бабая у нас небольшая мастерская. Делаем шкафы, столы, стулья – понимаешь, да? – с улыбкой продолжал Сайт. – Если согласен, будешь и ты с нами работать.

– Я сразу Грише сказал, что согласен. У меня ни работы, ни жилья.

Хозяин молча подошёл к шкафу у стены, взял оттуда какой-то предмет и протянул Сунгату.

– А ну-ка, сожми. Это силомер... Да ты его чуть не сломал! – воскликнул он, отбирая у парня силомер.

– Приёмы самбо знаешь?

– Уж что-что, а драться могу. В тюрьме без этого не выживешь, – откровенно признался Сунгат.

– Сейчас спустимся вниз, в спортзал.

Чего только не было на подворье небольшого на вид двухэтажного дома Ахмадиши-бабая! Хозяин провёл Сунгата мимо склада, забитого готовой мебелью из ценных пород дерева, мимо гаража, в котором стояли две иномарки. Подошли к спортзалу – просторному помещению с гудящими лампами дневного света, оснащённому всевозможными современными тренажёрами. Сайт, сняв с себя пиджак, бережно повесил его на плечики.

«Как выражалась наша бабушка, пиджачок у него, видать, «на выход» – уж больно боится помять», – насмешливо подумал Сунгат, никогда в жизни не надевавший дорогой, нарядной одежды и потому не привыкший её беречь.

Неожиданно хозяин повернулся к нему лицом. Куда подевалась приветливая улыбка? Глаза колючие, злые, даже голос изменился.

– Ну, парень, держись. Покажи, на что способен. Будешь спать на ходу – я тебя разделаю под орех. Поглядим, можно ли твоим рукам доверить топор или рубанок. – Сайт, засучивая рукава рубашки, двинулся на Сунгата.

Тот, привыкший к неожиданностям, мгновенно принял

боксёрскую стойку и закрыл левой рукой лицо в расчёте, что кулак Санта попадёт ему в предплечье. Но произошло неожиданное: Сайт, замахнувшись правой рукой, с быстрой молнии отскочил в сторону, при этом левая его рука нанесла весьма ощутимый удар Сунгату в подбородок. Парень пошатнулся, перед глазами его, как в тюремном окне, замерцали звёзды. Он застонал – скорее, не от боли, а от обиды и досады.

– Ты чего это, падла! – забыв, с кем разговаривает, вспылил он. – За этим меня позвал, чтобы отбивную сделать? Урка. Видали мы таких фраеров в белых рубашках, – сплюнул Сунгат.

Кровь ударила парню в голову, затуманив рассудок. «Докатиться до того, чтобы позволить какому-то старпёру себя ударить? Обещал на работу взять, а сам решил сделать из меня мальчишку для битья! Не выйдет!» Последние два года на зоне к Сунгату никто и пальцем не смел притронуться – так он себя поставил.

По-звериному оскалив свои крупные жёлтые зубы, Сунгат пошёл на противника.

– Ну, я тебе сейчас кости пересчитаю. Уж ты не обижайся. Можешь своих телохранителей позвать, им тоже выдам по первое число.

Собрав в кулак всю природную силу, всю отчаянную волю к победе, которая особенно сильна бывает у детей-сирот, привыкших надеяться только на самих себя, Сунгат сделал

стремительный бросок, пытаясь попасть Сайту в лицо или в голову. Тот умело блокировал его удары руками.

Но парень, в мгновение ока изменивший своё первоначальное намерение, вдруг с сокрушительной силой, словно дробя камень, ударил Пахана под дых. Удар был настолько сильным, что Сунгату даже показалось, что рука его, насквозь пройдя брюшную стенку, дошла до самых внутренностей. словно собака, которой посчастливилось на лету схватить кость, Сунгат поскорее отскочил.

Сайт, прижав руки к животу, согнулся. Казалось, ещё мгновение – и он свалится на пол.

– Что, падла, не нравится?

И тут Сунгат, не успевший даже обрадоваться своей удаче, почувствовал мощный удар снизу под подбородок, который отбросил его метра на три. Грохнувшись на пол, парень на несколько мгновений потерял сознание. Однако инстинкт самосохранения и обуревавшая ярость подняли его. С кошачьей ловкостью вскочив на ноги, он вновь бросился на Санта. Но стоило ему приблизиться, как произошло нечто непонятное – глаза, ноздри и рот заполнились какой-то жидкостью, ослепившей его и перехватившей дыхание. Невольно закрыв лицо руками, он еле устоял на ногах.

Откуда-то сквозь туман до него донёсся голос Пахана.

– Убери руки от лица!

Сунгат понял, что проиграл – противник оказался хотя и не сильнее, но хитрее и опытнее. По тюремным законам

парень теперь должен был без слов повиноваться Сайту.

Пахан плеснул Сунгату в лицо какой-то другой жидкостью – она, как берёзовый сок, прочистила ему ноздри и промыла глаза. Парень, вздохнув полной грудью, взглянул на Санта – тот как ни в чём не бывало, надев свой выходной пиджак, перед зеркалом приводил в порядок причёску.

– Молодчина, парень. Далеко пойдёшь, если милиция не остановит.

– Я уже там побывал. Отдал дань, как говорится.

– Пошли наверх. Беру тебя на работу. Будешь моим телохранителем. Силы у тебя хватает, удар умеешь держать – это хорошо. Только техника боя слабовата. Стрелять, бросать нож умеешь?

– Немного умею, – ответил Сунгат, пряча глаза. После позорного поражения он начал терять уверенность в себе.

– «Немного» нам не годится. Три раза в неделю будешь изучать с тренером самбо, бокс и другие приёмы. Стрелять будешь учиться в военном училище – там у нас свои люди есть.

Сайт назвал ему фамилию, время и место, куда подойти, сунул в руки небольшой клочок бумаги. Потом нажал на кнопку в стене.

Дверь беззвучно открылась. Показался Ахмадиша-бабай:

– Слушаю, хозяин.

– Орбакайте на месте?

– Да, в своей комнате, сидит работает.

– Пусть зайдёт.

Вскоре появилась высокая блондинка, с плоским невыразительным лицом, но одетая с шиком, по последней моде.

– Вот этого молодого человека оформите к нам в цех. Столярю. Начислите ему зарплату, заведите трудовую книжку. Пригодится, когда на пенсию пойдёт.

– Зайдёте потом ко мне, – сказала бухгалтерша, оставляя их вдвоём.

Сунгат, ничего не понимая, хлопал глазами. Ведь Пахан только что говорил – мол, будешь учиться стрелять, а сам берёт на работу столярю, трудовую книжку велит завести.

– А теперь, парень, слушай внимательно – начинается серьёзный разговор. Тот, кто поступает ко мне на работу, переходит в моё полное распоряжение. Все мои приказы должны выполняться беспрекословно. Предупреждаю сразу, чтобы потом не было претензий. Это – первое условие. Второе условие – держать рот на замке. Если одно из этих условий нарушишь, придётся с тобой распрощаться. Что у нас за организация, чем мы занимаемся, тебя волновать не должно. Стремление побольше узнать – оно, конечно, похвально, когда учишься в школе. В остальных же случаях оно... – Сайт сделал долгую паузу, глядя в глаза стоящему перед ним новому подчинённому и, понизив голос, добавил: — ...отнюдь не продлевает жизнь!

– Я согласен на все условия, – решительно произнёс Сунгат. – Сколько будете платить?

– Будешь получать в десять раз больше, чем среднемесячная зарплата по стране. Все дополнительные расходы плюс бензин для машины – за наш счёт.

– Я согласен, – повторил парень.

– Тебе придётся пройти испытательный срок, показать, как водишь машину и стреляешь.

«Похоже, Гриша привёл подходящего парня. Если его кормить, поить, одевать, дарить дорогие «игрушки», то он, не задумываясь, родную мать порешит. Первоклассный киллер получится из парня».

– Какое у тебя прозвище было в тюрьме? – спросил Сайт.

– Я несколько тюрем сменил. Везде по-разному звали.

– И всё-таки?

– Ну, Сорока, Узколобый, Кузнец – много всяких прозвищ было. На зоне у каждого своя кликуха.

– А такая кличка была – Шуруп Саморез?

– Кажется, была.

Про эту кличку он сболтнул Грише, когда они соображали по маленькой. Вот тебе и Гриша! Старый друг называется! Продал Пахану с потрохами! Сунгату хотелось забыть на веки вечные все эти клички, оставить их в прошлом вместе с тяжёлыми воспоминаниями. Но постылое прошлое никак не желает отпускать его.

– С этого дня твоя кличка – Шуруп, – голосом, не терпящим возражений, произнёс Сайт.

Но на этом воспитательный час, или, как говорили в тюрь-

ме – секс-час, ещё не закончился.

– Ты, говорят, любитель поддаться?.. Это дело житейское. Выпить все мы не дураки. Плохо только то, что тебя, если переберёшь, на подвиги тянет. Начинаешь руки распускать, пристаешь к людям, вспыхиваешь, как порох, из-за любого пустяка. Смотри, как бы это против тебя не обернулось. Бережёного, как говорится, Бог бережёт.

Сунгат хотел было сказать что-нибудь в своё оправдание, но Пахан не дал ему вставить слово.

– Я знаю, что говорю. Если бы мои люди не узнали о тебе всю подноготную, я бы тебя сюда не позвал. Ты на Гришу, небось, обижаешься – мол, продал тебя. Это не совсем соответствует истине.

Наши люди побывали в школе, где ты учился, поговорили с твоими однокашниками, со знакомыми твоей бабушки. И всё-таки решили тебя взять. У тебя, наверное, язык чешется спросить: почему?

– Да.

– Хоть и тяжёлый у тебя характер, парень, но одно мне в тебе понравилось – ты никого не закладывал. Предпочёл отсидеть пять лет за «мокрое дело», хотя, если бы назвал сообщников, то, учитывая твой юный возраст и чистосердечное раскаяние, тебе бы скостили срок. Знаю, что следователь предлагал тебе этот вариант. Но ты вёл себя по-мужски. Знаю также, что умеешь держать слово, как бы трудно тебе ни приходилось. Такие люди нам нужны. Но должен сра-

зу предупредить: демонстрировать ловкость рук, совершая противозаконные действия, тебе больше не придётся. С такими нам не по пути. У нас фирма серьёзная, намотай себе на ус.

Шурупу вдруг вспомнился случай, произошедший с ним не так давно. Когда он слонялся по улицам, не зная, как убить время, ему встретился старый знакомый Альберт, который также нигде не работал, перебивался случайными заработками. Альберта он знал ещё со школьных лет – тот учился на класс младше. Зашли в буфет, выпили, закусили, немного подняли настроение. Расставаться сразу не хотелось, и приятели залезли в первый попавшийся трамвай и поехали куда глаза глядят. Был час пик, народу – не протолкнуться.

– Видишь того мужика в очках, с портфелем? – спросил Альберт шёпотом.

– Ну, и что...

– Он с тобой вежливо так поздоровался, кивал тебе изда- лека, а ты – ноль внимания.

– Тебе, наверное, померещилось по пьяни...

– Да чтоб я сдох!

– Говорю тебе, раньше его никогда не встречал. У меня на людей память хорошая.

– Интересный ты парень, Сунгатик. Пожилой человек оказывает тебе честь, первый с тобой здоровается, а ты нос задираешь, не хочешь его узнавать, – укоризненно произнёс

Альберт, многозначительно подмигивая.

– Кто знает, может, это мой дальний родственник, – с деланной задумчивостью сказал Сунгат, подхватив игру Альберта. – Надо бы проверить. У него в бумажнике наверняка есть визитка или какое-нибудь удостоверение. Ты, давай, встань от него справа, толкни «нечаянно», а потом долго извиняйся. На следующей остановке выпрыгнешь в среднюю дверь...

В бумажнике из искусственной кожи, который Сунгат вытащил у мужчины в очках, они с Альбертом обнаружили пенсионную книжку и деньги, на которые можно было прожить недельку-другую. Мужчина, довольно крепкий на вид, оказался уже третий год на заслуженном отдыхе. Парни забрали деньги, а бумажник с документами бросили в урну.

Об этом случае Шуруп уже успел забыть, но сейчас, после разговора с Паханом, в голову полезли всякие мысли: а вдруг Альберт, как и Гриша, тоже человек Пахана? В душу закрались сомнения: а может, бросить всё к чёртовой матери? В клетке-то жить совсем не хочется, даже если она и из чистого золота. Как говорил в тюрьме внук знаменитого вора Шакура (впрочем, может быть, и не внук – это он сам так представился), никому на этом свете верить нельзя.

Пахан – хитрая лиса, и с ним надо быть настороже. Теперь он не скажет ни одного лишнего слова даже старым друзьям.

– Извини, мне пора, – сказал Сайт. – Тебя ждёт Гриша.

– Мне жить негде, – вдруг выпалил Шуруп, сам поражаясь

своей смелости.

«А мне какое дело? Скажи спасибо, что на работу взял», – должен был ответить Пахан. Сунгат, собственно, такого ответа и ожидал.

– Вот как? Так что же ты молчишь? Если дитя не плачет, ему никто соску в рот не сунет. – На чисто выбритом, пахнущем дорогим одеколоном лице Санта появилось удивлённое выражение.

И тогда он совершил поступок, который до глубины души потряс Шурупа (он пообещал себе, что никогда этого не забудет). Чётким упругим шагом Саит пересёк комнату, подошёл к дубовому шкафу. Достав оттуда ключ, висевший на гвоздике, бросил Шурупу.

– Вот тебе пока ключ от однокомнатной квартиры. Адрес на бирке. Считай, что арендуешь по контракту. Будешь хорошо работать, станет твоей собственной. Если женишься, дадим квартиру побольше. Ты говорил, что машину водить умеешь.

– Это запросто. Только прав нет.

Саит снова подошёл к шкафу. Выдвинул какой-то ящик, достал оттуда водительские корочки, вручил Шурупу:

– На первое время пойдёт. Фотография на тебя похожа. Эту неделю ездь поосторожнее, а на следующей впишем твою фамилию.

Потом подвёл растерянного парня к окну:

– Видишь зелёные «Жигули»? Шестая марка. Это твои. А

дальше будет видно. Сейчас вы с Гришей едете на задание. Он тебе всё объяснит.

Так Шуруп попал в «Игелек».

10

В душе Сайта Сунгат-Шуруп оставил противоречивое чувство, что, вероятно, было вполне естественно – характер человека складывается под влиянием его жизненного пути.

Редкое имя Сунгат дала мальчику бабушка, которая его вырастила. Отца и матери он не помнил. Если верить рассказам бабушки Замзамии, то его родители прожили вместе всего один год, после чего молодая жена, бросив годовалого ребёнка, сбежала с другим куда-то в Среднюю Азию. Говорят, что и до сих пор там живёт, что у неё пятеро или шестеро детей. От неё пришло всего два письма. В последнем из них, прося прощения за то, что оставила сына сиротой, она писала: «Муж у меня уж больно ревнивый, поэтому лучше забудьте обо мне и не вспоминайте».

Её просьба была исполнена.

Отец Шурупа – единственный сын Замзамии-ханум – после того, как жена сбежала, в отчаянии стал заливать горе вином. Постепенно пропив всё имущество и потеряв комнату в малосемейке, записался в бригаду плотогонов, уехал и сгинул. Сколько ни писала Замзамия-апа в разные организации, наводя справки о сыне, не смогла получить никаких

утешительных известий.

Люди, купившие комнату сына, из которой их потом выселили, заседали на Замзамия-ханум, требуя вернуть деньги. Если бы она могла, то, конечно, вернула бы долг за сына, но бедная женщина сама еле сводила концы с концами.

Муж её – военный офицер – черноглазый красавец-музыкант, возил за собой жену по всей стране, а когда началась война, ушёл на фронт, оставив свою ненаглядную вместе с двухлетним сыном в узкой, как гроб, коммуналке. Через три месяца пришло известие о том, что он погиб смертью храбрых.

Замзамия-ханум была, что называется, в самом соку, и вокруг молодой женщины увивалось множество тыловых донжуанов, желающих утешить красавицу-вдову. Однако она не подпускала к себе никого, кроме военных. К сожалению, ни с кем из претендентов жизнь не сложилась. Один беспробудно пил, другой был алиментщиком в бегах. Третий оказался любителем пожить за чужой счёт, однако увидев, в какой нищете живут Замзамия с сыном, очень быстро смотал удочки.

После этого Замзамия-ханум, махнув рукой на свою личную жизнь, всю себя посвятила сыну. Мальчик с детства был о себе очень высокого мнения, никогда не забывал о том, что он сын героя, погибшего на фронте и что отец был талантливым музыкантом. Сын хорошо учился, закончил инженерно-строительный институт, начал работать в проектной организации. Долго не мог жениться – девушек вокруг много,

но ему трудно было угодить.

С Нуранией они прожили всего год. Замзамия-апа так и не поняла, отчего невестка покинула свет её очей, её ненаглядного сыночка. То ли оказалась легкомысленной и бездушной. То ли сын, изнеженный и заласканный матерью, стал плохим мужем, не сумев найти путь к сердцу жены.

На склоне лет Замзамие-ханум пришлось ещё раз повторить вдовью судьбу, на этот раз воспитывая внука. Времена изменились – влияние улицы, куда рвался из дому непоседливый мальчишка, оказалось настолько сильным, что пожилая женщина не в силах была с ним бороться. Потеряв сына, она сильно сдала, постарела. Можно тысячу раз повторить ребёнку: «Будь добрым, будь воспитанным, не трогай чужого, не ходи туда, не играй с плохими ребятами», но многому ли научишь словами?

Сунгат, будучи маленьким, часто плакал, требуя найти маму и папу, а когда подрос, то бросившие его родители стали его личными врагами. Он порвал на мелкие кусочки все их письма и фотографии, которые были в доме. У Замзамии-ханум не осталось ни одной фотокарточки любимого сына, чтобы поплакать о нём.

Не найдя общего языка с бабушкой, Сунгат нашёл своё место на улице. Подросток быстро понял, что в этом мире единственная надежда на себя, на свои кулаки. Всё свободное время он тратил на то, чтобы «качать» мускулы, – естественно, в ущерб развитию умственных способностей.

В четырнадцать лет начались приводы в милицию, парня поставили на учёт. После окончания школы Сунгат успел около года прокантоваться на каком-то заводе, после чего во время «разборки» между двумя группировками он был арестован. За то, что в драке пырнул парня ножом (тот скончался), Сунгат получил пять лет и загремел на зону.

Вернувшись, Сунгат не нашёл даже могилы бабушки. Двухэтажный дом, в котором они жили, снесли, на его месте стояла новая девятиэтажка. Все его друзья-приятели, с которыми он проводил время, переженились, осели, разъехались кто куда. Остался на свете один живой родственник – мать, но, к счастью для неё, Сунгат не смог найти её адреса. Ничего бы хорошего из этого визита не получилось.

В самый трудный и неприкаянный период его жизни встретился ему Гриша, протянул руку помощи, познакомил с толковыми людьми. Остальное, полагал Шуруп, зависело уже от него самого.

Вскоре Сунгат, разъезжая на машине и налево-направо транжиря суммы, которые ему раньше и не снились, вошёл во вкус лёгкой жизни.

Он всё свободное время проводил по кабакам и ресторанам, притаскивал к себе в квартиру женщин лёгкого поведения.

Большой частью ему приходилось иметь дело с потрёпанными жизнью женщинами старше себя. У большинства из них были дети и цель в жизни – окрутить какого-нибудь де-

нежного мужика, и нежадного при этом. В этом смысле Сунгат, который никогда не считал деньги, был для них объектом весьма привлекательным.

Сайта стал беспокоить беспорядочный образ жизни, который вёл Сунгат. Он его готовил не для пьянства и разврата – предназначенные ему подвиги были впереди.

Сайт, подумав, решил вызвать к себе на разговор Мишу-Мисхата.

– Я, конечно, понимаю, что это государственная тайна, – начал он шутливо, – но ты мне всё же скажи, есть ли у тебя постоянная девушка?

– Почему государственная тайна? Есть у меня девушка, звёздочка моя ясная. Альфиёй зовут.

– Хорошо ты про неё сказал, красиво.

– Если будет с вашей стороны одобрение, то думаю в перспективе жениться.

– А у Альфии твоей есть подружки?

– Этого добра сколько угодно. Все девять этажей в общезитии кишат девчонками, а парней практически нет. Считай, они все наши.

– Знаешь парня по прозвищу Шуруп, Сунгат его имя?

– Видел у Ахмадиши-бабая. Близко, правда, не знаком.

– Тебе придётся с ним подружиться. Он вырос за Кабаном, в Татарской слободе. Парень не особо грамотный, в отсидке был, а сейчас, кажется, под гору катится. Его бы познакомить с порядочной девушкой, отучить ругаться и пьян-

ствовать. Покажи ему, что существуют и другие компании, где не только пьют и скрипят кроватями. А то пропадает парень... Вся надежда на тебя, Мисхат.

Последние слова шефа приятно польстили самолюбию Миши-Мисхата.

На самом деле Мисхат был хорошо наслышан о Шурупе, о его вспыльчивом, необузданном характере и о тех, с кем он проводил ночи, и ему не слишком хотелось приводить парня с такой репутацией в студенческое общежитие к девушкам. Он туда и сам с трудом попал. Кажется, он лишнего сболтнул – захотелось прихвастнуть перед Сайтом Ярулловичем. Зачем надо было раскрывать карты? Осрамит его Шуруп перед всеми. А ведь Альфия вовсе не торопится вешать на свою шею хомут под названием «Мисхат», на все его предложения отвечает: «Молодость только одна, успеем ещё в загс». И от ворот поворот не даёт, короче, держит на длинном поводке.

Сайт, не обращая внимания на недовольное выражение лица Мисхата, повторил свою просьбу. Что делать, если шеф сказал, надо выполнять. Будет хуже, если он перестанет давать задания – незаменимых людей на свете нет.

Прежде чем взять Мишу-Мисхата на работу, Пахан его основательно проверил. Хотя и не каждого он испытывал кулаками, но разговаривал со всеми подолгу, а до разговора собирал всестороннюю информацию о человеке. Даже взяв на работу, ни с кого из своих парней не спускал глаз.

Говорили, что попасть в его команду – всё равно, что

пройти через игольное ушко. И для себя, и для работающих у него ребят Сайт ввёл жёсткую дисциплину и неписаное правило – не путать работу с личной жизнью, чтобы одно не мешало другому.

Своих подчинённых он учил многому – владеть оружием, приёмами бокса и самбо, вырабатывал организаторские способности, самообладание, чувство уверенности в себе, он говорил:

– Мы живём правильно, едим то, что сами заработали.

Когда у него случалось хорошее настроение, он говорил своим ребятам:

– Ах вы, мои чудища-юдища! Мы с вами порождение времени, санитары общества, призванные очистить его от нездоровых элементов.

Потом добавлял уже серьёзно:

– Мы должны быть людьми высокой морали и нравственности. До хулиганства и криминала нам опускаться не пристало.

Хотя подчас его рассуждения о нравственности и совестливости звучали совсем неуместно – как проповедь перед концом света, но среди его ребят находились наивные души, которые всё принимали за чистую монету. Такие «проповеди» нужны были в первую очередь самому Сайту для того, чтобы оправдать продажу винтовок, которые он привозил из Ижевска, спекуляции с сухим молоком, баловство с гашишем и расправу с теми, кто становился у него поперёк до-

роги. Любим, самым нелицеприятным делам он умел найти благопристойную словесную формулировку.

Сайт считал, что у татар должна быть своя, национальная мафия, а принадлежность к мафии, по его мнению, была одним из проявлений мужской доблести.

Как бы то ни было, окончивший истфак университета и мечтавший о материальной независимости и собственном киоске, Мисхат-Миша полностью доверял Сайту и служил ему верой и правдой.

11

Нежась на мягкой, как пух, постели, Зульфия нашла под атласным одеялом руку Сайта. От его длинных сильных пальцев к ней потекло согревающее душу тепло. Говорят же умные люди, что между влюблёнными существует энергетическая связь. Казалось, что нет на земле силы, способной разорвать близость, ниспосланную самими небесами. Мужчина, повернувшись к ней, зарылся лицом в густые душистые волосы, издающие лёгкий запах полыни, поцеловал нежно-розовые мочки ушей, затем шею.

– Чего желает моя ненаглядная? – спросил он, сам не слыша своего голоса. Он в этот момент захлёбывался от нежности, словно грудной ребёнок материнским молоком.

– Ты у меня никак не можешь лежать спокойно, – смеясь, сказала девушка, прильнув к его тугому горячему телу.

Каким-то чудом она сумела расслышать, угадать его еле различимые слова – порой их взаимопонимание было близко к телепатии...

Сайт приучил возлюблённую спать обнажённой. Ничто не могло быть совершеннее того костюма Евы, который подарили своей дочери родители Исхак-абзый и Рамзия-апа. По крайней мере такого мнения придерживался Сайт, не разрешавший ей прикрыться ни одной, даже самой маленькой, тряпочкой. Он никому не мог объяснить, какое сумасшедшее наслаждение переполняло его, когда по ночам он чувствовал в своих объятиях тело Зульфийи, когда ноздри щеко-тали исходившие от неё еле уловимые запахи медовых луговых цветов и свежескошенного сена. Осознавать, что такая божественная девушка – юная, как Лолита, чистая, как Наташа Ростова, с безумно прекрасным, как у Анфисы, упругим телом, доверчиво прижимаясь к нему, дарит ему, грешному, беззаветную любовь и нежность, – это было невероятное счастье, о котором он не мог и мечтать.

Зульфийа, выросшая в деревне и привыкшая видеть свою мать в постели одетой, как капуста, вначале и слышать не хотела, чтобы спать голышом.

Но на третий вечер её сопротивление удалось сломить. Она решила, что всё-таки с тем, кого любишь, можно спать и в чём мать родила.

Самолюбивая Зульфийа, которая всегда была отличницей, рядом с многоопытным мужчиной не упускала случая под-

черкнуть свою начитанность.

– Я много книг прочитала про любовь. Странно, нигде ничего похожего на нас с тобой.

– А ты думаешь, те, кто пишут про любовь, обязательно сами любили кого-нибудь? Возьми, например, великих педагогов Крупскую и Макаренко. У них вообще не было собственных детей.

– А может быть, если теория не основана на практике, она бывает более удачной?

– Уж не имеешь ли ты в виду непорочное зачатие девы Марии? Это же просто красивый миф, сочинённый позднее.

– Да нет, – ответила Зульфия, высвобождая белоснежную, светящуюся в полутьме, руку из-под одеяла. – Говорят, что Жюль Верн никогда не видел океана собственными глазами, но как красиво и правдоподобно описывал море и подводный мир.

Сайт, слушая Зульфию, вдруг рассмеялся.

– И что смешного я сказала? – обиженно спросила девушка.

– Извини, просто вспомнил один анекдот!

– Ну-ка, расскажи. Вернёмся из морских глубин на сушу. – Зульфия повернулась на живот и облокотившись на руки, приготовилась слушать.

– Армянскому радио задали вопрос: можно ли с пятнадцатилетней девушкой беседовать об интимных отношениях? «Если хотите углубить свои познания в этой области, то

очень даже рекомендуется», – ответило армянское радио.

– Это что, камешек в мой огород, Сайт?

– Да нет, что ты, вспомнилось вдруг ни с того ни с сего.

– Я до этого тебе не говорила, – Зульфия вдруг стала серьёзной, – но у меня тоже есть кое-какой опыт в этой области. Ты, наверное, понял, в самый первый раз, что до тебя у меня кто-то был. Не думай, что я гуляла налево-направо, с кем попало. Но одну ошибку успела совершить. Чуть было не вышла замуж, да, как говорится, Бог спас. Если тебя интересуют подробности, то я расскажу, как было дело. Если не станешь настаивать, буду тебе очень признательна. Никому не доставляет удовольствия сыпать соль на старые раны.

Сайт слушал свою «малышку» и в душе не мог нарадоваться: «Надо же, остались ещё на земле чистота и непорочность, а я уж было отчаялся их встретить». На кой чёрт Сайту её прошлое, если она сейчас, в эту минуту в его объятиях и останется с ним завтра, послезавтра и навсегда!

Многое перевидал Сайт на своём веку, жевал хлеб пополам с песком под знойным солнцем Монголии, разгребал грязь в прямом и переносном смысле на улицах родной Казани, сталкивался с человеческой подлостью, предательством и неблагодарностью, непониманием со стороны прежних женщин – наверное, за всё пережитое Всевышний послал ему Зульфию. Они всегда будут вместе, а если он покинет этот мир раньше неё, то завещает, чтобы её похоронили рядом, и встретит её там, за последней чертой, и уже тогда

их души не разлучить никому и никогда во веки веков! А может быть, у них ещё будут дети. Он бы ещё вполне успел поставить их на ноги, помочь выбрать им свой путь в жизни. Если родится девочка, то пусть станет врачом – на свете нет профессии благороднее и нужнее. А если будет мальчик, то будет знатоком родного языка и истории – пусть послужит будущему своего народа.

От этих мыслей на душе теплело, Саит как будто возвращался в свою молодость, когда он ещё не был тем сильным, волевым и жёстким, а порой жестоким человеком – всемогущим Сакмановым, генеральным директором крупной организации...

Молчание мужа (а про себя Зульфия давно его так называла) девушка истолковала по-своему. Может быть, рассказать ему всё начистоту, чтобы потом никогда не возвращаться к этому разговору.

В сущности, всё было довольно банально. Познакомилась на танцах с парнем по имени Мунир, который работал на стройке прорабом. Какое-то время встречались, потом решили пожениться. Когда осталась неделя до подачи заявления, к Зульфие явилась заплаканная женщина с ребёнком на руках, оказавшаяся женой Мунира: «Не бери грех на душу, не оставляй ребёнка без отца, всё равно счастья тебе это не принесёт!» Хотя Мунир с женой официально давно уже были разведены, Зульфия не смогла выйти за него замуж. Прораб получил от ворот поворот, хотя и успел, как говорится,

распробовать заветный плод. Вот такая безрадостная история, от которой у Зульфии осталось только чувство жгучего стыда. Хотя есть ли на земном шаре женщина, ни разу в жизни не совершившая ошибок? Ведь говорят же в народе: не успеет раздаться первый крик новорождённой девочки, а в заветной Книге судеб, в которую не дано заглянуть смертным, уже занесены все её будущие ошибки.

Ни Сайт, ни Зульфия не могли знать, сколь быстротечным окажется их счастье, что чёрные силы замышляют недоброе, готовясь отнять у Санта самого близкого и родного человека, что Сайту предстоит вступить на путь беспощадной и кровавой борьбы. Именно так было начертано в Книге судеб.

А сейчас им было радостно и светло оттого, что они вместе. Взгляд Зульфии упал на жёсткие складки в уголках рта Санта, и она словно почувствовала на своих губах прикосновение его горячих губ, их слегка солоноватый вкус.

О чём думает её любимый? Зульфия ни секунды не сомневалась в его безрассудной сумасшедшей любви к ней, но даже к близкому человеку трудно проникнуть в душу до конца. Сайт и не подозревал, сколько передумала его «малышка» за эти дни, поселившись в его квартире. Тут ещё односельчанка Лилия, к которой она обращалась с просьбой передать отцу лекарства, внесла некоторый разлад в её чувства: «Нашла бы ты себе, подруга, молодого симпатичного парня-ровесника, с которым можно прожить всю жизнь до старости. А что у тебя общего с пожилым мужиком, который тебе в

отцы годится?» Потом только поняла Зульфия, что эти слова объяснялись завистью и желанием отравить счастье приятельницы, добавив ложку дёгтя в бочку мёда.

Что бы ни болтали вокруг, Зульфия знала: нет на земле силы, способной разлучить её с Сайтом. Что с того, что он ей не ровесник! Разве ровесники смогли бы в полной мере оценить Зульфию, её любовь к прекрасному и возвышенному, её познания в поэзии и литературе?

А почему, спрашивается, так много молодых семей распадается? Не от материальной ли и, более того, духовной нищеты, ведущей к ежедневным стычкам, взаимным оскорблениям и унижениям друг друга. Деля тесную квартиру с родителями и родственниками или живя в общежитии, молодые быстро устают друг от друга, не имея возможности – из-за житейских неудобств, неопытности или неправильного воспитания – дать друг другу полного наслаждения, по этой причине начинают искать плотские удовольствия на стороне.

Зульфия всем молодым девушкам хотела бы пожелать такого счастья, как у неё. Муж любит её без памяти, говорит, что по сравнению с ней все победительницы конкурсов красоты – просто кикиморы болотные. Конечно, её Ситжан малость преувеличивает, но всё равно приятно слышать. Вдвойне приятно, что исходят они из уст мужчины с богатым жизненным опытом, у которого было немало женщин, но Зульфия всё же самая любимая, самая желанная из них!..

Зульфия подумала, что после её краткого рассказа Сайт должен был бы спросить: «Уж не тот ли усатый парень в общезитии хотел стать твоим мужем?» И она бы тогда ответила, что именно в тот момент, ощутив поддержку Сайта, решила выйти за него замуж. Точно читая мысли девушки, Сайт неожиданно спросил:

– Зульфия, помнишь, когда мы заезжали к тебе в общезитие, ты не то назвала меня мужем, не то сказала, что собираешься за меня замуж? Ты не переменяла своего решения?

– Ты, Сайтжан, родился под счастливой звездой.

– Это почему? Обоснуйте, пожалуйста.

– В тот день, когда ты встретил меня на вокзале и нашёл для папы лекарства, я, хотя и была тебе очень благодарна, но совсем не собиралась ехать к тебе домой. Я была к этому не готова.

– В самом деле?

– Тут, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло.

Человек, который чуть не стал моим мужем, своим хамским поведением сам толкнул меня в твои объятия.

Сайт притворно обиделся:

– Значит, если бы не он, между нами ничего бы не произошло?

– Конечно, произошло бы, но не так скоро. А тогда, сравнивая тебя с этим ничтожеством, я сделала выбор в твою пользу. Окончательно и бесповоротно. Хочешь, рас-

крою страшную тайну: я тебя люблю, Саитжан! Только смотри, никому не разболтай.

12

Будучи человеком дела, Саит не понимал и не принимал беспричинного и беспробудного пьянства. Спиртное он принимал чаще всего в процессе деловых переговоров, для решения каких-то проблем.

Но ангелом он тоже не был. Когда служил в Монголии, то от безделья часто прикладывался к бутылке. И сейчас бывали дни – редко, но бывали, когда, как говорится, «душа просит».

С подчинёнными Саит пить не мог – все они были намного моложе, да и субординацию нарушать не хотелось. Поэтому в таких случаях, прихватив пару бутылок водки и какую-нибудь закуску, направлялся «поговорить за жизнь» к Ахмадише-бабаю, о судьбе которого можно было написать сразу десять романов.

Хотя старик и жаловался на печень, но визиты высокого гостя всегда льстили его самолюбию. Ахмадиша-бабай, отложив все дела, принимался накрывать на стол. Развернув принесённый Замиром свёрток с закуской, не спеша нарезал копчёную колбасу, сыр, доставал из погреба квашеную капусту, солёные огурчики и садился, устремив затуманенный взгляд на стакан. Присказка у него всегда была одна и та же:

– Смотри-ка, Саитжан, чистая ведь, как слеза ребёнка. Ну, как её не выпьешь, прости меня Господи! Давай, взяли по маленькой!

Стопка исчезает из виду в его огромных, как лопаты, руках, однако каким-то образом находит пересохшие в ожидании губы. Выпив, он немного сидит молча, потом довольно крикает и поднимает прищуренные глаза на Санта.

– Дошла, родимая, по месту назначения.

Когда первая бутылка на исходе, Ахмадиша-бабай пускается в философские рассуждения:

– Я, Саитжан, понял одну истину. Если власть оказывается в руках дураков, то могут случиться непоправимые вещи.

– Таких людей долго не держат, снимают и всё.

– Вот тут я не согласен. Чем больше в руках у таких власти, тем меньше нужны ум, образование и совесть.

– По-моему, абзый, ты преувеличиваешь.

Но Ахмадиша, увлечшись мыслью, продолжал (когда выпадало счастье поговорить с таким благодарным слушателем, старика трудно было остановить):

– Исходя из своего жизненного опыта, я пришёл к выводу: власть с успехом заменяет ум и образование.

– Но люди меняются, – вставил фразу Сайт, хотя сам с трудом верил в свои слова.

– Ты это, сынок, выбрось из головы. Люди остаются те же. Меняются времена. Ты видел, чтобы кто-нибудь из бывших партийных шишек бедствовал или лишился своей роскош-

ной квартиры? Разве только досрочно на пенсию проводят – и то, если уж работать надоест.

– Неужели совсем не веришь в перемены, бабай?

– Верить-то я верю, – пытается вскочить с места старик, но это у него не получается, и он начинает отчаянно жестикулировать, – вот как раз этих перемен я и жду со страхом. Мне-то самому ничего не будет, я своё отжил. Но вот если, к примеру, Жириновский к власти придёт, то боюсь я за своих детей, за внуков. Да и за тебя тоже.

– Я, бабай, в песках Монголии прокалился – закалился. Ничего на свете не боюсь, – храбрится Сайт.

– А я, дружочек мой, через ГУЛАГ прошёл. Слышал про такой? Это всё равно что через круги ада пройти. Говорят, что тюрьмы с тех времён сохраняют в целостности и сохранности, даже ремонт делают. Это чтобы они в любой момент были готовы принять жертвы новых репрессий.

Сайт подливает масла в огонь, вспомнив, что представители власти сейчас поголовно называются «демократами».

– Ну вот, убей, не верю я, что эти перемены принесут людям радость, что жить в России станет лучше. Газеты и телевидение пытаются нас убедить в том, что мы, дескать, идём вперёд, к светлому будущему. А если трезво взглянуть на то, что творится вокруг, что ты обнаружишь? Что ничего, собственно говоря, не изменилось. И не изменится. Вон какие коттеджи понастроило себе начальство. Такие хоромы не по зубам какому-нибудь «челноку», торгующему тряпьем на ба-

заре. Чтобы их построить, нужно сидеть на государственных деньгах. Чем плохо жить за счёт государства – строить себе дворцы на дачных участках, иметь четырёх-пятикомнатные квартиры в центре города. А на простой народ им плевать – пускай хоть сгниёт в нищете...

– Ну, зачем так мрачно, Ахмадиша-абзый? Ты что, плохо живёшь? Или тебя Хаерниса-апа в свою кровать не пускает? – попытался свести всё к шутке Сайт. Но смех получился каким-то натянутым, невесёлым.

А Ахмадиша-бабай, не обращая внимания на слова Санта, продолжал:

– К чему я веду-то – хотя прежние райкомы и райисполкомы убрали, но сущность-то от перемены названия не изменилась. Зайди в эти кабинеты и увидишь те же сытые, круглые рожи с тремя подбородками – по ним видно, что едят они явно не макароны и картошку. Сменить веру ничего не стоит, это категория непотопляемых людей. А сейчас ещё появились «новые русские» и «новые татары». Страна, кажется, переходит в руки всяких «шалтайтрестов». Обидно ведь, Сайт, когда тобой управляют люди, разбогатевшие на купле-продаже и грабеже. Не верю я им...

Старик, то ли устав говорить, то ли испугавшись, что сболтнул лишнего, вдруг замолчал, глядя на лежавшую перед ним горбушку хлеба.

Сайт потянул его за рукав:

– Давай, лей до конца, выпьем до последней. – И, чтобы

закрыть тему, произнёс: – Всё ты верно сказал, абзый. Не голова у тебя, а Дом советов.

По русскому обычаю выпили, не чокаясь. Закусили, молчание нарушил Ахмадиша:

– Сайт, я знаешь, чего хотел спросить. Что-то бухгалтер наша, Наиля, не показывается.

– Ты что, соскучился? Или глаз на неё положил? А она ещё ничего...

Старик шутки не принял. Он не был подлизой, готовым в любой момент угодливо хихикнуть.

– Раньше она каждый день бывала. Ведь у неё большая часть денег хранится здесь, в нашем сейфе.

– Она, кажется, болеет. Уже несколько дней на работу не выходит.

– Странно, она на вид цветущая и за собой очень следит. Что с ней могло случиться?

– А почему это тебя так беспокоит?

– Я бы сказал, но боюсь, ругаться будешь.

– Мы же с тобой старые друзья, ещё с тех самых ресторанных времён...

Ахмадиша-бабай, склонившись к самому уху Санта, прошептал:

– Бухгалтерша твоя от тебя без ума! Я это давно заметил. А с тех пор, как стал ты жить с Зульфийей, она места себе не находит. Как бы чего не выкинула... Смотри, женская месть может быть очень коварной.

Саит как-то не придал особого внимания предупреждению старика. Он думал только о Зульфие, которая ждала его дома.

– Да пускай себе влюбляется! Я же не могу ей дать приказ: мол, разлюбить – и точка.

Саит потом кусал себе локти, жалея о том, что проявил непростительное легкомыслие, не прислушавшись к словам мудрого аксакала.

13

Зульфия сменила фамилию, став Сакмановой. Надела на безымянный палец правой руки широкое обручальное кольцо. Пригласив всех друзей и всю студенческую группу Зульфии, сыграли свадьбу – как положено, с песнями и плясками, с криками «горько». Только родители девушки не приехали, хотя им и послали приглашение.

Зульфия из-за этого очень переживала, хотя и старалась не показывать виду. Через неделю после того, как они с Сайтом официально расписались, она стала заводить разговор о том, чтобы съездить в деревню и провести там никах, устроив застолье в кругу односельчан.

– Хочу познакомить тебя с моими домашними. Кроме мамы с папой, у меня есть ещё младший братишка Самат – шалопай жуткий, но тебе должен понравиться. Он учится в восьмом классе.

Сайт, подумав, ответил:

– Пускай уж зима пройдёт, жёнушка. Не лучше ли отложить это дело до весны или до лета?

– Давай не будем затягивать, скоро у меня зимние каникулы, поедem скорей, Саитжан, ну, пожалуйста!

Подойдя к Сайту, который с газетой в руках сидел на диване перед телевизором, она опустилась перед ним на ковёр и положила голову ему на колени. В глазах была отчаянная мольба. Сайт положил руку ей на плечо. Сквозь тонкий шёлк халата его пальцы ощутили тепло и упругость хорошо знакомого, но всегда желанного молодого тела. Он, нагнувшись, с нежностью дунул на лёгкие завитки её пушистых волос.

Зульфия уже успела усвоить: если муж откликнулся на ласку, можно смело ставить ребром любой вопрос – её желание всегда будет выполнено. Хотя, по правде говоря, у Сайта душа не лежала к этой поездке в Кукморский район. Хорошо зная деревенские нравы и обычаи, он легко мог себе представить, какого мнения о нём родители Зульфии. Было бы странно, если бы они спокойно отнеслись к тому, что он до Зульфии был неоднократно женат и что он на двадцать с лишним лет старше их дочери.

Может быть, смирившись с судьбой, они-то сами и сели бы с ним за свадебный стол, но в татарской деревне очень большое значение придаётся тому, «что скажут люди?» и «как будем людям в глаза смотреть?».

Нет, Сайт был вовсе не против съездить на родину к жене,

познакомиться с её роднёй. Он был готов к тому, что за любое удовольствие надо платить. Как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить. Но он рассчитывал, что они приедут в деревню к Зульфие немного погодя – не одни, а с малышом, который бы помог растопить сердца тестя и тёщи. Однако Зульфия не торопилась стать матерью: «Вот получу диплом, тогда пожалуйста – целиком посвящу себя моему дорогому Саитжану и ребёнку. Но ходить на госэкзамены, выпятив пузо, я не хочу, ты уж меня извини», – объяснила она...

Зульфия, поняв, что сопротивление мужа сломлено, спешила укрепиться на завоёванных позициях:

– Давай я пошлю телеграмму, что приедем в следующую субботу. Можно и письмо написать – ещё сто раз успеет дойти.

– Зачем поднимать шум? Мы уж лучше прибудем тихомирно, пешочком и через заднюю калитку – чтобы соседи не видели, – улыбнулся Сайт.

Зульфия просияла – она всё-таки добилась своего.

– Хорошо, сделаем по-другому. Послезавтра моя землячка Лилия – она в пединституте учится – едет домой. У них каникулы раньше начинаются. Я через неё передам, что мы собираемся приехать. Нельзя же нагрянуть без предупреждения, с бухты-барухты. Им надо подготовиться: чтобы на столе были и чак-чак, и белиш, и тутырган тавык, чтобы успели известить родственников из соседней деревни и мул-

ду...

– Что-то ты размечталась, моя ласточка!

– Почему ты меня назвал ласточкой?

– У ласточки грудка белая. И у тебя тоже.

– А разве другие места у меня не белые?

– Другие места никто не видит, они только мои. Вот возьму тебя сейчас на руки и утащу в спальню. Уж там я про всё на свете забуду, в том числе и про эту поездку.

Зульфия, испугавшись, что он тут же приведёт свою шутовскую угрозу в исполнение, быстро вскочила на ноги и отстранилась.

– Нет-нет, Сайт, не сейчас, давай сначала договорим...

– О чём говорить-то, – развёл руками Сайт. – Деньги в комоде, бери сколько хочешь родственникам на подарки. А я возьму на себя спиртное.

Всю следующую неделю Зульфия, махнув рукой на сессию (на пятом курсе студенты пребывают в полной уверенности, что уже ничто не помешает им дойти до финиша, то есть до диплома), бегала по магазинам, выбирая подарки отцу, матери, братишке Самату, его друзьям, всем родственникам, близким и дальним, соседям и просто хорошим знакомым. Пришло, наконец, время, когда можно было купить что душа пожелает – были бы деньги. А такие деньги, которые оказались у неё в руках, Зульфие и не снились. Она без сожаления транжирила их налево и направо, пусть знает весь Кукморский район, какой щедрый зять у Исхака-абзый!

Вот, наконец, настала долгожданная суббота. В путь тронулись на двух машинах – на чёрной «Волге» и «уазике», ввиду непредсказуемости зимних дорог. Рассчитывали добраться до места ещё засветло, часам к трём. Халиль, как главный сват, восседал на переднем сиденье. Зульфия и Сайт, одетые, как положено жениху и невесте, сидели сзади. В «уазике» ехали Миша-Мисхат, Фердинанд и ещё пара крепких парней – на всякий случай.

Под музыку, льющуюся из автомагнитолы, за разговорами и шутками время в пути пролетело незаметно. На полдороге остановились, перекусили, мужчины открыли бутылку коньяка. Настроение у всех было светлое и праздничное.

Только у самой деревни, словно от какого-то предчувствия, у Зульфии вдруг часто-часто забилось сердце, губы пересохли.

– Сайт, открой, пожалуйста, минералку.

Даже выпив боржоми, она не могла успокоиться. Перед глазами, будто наяву, стояла мать, раскрасневшаяся от возни у печки, утирая бисеринки пота на лбу и вокруг глаз – таких же зелёных, как у Зульфии. А отца, скорее всего, в избе нет – чтобы не заставили ничего делать по дому, он удрал на конюшню к лошадям. Эх, отец, он даже не подозревает, что встал на ноги только благодаря своему зятю, доставшему для него лекарства. Надо будет ему сказать об этом...

Когда свадебный эскорт подъезжал к деревне, на землю уже спускались сумерки. Деревня Зульфии была типично та-

тарской – около двухсот бревенчатых домов, над которыми возвышался минарет мечети. Никакого оживления на улицах приезд гостей не вызвал – везде было безлюдно и тихо.

– Замир, езжай прямо, здесь поверни направо, – показывала дорогу Зульфия.

«Волга» и «уазик» остановились возле дома с высокими «русскими» воротами.

– Посигналим? – спросил Замир.

– Не надо. Пусть вначале Зульфия сама войдёт. – Почему-то в окнах, выходящих на улицу, не горел свет. Даже лампочка на воротах – а она обычно не выключалась даже днём – сейчас не горела. Не зря, видно, сердце Зульфии чувало неладное. Родной дом встречал её темнотой и холодом. Лишь цепной пёс, словно сердясь, что его беспокоят ветреным зимним вечером, ворчливо пролаял пару раз для порядка и затих.

Зульфия, пройдя через двор, подошла к крыльцу. На дверях висел здоровенный амбарный замок. Скотина заперта в сарае. Поняв, в чём дело, девушка бегом бросилась обратно к машине и, упав на заднее сиденье, безутешно разрыдалась. Мужчины молча сидели на своих местах. Улица по-прежнему была безлюдной, словно на деревню совершила набег шайка разбойников из сказки про Али-Бабу.

Наконец из соседнего дома кто-то вышел. Еле волоча ноги, к машинам ковыляла старуха. Это была Зайнапбану-эби, слывшая в деревне знахаркой и колдуньей. Старуха поздоро-

валась, выдержала небольшую паузу и заговорила так, словно сама была виновата в случившемся:

– Вы уж не сердчайте, дорогие гости! Мать твоя, Зульфия, всю неделю готовилась к свадьбе. А Исхак сегодня утром сходил в пожарку – так оттуда домой прибежал совсем одуревший, словно ему керосину в задницу залили. Запряг лошадь, силком усадил в сани жену и сына и куда-то их увёз. Давно я его пьяным не видела, а сегодня, видать, кто-то нарочно напоил. «С мафией, – говорит, – родниться не собираюсь!.. Пускай они там в Казани друг друга перережут, а я их видеть не желаю, тем более у себя дома принимать!»

– Куда они поехали?

– Не знаю, дети мои, не говорил он.

– Зульфия, дай бабушке подарок, – вступил в разговор Сайт.

Старуха обиделась:

– Подарки ваши мне без надобности. А вышла, чтобы вы тут не стояли, не мёрзли. Если замёрзли, можете зайти погреться. У меня самовар горячий. – Повернулась и заковыляла к дому.

Зульфия догнала добрую старушку и сунула ей в руки отрез на платье и нарядный белый платок – в мечеть ходить. Зайнапбану-эби, бормоча слова благодарности, скрылась за своими покосившимися воротами.

Сайт понял, что пора брать бразды правления в свои руки. Что толку корить жену – она и так чувствует себя виноватой

перед ним и его друзьями.

– Халиль, Фердинанд, – распорядился Сайт, – найдите муллу и нижеайше просите его, чтобы он согласился прочитать никах для одной проезжей пары. Раз уж мы сюда приехали, не могу же я вернуться домой, не женившись на Зульфие по шариату.

Найти дом муллы, примыкающий к мечети, оказалось несложно. Мулла пригласил мужчин в дом, внимательно выслушал.

– Мы тут проездом, – сказал Халиль. – Одной молодой паре нужно прочитать никах. Оба они согласны, свидетели тоже есть. Не откажите, мулла-эфенди.

Мулла вдруг прыснул со смеху, показав мелкие ровные зубы:

– Дорогие «путешественники»! Вы уж нас, деревенских, совсем за дураков держите! Сказали бы прямо: дочка Исхака замуж выходит, нужно прочитать никах. Я этому Исхаку сколько раз говорил: не горячись, семь раз отмерь, прежде чем отрезать. Ничего не попишешь, дочка теперь уже не твоя. Было бы во сто раз хуже, если бы тебе твою любимую дочь обратно вернули – да не одну, а с ребёнком... Вот что я ему толковал, и он было со мной согласился. Но по дороге домой кто-то его напоил и по-другому настроил. У Исхака нрав горячий, вожжа под хвост попадёт – не остановишь. Увёз всю семью неизвестно куда. Да что я говорю, вы и сами знаете... Эй, абыстай, ставь-ка чайник. Ведите скорей моло-

дых!

Хазрат, соблюдая все требования, совершил обряд, соединив молодых, после чего поздравил, угостил чаем. По-дружески расставшись с муллой, который оказался человеком передовых взглядов, щедро одарив подарками его и абыстай и отсчитав большую сумму денег для мечети, «делегация» из Казани тронулась в путь.

– Зульфия, не расстраивайся, всё, что ни делается, – к лучшему. Редко кому выпадает такая честь, чтобы никах читался в доме муллы.

Зульфия после этих слов немного воспряла духом. Как ни дороги для женщины родители, важнее всё же своя семья...

Проезжая мимо своего дома, Зульфия попросила остановиться.

– Хочу всё же зайти. Ключ у меня есть.

Изящные маленькие сапожки из дорогой кожи закрепились по нетронутому снегу. С неба заговорщически улыбается луна. Зульфия, зная, что луна не выдаст её суровому Исхаку-абзый, достаёт из печки и заворачивает в полотенце ещё тёплый, испечённый матерью белиш, выносит мужчинам:

– Вот вам настоящий деревенский белиш. Выедем из деревни, отведаете.

– Зульфия, давай-ка занесём в дом все подарки. Зря, что ли, везли в такую даль. Отец твой ещё поймёт, что мы ему нужны – стоит только ему снова заболеть.

Они занесли в дом несметное количество сумок, пакетов

и свёртков, которые так старательно упаковывала Зульфия, собираясь домой...

Выйдя на улицу, Сайт обнаружил, что у дома собралась толпа детворы и молодых парней. Они смотрели на приезжих примерно как австралийские аборигены на капитана Кука. Казалось, собравшиеся чего-то ожидали.

У Сайта всё было при себе – и выпивка, и закуска. Можно было угостить и напоить толпу в десять раз большую, чем эта. Такая мысль вначале промелькнула у него в голове, но ему показалось, что это будет выглядеть не очень красиво – покупать расположение односельчан Зульфийи за водку и угощение. Он решил, что обойдётся без этого.

Пока Сайт раздумывал, из толпы вышел какой-то парень и выкрикнул: «Молодец, Исхак-абзый, не пустил к себе в дом мафию!» Но продолжить в этом духе ему не дал один из плечистых парней, вылезших из «уазика». Парень открыл было рот, но почувствовал, как ему больно наступили на ногу. После нескольких слов, которые ему шепнули на ухо, он стал тише воды, ниже травы. Как выяснилось позже, парень этот был один из многих деревенских джигитов, заглядывавшихся на Зульфию.

Эскорт покинул деревню около восьми вечера. Белиш, который Зульфия вынесла из дома, не успел остыть – его с аппетитом съели по дороге, поздравляя молодых с никахом.

Эта поездка оставила в душе у Сайта горький осадок, хотя он изо всех сил старался этого не показывать. Тяжелее всех

переживала случившееся Зульфия. Она помрачнела, даже осунулась, под невесёлыми глазами залегли тёмные круги.

14

Пока генеральный директор «Игелек» «справлял свадьбу» в деревне, жизнь в городе не стояла на месте.

В тот самый буранный зимний вечер, когда Зульфия стояла у дверей родного дома, в общежитии, где она раньше жила, происходило одно немаловажное событие. В её бывшей комнате парни и девчонки собрались на вечеринку, без которых немыслима студенческая жизнь – с шутками, розыгрышами, песнями и танцами.

По просьбе Пахана Мисхат-Миша привёл с собой Сунгата. По дороге зашли в магазин и, решив пустить пыль в глаза, купили водки, шампанского, дорогих конфет в красивых коробках.

Дверь комнаты открыла высокая стройная девушка. Разделённые на прямой пробор волосы волнами спускаются на плечи, безупречно гладкая и нежная кожа цвета слоновой кости, изогнутые, словно удивлённые, брови, большие серые глаза, приветливый взгляд. На шее тоненькая золотая цепочка, и больше никаких украшений.

– Миша, заходи скорей, мы уже заждались. Обняла его, дотронувшись щекой до его лица. По-видимому, они были близкими друзьями.

– Ты, я вижу, не один.

Подала Шурупу узкую ладонь с наманикюренными ногтями.

– Альфия. Можно просто Аля. Проходите, пожалуйста.

– Сунгат.

Передав гостинцы хозяйке, стали разуваться. Мисхат-Миша успел шепнуть Шурупу: «Ты на Альфию губу-то не раскатывай. Это моя девушка, понял? Она хозяйка комнаты и староста группы. Второй год с ней, понимаешь, ходим, а до сих пор не могу узнать, девушка она или женщина. У меня насчёт неё планы серьёзные, так что ты смотри у меня, если что – убью!»

Сразу можно было заметить, что Альфия среди девушек – лидер и заводила. Вроде бы нет в ней никакого высокомерия или напускного глубокомыслия, держится со всеми запросто, любит отпускать шуточки. А посмотришь на её стройную тонкую фигуру с осиной талией, на ясные улыбочивые глаза с длинными, изогнутыми кверху ресницами под чистым широким лбом, на её лёгкие непринуждённые движения – и отчего-то сердце радуется. Каждая клетка её тела словно танцует, излучает радость и притягивает к себе. Наверное, естественно, что, увидев Альфию, почти все мужчины начинали проявлять к ней интерес – но Мисхат всегда начеку. Он без ума от неё, ему всё в ней нравится, даже её торопливая походка, при которой девушка наклоняется вперёд, чуть выпятив соблазнительную круглую попку.

Не нужно быть человеком выдающегося ума, чтобы увидеть, что из такой девушки получится прекрасная жена и подруга – в постели королева, и на кухне хозяйка.

– Вы чего это там шепчетесь за моей спиной, как будто давно не виделись? – Альфия, разложив на столе гостинцы и освободив два места для гостей, уже вернулась к ним. По её глазам было видно, что она догадалась, о чём шептал Мисхат.

– Ты, Миша, сядешь рядом со мной, если не возражаешь... А друга твоего посадим рядом с нашим оратором. Давай, Регина, продолжай свою речь.

Девушка, которую называли «оратором», прервала своё выступление, когда появились ребята. Ростом она была пониже Альфии и поплотнее – с высокой пышной грудью, круглым лицом и короткой стрижкой.

– Продолжаю. Собственно, я почти всё сказала. Остановилась на своих недостатках. Я, конечно, не ангел, и есть у меня два больших недостатка...

Она сделала выразительную паузу, окинув взглядом всех присутствующих, и со смехом закончила:

– Красота и простота!

По всей комнате раздались раскаты весёлого молодого смеха – будто на раскалённую сковородку бросили горсть гороха. Шуруп, хотя ничего особенно смешного в словах девушки не находил, всё же счёл нужным улыбнуться. Он стеснялся своих прокуренных жёлтых зубов, поэтому улыбался

сжатыми губами. Когда сидел на зоне, эти огромные и крепкие «волчьи зубы» были его гордостью и надеждой, но у каждого образа жизни свои мерки, свои оценки.

Отведали то, что приготовили девушки, и гостинцы, которые принесли Миша с Шурупом. Застолье разгоралось, набирало силу. Шурупу хотелось навести справки о сидящих за столом девушках, но между ним и Мисхатом, как назло, сидела Альфия.

– Как вы думаете, что объединяет сидящих здесь людей? – спросила Альфия.

– Любовь к сексу! – звонко выкрикнула синеглазая девушка с немислимой «башней» на голове.

– Совсем стыд потеряла, Наташка! Тут есть люди, которые нас совсем не знают. Могут твою шутку принять всерьёз. Каждый всё понимает по-своему. Вот я, например, никогда бы не купила такие дорогие конфеты, нашла бы что-нибудь подешевле. По крайней мере их не жалко есть. Это – студенческий взгляд на жизнь. Ну а если у человека есть возможность покупать всякие деликатесы, значит, он хорошо зарабатывает. У него, соответственно, и другой уровень жизни. Вот здесь собрались люди разных национальностей и профессий: кто учится, кто работает. Но объединяет всех их одно – стремление к красивой, комфортной жизни, в основе которого лежит любовь к самому себе, то есть эгоизм. Так ведь, Миша? Но если это заложено в самой человеческой природе, разве это плохо?

– Как говорится, красиво жить не запретишь, – вставил Мисхат, но смеяться ему пришлось одному.

– Не перебивай, когда люди говорят, – оборвала его Альфия. Сразу было видно, что она никому не позволит себя поучать или давать советы.

Со стороны казалось, что она выросла в крепкой, благополучной семье. На самом же деле её детство было тяжёлым и трагичным – она вполне могла бы понять Шурупа и посочувствовать ему.

Девочка почти с самого рождения оказалась никому не нужной. Мать, расставшись с отцом Альфии, вышла снова замуж.

Отчиму не нужен был чужой ребёнок, и девочка росла у бабушки. Когда она приходила навестить мать, отчим пожирал глазами точёную длинноногую фигурку взрослеющей падчерицы, её начинающую наливаться юную грудь, а при случае норовил дотронуться, погладить. От матери не ускользнуло повышенное внимание мужа к Альфии, но виноватой при этом оказалась, естественно, дочь. Они порвали всякие отношения, и Альфия осталась с бабушкой, которая жила в Зеленодольске.

Альфия хорошо знала, что такое сиротская доля. Словно одинокое деревце в поле, которому приходилось в одиночку бороться с беспощадными ветрами и зимними вьюгами, Альфия привыкла рассчитывать только на свои силы и разум. Она очень рано стала независимой, обрела уверен-

ность в себе и знала цену своей молодости и красоте. Решив достойно распорядиться богатством, данным ей природой, она не разменивалась по мелочам, сохраняя честь для своего суженого.

– Предлагаю тост за то, чтобы пройти жизненный путь счастливо и красиво, получить от жизни всё, что положено. Давайте осушим стаканы за это! – завершила Альфия.

Потом с места вскочила та самая бесшабашная ясноглазая девушка – Наташа:

– Господа! Не люблю я говорить длинные и умные тосты. Расскажу лучше пару анекдотов. Можно сказать, из моей жизни. «Одна женщина звонит своей подруге: «Не понравилась мне вчерашняя гулянка. Столько выпили, что я попала в постель со своим мужем», – жалуется она».

Продемонстрировав очаровательные ямочки на щеках и ослепительные зубы, Наташа от души рассмеялась. Положила руку на плечо сидящего рядом парня и продолжила:

– После новогодних праздников встречаются две студентки. «Где Новый год встречала?» – «В своей постели, как обычно». – «Народу много было?» – «Да ну, ещё их считать, только время зря тратить».

Многие считали Наташу легкомысленной и гулящей, но те, кто хорошо её знал, единодушно признавали за ней сметливый, практичный ум. Кроме того, она умела держать язык за зубами. Например, только они с Мисхатом знали, сколько оружия привезли они в грязных мешках из-под рыбы в

поездах и под сиденьями легковых автомобилей в Казань из Ижевска – отец Наташи работал на Ижевском оружейном заводе начальником цеха.

Многих больших начальников, от которых зависело решение того или иного вопроса, Саит одаривал винтовками ижевского производства.

Немало ребят, под влиянием первого впечатления рассчитывающих на лёгкую победу, Наташа оставила с носом. Даже Миша-Мисхат как-то раз получил от неё хороший урок.

Начав встречаться с Альфиёй, Мисхат познакомился с жившей в той же комнате Наташей. Слово за слово – очень скоро оба поняли, что они люди друг для друга нужные. Сакманов давно искал подходы к Ижевскому оружейному заводу. А эта яркая девушка с огромными васильковыми глазами как раз оказалась дочерью начальника, в руках которого было производство современных винтовок.

– Поедешь с девушкой в Ижевск. Вот тебе путёвка, – велел Саит Яруллович, вручая Мисхату огромную сумму денег.

Сели в поезд, тронулись. Так сложилось, что в купе их было только двое. Редкая удача! Какой молодой парень упустит такой случай? Судьба даёт шанс, надо действовать! Да и девушка что надо, лакомый кусочек...

Мисхат, мысленно потирая руки от предвкушаемого удовольствия, накрыл стол, разлил коньяк по стаканам. Сидя друг напротив друга, задевая друг друга коленками, весело поужинали, потом стали застилать постель.

Мисхат был наслышан о доступности девушки. Альфия пока ничего серьёзного ему не позволяла, так что он решил пойти в атаку:

– Если Альфии ничего не скажешь, то я готов, как говорится, соответствовать, – выпалил он.

– Ты о чём это? – округлила Наташа свои и без того большие глаза.

– Я говорю, можем вместе лечь, внизу, если хочешь.

– Знаешь что, дорогой, если ты скажешь хоть ещё одно слово на эту тему, то я выхожу на первой же остановке! Либо выйдешь ты!

Парень, поняв, что допустил ошибку, попытался успокоить её:

– Прости, Наташа, пошутил я.

– Нельзя дело путать с сексом! Хуже нет, чем переспать с парнем своей подруги. Вот, если хочешь знать, моё мнение.

После этого она не спеша разделась, показав стройное, белокожее тело. Накинула халат, не обращая внимания на остолбеневшего Мисхата, и легла...

Пока ехали до Ижевска, Наташа преспокойно спала на нижней полке.

Это было первое и последнее предложение Мисхата, сделанное Наташе. После этого они стали хорошими друзьями и деловыми партнёрами, много дел провернули через отца девушки...

Шуруп, чувствовавший себя несколько неловко в компа-

нии студентов, сидел не раскрывая рта. Вдруг он почувствовал какое-то приятное тепло возле своей правой ноги, словно, ласкаясь, потёрлась об его ногу мягкая пушистая кошка. Шуруп почувствовал, как от этого прикосновения по телу прокатилась волнующая дрожь.

Теперь он мучительно отгадывал: прикосновение чьей ноги это было? Стол застелен клеёнкой, которая спускается до самого пола. «Должно быть, Регина», – подумал Шуруп, боясь поверить в своё предположение.

Попытались петь песни, но быстро оставили это занятие, потому что большинство не знало слов. Староста бросила клич:

– Объявляю танцы! Стулья переворачиваются на кровати, стол – к окну.

Шуруп, привыкший в тюрьме на всё спрашивать разрешение, поднял руку:

– Можно выйти на перекур?

На самом же деле Шурупу хотелось расспросить Мишу-Мисхата о девушках, узнать, кого можно «кадрить», а с кем лучше не связываться: а то увяжешься провожать, и в результате останешься со сломанным ребром – постоянный ухаждёр постарается. Первый вопрос Шуруп задал про Регину:

– Эта полногрудая, которая рядом со мной сидит, что за девушка? Парень у неё есть?

– Хочешь – твоя будет, – важно откликнулся Мисхат, буд-

то хозяин гарема. – Только смотри, не зарывайся. Она дочка какого-то важного мента. Если что, он тебя из-под земли выкопает.

– А эта, что про любовь к сексу кричала и анекдоты травила?

– Это Наташа из Ижевска, по прозвищу Тачанка.

– Почему Тачанка?

– Наверное, потому, что за словом в карман не лезет, строит, как из пулемёта. Я точно не знаю, надо у Альфии спросить. Она, брат, столько знает! У неё не голова, а Дом советов, – принялся он нахваливать свою избранницу.

Шурупа не слишком волновали достоинства Альфии. В любом случае она ему уже не достанется. Хорошеньких девушек в комнате и без неё хватает – все как на подбор. Словно специально собрали их в одной комнате, чтобы свести с ума бедного Сунгата. «Так кого же из них выбрать», – мучился он.

– А что за девчонка Наташа? Переспать с ней можно будет?

– Ты что, не видел, рядом с ней фраер сидит. Она сегодня с ним. Знаешь, какая у неё любимая поговорка: «Вы уж меня не вините, но одна спать боюсь, если рядом мужика нет, то хоть с открытой форточкой спи!» Но это она только треплется.

Я к ней пробовал было подкатиться, так она меня отшила раз и навсегда. Хитрющая девка! Ты не смотри, что она из

себя гетеру строит, на самом деле она совсем не такая.

Мисхат никому не рассказывал о случае в вагоне. Наташа тоже не сказала Альфии ни слова, обнаружив тем самым редкое для девушки умение держать язык за зубами.

В комнате остались только девушки. Альфия с загадочным видом, словно ей была известна какая-то государственная тайна, произнесла:

– Эх, девчонки, ничего-то вы ещё в жизни не знаете!

– А что мы такого должны знать?

– Я бы сказала, да разве вам можно секреты доверять – продадите потом меня с потрохами.

– Женщины, конечно, болтливые создания, но друг друга никогда не выдают. Уж во всяком случае на нас ты можешь положиться, – заверила её Регина.

– Ну ладно, уговорили, – лукаво улыбаясь, Альфия вытянула и без того длинную шею, приготовившись вешать девчонкам лапшу на уши. – Что на свете слаще всего? Не знаете? Нет, не халва и не эти навязшие в зубах «Сникерсы». Если хотите знать, то самое большое наслаждение – это когда танцуешь со своим любимым под медленную, чувственную музыку. Одна твоя рука на его широкой груди ощущает биение его сердца, а другая обнимает его крепкую шею с коротким ёжиком волос, – полузакрыв глаза, вдохновенно живописала Альфия. – И ничего нет прекраснее и слаще того мига, когда твои губы встречаются с его нетерпеливыми, жадными губами вкуса ржаного хлеба, и ты та-аешь в его го-

рячих объятиях, словно шоколадка!

Девушки знали за Альфиёй умение красиво говорить и всегда найти нужные и уместные слова. Но услышать от неё такое! В комнате на время воцарилась тишина.

– Да ты, Альфиюшка, бесстыдница!

– Испортить нас решила!

– Ты у нас староста и неформальный лидер. И к чему ты нас, интересно, приведёшь?

А Альфия, с трудом сохраняя серьёзное выражение лица и стараясь не рассмеяться, подливала масла в огонь:

– Ага, с вами всё ясно! Вам мало просто целоваться, пара голубков. Для вас это уже пройденный этап, вам уж широкую постель подавай!

– Фу, какая ты испорченная! – надули губы девушки, но чувствовалось, что многим захотелось потанцевать именно так, как только что описывала Альфия. В это время из коридора вернулись курильщики – и разговор, затеянный Альфиёй, прервался. Начались танцы. Наташа первая пригласила танцевать рыжеволосого веснушчатого парня, сидевшего рядом с ней, обе руки положила ему на плечи, а голову – на грудь.

Альфия убирала со стола, за которым осталась сидеть только одна Регина. Шуруп поймал себя на том, что ему нравится разглядывать девушку – полная, с маленькими родинками, шея, открытые плечи, округлые, пышущие здоровым румянцем щёки. Регина притягивала парня к себе, как маг-

нитом.

Видя, что девушка потянулась за пирожным, Шуруп одоб- рительно сказал:

– Люблю девушек, у которых хороший аппетит! – Не слишком удачный комплимент, но лучше этого он ничего не смог придумать.

В чёрных, как спелая смородина, глазах девушки про- мелькнули озорные искорки.

– Потому и ем, чтобы доставить вам удовольствие!

– Вот спасибо, что для меня стараетесь. А ещё кого-ни- будь осчастливили? Я в том смысле, что постоянный-то ка- валер у вас есть?

Лицо девушки изменило выражение – стало непроницае- мым, как маска. Говорить, что до сих пор у неё нет парня, Регине не хотелось, а не ответить было бы невежливо.

– Чтобы в моём возрасте – и у девушки не было ухажёра? Это было бы смешно, не так ли?

Когда Шуруп терялся, не зная, что сказать, он начинал по- тирать ладони. Помогало – голова начинала лучше работать.

– А если вы мне тоже очень нравитесь?

– Ну, это уже, как говорится, ваша проблема. Меня в это не впутывайте.

Регина, хотя и отпускала колкости, от приглашения по- танцевать не отказалась. Как старому знакомому, положила обе руки парню на плечи.

– Вас, кажется, Региной зовут?

– Что, не нравится? Не сама выбирала. Предки так обозвали.

– Разве дело в имени? Вот меня, к примеру, бабушка назвала Сунгатом. А я совсем недавно узнал, что моё имя означает «искусство».

В разговор вмешалась Альфия, которая уловила последние слова Сунгата:

– Вам, оказывается, нужно учиться в нашем институте, – вставила она, после чего уволокла в сторону Мишу-Мисхата для инструктажа.

– Действительно... – сказала Регина.

– Ну не всем же обязательно учиться. Если и Вали – мулла, и Гали – мулла, то кто сено станет косить?

– Ну, у нас мулл и хазратов не готовят.

– А на кого вы учитесь, если не секрет?

– Разве, глядя на наших девушек, трудно догадаться?

– Я сразу подумал, что в честь моего прихода здесь собрали первых красавиц со всех институтов, – пошутил Сунгат.

Говорят ведь – женщинам нужно говорить то, что они хотят услышать. Шутка Сунгата сработала: Регина, откинув назад голову, от души расхохоталась, отчего полные груди заколыхались, заходили ходуном, как горные хребты при землетрясении.

– Не много ли о себе воображаете, товарищ Искусство? Мы – будущие хореографы.

– А это кто такие – те, что балет танцуют, или по сцене

просто так топают?

Регина не обиделась, спокойно ответила:

– Нет, мы будем организаторы, методисты, клубные работники. Кто кем устроится, у нас широкий профиль.

Эти подробности Шурупа интересовали не слишком.

– Вы живёте в этой комнате?

– Нет.

– А в какой, если не секрет?

– Я живу с родителями.

– Далеко отсюда?

– Это имеет какое-то значение?

– Хотел просто узнать, может, мы соседи?

– Если пойдёте провожать, узнаете, – откликнулась девушка.

«Девушка не промах, сразу видно, дочь мента – ставит вопрос ребром», – усмехнулся про себя Шуруп. Он осторожно притянул её к себе, сразу почувствовав, как обмякли руки у него на шее. От прикосновения её пышной груди Шуруп ощутил волнение в крови – без всякого сомнения, тогда, под столом именно Регина подала ему знак, сама сделала предложение. Только бы это не оказалось шуткой милиционерской дочери.

Вскоре, попрощавшись, ушла одна из парочек – Саня и Фархад.

– Они решили скоро пожениться, – сказала Альфия, поглаживая Мишу-Мисхата по спине. – Нас пригласили на сва-

дбью. Надо сходить, поучиться, как это всё устраивают. Потом, глядишь, и в очередь в загс встанем, а?

Альфия не ждёт ответа. Она знает, что решение вопроса зависит только от неё.

Наташа со своим другом тоже засобиравалась. Альфия и Мисхат пошли их провожать. Сунгат, воспользовавшись их уходом, с бесцеремонностью зэка схватил Регину в охапку, наклонился к ее лицу и жадно впился поцелуем в ее манящие полураскрытые губы. Регина, часто дыша, осторожно, но решительно отстранила парня от себя. «Кажется, я ей не противен, – отметил Шуруп, – иначе бы получил по морде».

– Я вам не нравлюсь? – прямо спросил Шуруп.

– Ну, вы и наглец!

– Это почему?

– А прежде чем спросить моё мнение, нужно сначала высказать своё. Умные люди поступают именно так.

– Что с меня взять, я простой рабочий.

– И где изволите трудиться?

– В мебельном цехе. Позвольте представиться – крупный специалист по крушению столов и стульев.

Своей прямоотой и простотой, даже тем, что сразу полез целоваться, парень пришёлся Регине по душе.

– Мне пора домой, а то не пустят. Если не передумали провожать, то пошли.

Боясь поверить своей удаче, Шуруп радостно шагал рядом с девушкой. В этот вечер он вёл себя иначе, чем обычно:

пил мало, ни к кому не приставал с выяснением отношений (что часто бывало у него по пьянке), да и говорить пытался на цивилизованном языке, без мата. Благотворное влияние Регины уже начинало сказываться.

Хотя окончательно изменить Шурупа было невозможно, новая среда, новые знакомые положительно подействовали на него, чего и добивался Сакманов.

Сунгат, от всей души благодарный Мише-Мисхату за то, что свёл его с девушками из «высшего света», намертво прикипел к Регине.

Что касается девушки, то сказать, что Шуруп нравился ей по всем статьям, было бы не совсем верно. Её многое не устраивало – образование десять классов, пробелы в воспитании, обусловленные его сиротским детством. Не нравились его бесцеремонность, неумение и нежелание считаться с мнением других.

Короче говоря, Регина хотя и не осталась равнодушной к атлетически сложенному парню с крутыми бицепсами, но без ума от него вовсе не была. Шуруп не выкладывал ей всей правды насчёт своего прошлого, но девушка быстро обо всём догадалась. В отсутствие Шурупа она, случалось, говорила подругам: «Сейчас мой бандит должен прийти». Она недолго давала отпор домогательствам со стороны напористого уха-жёра, впрочем, сыграло свою роль и обыкновенное любопытство.

Даже испытав близость с Шурупом, Регина не нашла в

этом особого удовольствия. Его чисто животное стремление получить удовольствие самому, не слишком заботясь о ней, было неприятно девушке, которую дома растили в неге и холе. Но что поделаешь? Человеку ведь нужен кто-то, кто бы жил рядом. Бог создал человека не для того, чтобы он жил один.

Были у Сунгата и явные достоинства – он никогда не скупился на деньги, не мелочился. С ним можно было без страха пойти куда угодно и в какое угодно время. А что простой плотник – так это тоже неплохо. Если они поженятся, рассчитывала Регина, то она сделает так, что он станет плясать под её дудку. Только хомут на парня одевать нужно потихоньку, не торопясь. «А то уж больно горяч и норовист, прямо настоящий мустанг», – думала она с усмешкой.

В общем, молодые люди поладили, успели привыкнуть друг к другу. Парень стал уже заговаривать о свадьбе. Девушка воспринимала его намерения вполне благосклонно. Всё бы хорошо, только в один прекрасный день произошло непредвиденное событие, чуть было не разрушившее их отношения.

В один из летних вечеров Шуруп дожидался Регину в комнате Альфии. Он уже чувствовал себя здесь как дома – сидел в раскованной позе, положив ногу на ногу. Обычно они встречались у Альфии, а затем садились в его зелёный «жигулёнок» и уезжали.

Альфия на кухне готовила чай. В это время в комнату во-

шла стройная черноволосая девушка с огромными серо-зелёными глазами. На ней было однотонное короткое платье синего цвета, которое подчёркивало тонкую талию и открывало точёные ноги.

Кроме совершенной физической красоты, в ней было неуловимое, не поддающееся описанию очарование, которое притягивало взгляд, как магнитом. Шуруп, увидев её, ошеломлённо раскрыл рот. Прожив на свете двадцать семь лет, ничего подобного он не встречал.

Девушка держалась уверенно, чувствовалось, что она не раз бывала здесь раньше. Она спокойно поздоровалась с ним:

– Добрый вечер! – От улыбки на её божественно безупречном, как у рафаэлевской мадонны, лице появились крохотные ямочки, увидев которые, Шуруп чуть не сошёл с ума.

Чувствуя, как бешено заколотилось сердце, он попытался выдать в ответ какое-нибудь приветствие, но язык не повиновался.

– Вы Регину ждёте? Я уже в курсе. Очень рада за неё.

Шурупу вдруг отчаянно захотелось сказать: «Может быть, я именно вас жду, а с Региной у нас – это просто так, по принципу «на безрыбье и рак рыба». Но так и не смог выдать из себя ни слова. Лишь спустя некоторое время понял, что нужно назвать своё имя. Девушка в ответ легонько согнула колени, делая книксен, как принято у танцовщиц.

– Зульфия, – представилась она. Взяв с полки какие-то

учебники, положила в сумку и со словами «Всего доброго, желаю удачи!» вышла, оставив за собой тонкий аромат духов и одуревшего от избытка чувств Шурупа.

Зульфия не знала, что в этот миг к числу несчастных, испытывавших к ней неразделённую любовь, добавился ещё один Маджнун. Даже достигнув того, к чему так стремился, – засыпать, положив голову на мягкую, пышную грудь Регины, – Шуруп никак не мог выбросить Зульфию из головы. Она грезилась ему во сне и наяву. И зачем только он её повстречал? Жил бы себе на свете, не зная о её существовании, и был бы вполне доволен и счастлив тем, что имел.

А теперь Регина, от которой он прежде был без ума, уже не казалась ему такой привлекательной: её высокая полная грудь никак не вязалась с не в меру тонкими ногами. Даже целуя Регину, Шуруп закрывал глаза, воображая, что сжимает в объятиях Зульфию и ощущает вкус её нежных губ.

– Что это ты молчишь? – внезапно спросила Регина низким прокуренным голосом.

Словно ребёнок, застигнутый на месте преступления, Шуруп отвёл глаза и растерянно пожал плечами. Что он мог ответить? Что собака не может думать ни о чём другом, как о мозговой косточке?

– Что-то взгрустнулось. – Тут на ум ему пришла спасительная версия: – Бабушку вдруг вспомнил.

Регина недобро усмехнулась. От отца она унаследовала наблюдательность и проницательность. Она давно уже под-

мечала некоторое охлаждение в их отношениях. И причина ей была хорошо известна: Шуруп положил глаз на Зульфию. Регина от Альфии знала, что Зульфия в её отсутствие заходила в комнату. Она в сердцах чуть было не сказала: «Не больно-то губы раскатывай – всё равно она тебе не достанется. Для тебя и я-то – чересчур лакомый кусочек».

Регине стало жалко себя, и она не сдержалась:

– Уж не мечтаешь ли ты о Зульфие? Ну давай, волочись за ней, пока у тебя горб не вырастет, как у Квазимодо. Даже если луну с неба достанешь, она на тебя не взглянет. И от меня тоже катись подальше!..

Шурупу с большим трудом удалось разрушить стену, вставшую между ними. Он и извинялся, и клялся всеми святыми. Регина долго не могла оттаять. Но время шло – Зульфия стала жить с Сайтом. Всякая новость – палка о двух концах. Для кого-то несчастье, а кому-то в радость.

– Слыхал, Зульфия-то втихаря замуж вышла. Давно уже, говорят.

– Правда? А за кого?

– Уж не за тебя, как видишь.

Шуруп не выдержал, повторил вопрос:

– И кого же она выбрала в спутники жизни?

– Какого-то солидного мужика, Сайтом зовут. Говорят, главарь мафии.

У Шурупа перехватило дыхание, его бросило в жар. Его хрустальная мечта разбилась вдребезги. Теперь не то чтобы

переспать с Зульфией, – нельзя было и подумать о том, чтобы просто увидеться с ней или поцеловаться. «Смотри-ка ты, Пахан какую классную девочку к рукам прибрал. Он, конечно, не гнил заживо в тюрьме, отсидывая срок! Он в это время свой капитал наживал. Тут всё решают богатство, деньги. Девчонки при виде чёрной «Волги» теряют голову и готовы ехать куда угодно...»

Шуруп, не допуская и мысли о том, что Зульфия вышла замуж по любви, испытывал искреннее чувство жалости по отношению к ней. Как-то раз ему в голову вдруг пришла мысль: нужно с ней увидеться и поговорить. Уж если согласилась спать с мужчиной намного старше себя («вышла замуж» – это, наверное, фантазия Регины), то, возможно, не отвергнет и Шурупа. С Зульфией он готов был идти пешком хоть на край света, быть всю жизнь её рабом, сторожевой собакой у её ног. Естественно, после того, как получит доступ к её телу...

Пока Шуруп витал в мире сладких грёз, ноги сами принесли его к институту культуры. В душу закралось опасение: «А вдруг вместо Зульфии выйдет Регина. Ей лапшу на уши не навешаешь – мол, тебя встречаю, – ментовская дочка насквозь видит. Даже сходя с ума по пахановской девушке, Шуруп и мысли не допускал о разрыве с Региной. Как говорится: «Синица в руках...»

Он знал, что с Зульфией ему будет встретиться нелегко. Расписание смотреть он не стал – во-первых, ничего не пой-

мёт, а во-вторых, он сам боялся своей дерзости.

Всё же он встретил Зульфию – только не возле института, а когда она выходила из общежития.

Шуруп узнал её издалека – девушка словно с картинки сошла, даже захочешь – не сможешь сыскать в ней ни одного изъяна. Ну просто райская гурия! Откуда такие, чёрт возьми, берутся? Одна походка чего стоит – голову держит гордо, как королева, спина прямая, а гибкий стан колеблется, как у индийских танцовщиц. Вот так стоял бы и смотрел целую вечность... Но нетерпеливое желание обладать девушкой взяло верх над романтическими чувствами.

– Здравствуй, Зульфия, – выпалил он, догнав девушку.

Девушка чуть повернула голову на звук его голоса, но, по-видимому, не узнала его. Она боялась поднимать глаза на прохожих мужчин – они почему-то все на что-то надеются. А этот наглец откуда-то знает её имя. Может быть, просто назвал наугад и попал в точку?

– Здравствуйте, – ответила она, не замедляя шага.

– Вы меня, кажется, не узнаете? Я...

Парень хотел было назвать своё имя, но в последний миг прикусил язык. «Я – Сунгат, парень Регины, но люблю только тебя!» – так, что ли, сказать? Тут, как в шахматах, нельзя путать ферзя со слоном, а то сшибут с доски.

– Я... хотел попросить разрешения проводить вас.

Девушка, похоже, немало слышала банальностей подобного рода. Она, не задумываясь, отрезала:

– Спасибо, но меня есть кому провожать.

– А если встретимся в другой раз?

Зульфия бросила рассерженный взгляд в сторону навязчивого донжуана – Шурупа будто пронзили две зелёные молнии.

– Видите вон ту чёрную машину?

– Вижу, – сказал Шуруп, ещё ничего не понимая.

– В этой машине мой муж. Хотите, познакомлю?

Шурупа точно ветром сдуло – только пятки засверкали. Он ещё помнил тяжёлый пахановский кулак. Остановился, чтобы выmaterиться, облегчить душу, но только и сумел крикнуть он вслед Зульфие: «Ты ещё пожалеешь!»

Шуруп, отвергнутый девушкой, был переполнен жадой мести, но, как говорится, не желай зла другому... Именно с этой встречи пошёл отсчёт всем его несчастьям...

15

Не успели молодожёны забыть деревенскую «свадьбу», как в гости к ним пожаловала Рамзия-ханум, мать Зульфийи. Не выдержало материнское сердце – она решила всё-таки взглянуть на зятя, выяснить отношения, а Зульфию... Как быть с дочерью, она ещё не решила. Вот как произошла встреча.

Саит с Зульфией вышли из машины и, взявшись за руки, весело что-то обсуждая, поднимались на третий этаж. У две-

ри их квартиры прогуливалась взад-вперёд женщина средних лет. В её руках была та самая знакомая Сайту дорожная «тигровая» сумка, которую он видел у Зульфии в день их первой встречи.

Зульфия с радостным криком бросилась матери на шею. «Мама, мамочка, как здорово, что ты приехала!»

Пока открывали дверь, раздевались в прихожей, Саит успел подумать: «Раз уж приехала, то одно из двух – либо мириться, либо забирать дочь домой». Рамзия-ханум сняла пальто, пуховый платок, и Саит сразу увидел – мать и дочь очень похожи между собой. Только у Рамзии-ханум фигура полнее и походка плавная, степенная, а не летящая, как у Зульфии.

– Ну давайте, присядем, помолимся для начала. – Молодые сели, поднеся сложенные лодочкой ладони к лицу. После молитвы свекровь Санта, напустив на себя несвойственную ей суровость, неприязненно-резким тоном обратилась к хозяину дома:

– Как вас прикажете называть? – спросила она, не глядя на него.

– Мама, моего мужа зовут Саит, – попыталась сгладить напряжённость Зульфия.

– Молчи, тебя пока не спрашивают.

– Имя моё Зульфия уже назвала – Саит, а фамилия Сакманов. Мы, Рамзия-ханум, любим друг друга, хотим всегда быть вместе. В загсе мы расписались, а в вашей деревне мул-

ла прочитал нам никах – так что, несмотря на то, что не удалось с вами познакомиться, законов шариата мы не нарушили.

– Это правильно, что вы называли меня «ханум», хотя у нас в деревне так никто не говорит. Я уж боялась, как бы вы меня не назвали «апа». А ведь мы с вами, наверное, одногодки?

– Нет, мама, Сайт тебя на два года младше. Тебе сорок пять, а ему сорок три. Но зато вы в одном месяце родились. Вы у меня оба свирепые львы, – засмеялась Зульфия, не принимая всерьёз прокурорского тона матери.

А Рамзия-ханум, настроенная весьма непреклонно и решительно, продолжала:

– У вас наверняка есть дети, которые моей Зульфие приходится ровесниками. Алименты, небось, платите? Или, может, скрываетесь от жены? Бесстыжий, говорят, никогда не покраснеет, даже если его поджарят в преисподней на сковороде.

Зульфия, несколько удивлённая непривычной воинственностью и жесткостью матери, которую всегда привыкла видеть миролюбивой, покладистой и уступчивой, и в этот раз ответила за мужа:

– Мама, дочери Санта восемнадцать лет. Она живёт в Уфе с матерью и отчимом. Учится на втором курсе. У неё есть своя квартира, мы ей помогаем, и дальше будем поддерживать, так ведь, Сайт?

– Стыдно людям на глаза показаться, – закрыла лицо ру-

ками Рамзия-ханум. Распалаясь всё больше и больше, она перешла на крик: – Моя дочь чуть постарше вашей. Вам разве не зазорно было девочку в жёны брать? В вашем-то возрасте?

Сайт, которого годы научили сохранять самообладание в любой ситуации, нашёл силы выдать из себя шутку:

– Подлецу, говорят, всё к лицу.

Рамзия-ханум с зятя переключилась на дочь:

– А ты, кызым³, оказалась плохой, неблагодарной дочерью! Не спросить благословения у родителей, которые тебя вырастили, выкормили! Не ожидала я от тебя такого.

Теперь пришёл черёд Зульфийи закрыть лицо руками. Из-под тонких, длинных пальцев по щекам заструились ручейки слёз.

Тут терпение у Сайта лопнуло, как перезревшая тыква. Ему претили средневековые замашки родителей, не считающихся с выбором собственной дочери и не пожелавших даже взглянуть на зятя, но он сдерживался, пока колкости были направлены в его адрес. Теперь же Рамзия-ханум, учительница по профессии, несправедливо обижала дочь, которая и так близко к сердцу принимала разлад с родителями. Сайт решил вмешаться.

– Как вы можете незаслуженно обижать собственную дочь, мою любимую жену? Если будете продолжать в таком тоне, то попрошу вас освободить квартиру. Вы не захотели

³ *Кызым* — доченька.

нас видеть в своём доме – у меня тоже есть право указать вам на дверь.

Зульфия плакала не только от обиды, но и от стыда за мать – как могла она, представительница сельской интеллигенции, опуститься до уровня базарной бабы! Лицо её залилось краской, губы дрожали, как осенние листочки на ветру. «Что стало с мамой? Она никогда такой не была! Это всё отец – настроил её против Сайта, настропалил и отправил сюда скандалить». Что делать? Два самых дорогих ей человека не могли поладить между собой. Только она, Зульфия, встав между ними, должна найти способ усмирить своих «свирепых львов».

– Мама, хватит тебе! Сайт, ты тоже не горячись!

Но Рамзия-ханум уже настолько вошла в роль, что не могла остановиться.

– Дочка, одевайся. Отец велел тебя домой привезти. – Потом повернулась к Сайту: – Я тебе вот что скажу, зятёк. Не знаю, как у вас, а у нас в деревне принято сначала сватов засылать, с родителями познакомиться, их благословения спросить. Это тебе не колхозное добро, которое каждый, кто захочет, может к рукам прибрать. Это наша единственная дочь!..

В комнате воцарилась мёртвая тишина, как перед бурей. Казалось, что должна была разорваться бомба с часовым механизмом, и все обречённо ждали, считая мгновения до взрыва.

Первой пришла в себя Зульфия. Она, обняв мужа за плечи, проводила его в другую комнату: «Иди, дорогой, посмотри пока газеты. Видишь, мама с дороги – она устала, разнервничалась, к тому же, говорят, у нас в шеморданском поезде очень сильная радиация».

Неизвестно, какими методами проводила воспитательную работу дочь педагога, но результат не заставил себя долго ждать. Примерно через полчаса женщины позвали Сайта на чай.

Мать Зульфийи, посетовав для начала на загазованный городской воздух, на то, что опять подняли цены на билеты и что хлеб, который она купила на вокзале, оказался непропечённый, стала извиняться перед Сайтом за своё поведение.

– Уж такой у меня характер: если разойдусь, никак не могу остановиться. Вы уж на меня не сердитесь. Живите в радости и любви, да ниспошлёт вам Аллах благополучие. Что я могу поделать, раз дочь твердит: «Мне, кроме Санта, никто не нужен».

– Я очень рад, что мы с вами нашли общий язык. Вот только с Исхаком-абзый никак не можем договориться. Ну ничего, когда родится внучек, никуда не денется дедушка, прибежит как миленький, – пошутил Сайт. Тёща ничего не возразила в ответ. Дуя на чашку с чаем, она сделала вид, что не слышала слов зятя – Рамзия-ханум, кажется, сошла с «тропы войны».

– Давай, мамочка, ещё одну выпей. С мёдом, с урюком. Я

уже наливаю, – потчевала мать Зульфия...

Рамзие-ханум, похоже, понравился тёплый приём – в гостях у дочери и зятя она провела целых три дня. Мать и дочь о многом успели за это время переговорить.

Если бы Зульфию спросили: «Как же ты вышла замуж за человека на двадцать один год старше себя, у которого взрослая дочь?», то она бы и сама не смогла объяснить. Действительно, хотя Саит и выглядел моложе своих лет, но возраст давал о себе знать сединой на висках, морщинками – мелкими на шее и возле глаз и глубокими – на лбу.

– Что будет через десять лет? – спросила мать.

– Через десять лет ему будет пятьдесят три, а мне тридцать два, – весело ответила Зульфия.

– А через двадцать?

– Зачем загадывать так далеко вперёд, мама? Ну, мне будет сорок два, а ему шестьдесят три... В этом возрасте мужчины при хорошем уходе знаешь какие орлы? Он ещё вполне может бросить свою жену, которая уже станет не первой свежести, и жениться на молоденькой! – Потом добавила, уже серьёзно: – Мама, пойми, я его люблю!

– Ну, хорошо, шут с ним, с возрастом, – продолжала высказывать опасения мать. – Отец твой тоже на восемь лет меня старше. Но ведь про твоего Санта говорят, что он главарь казанской мафии. Боюсь я за тебя, дочка!

Оказалось, что Лилия из пединститута, которая привезла родителям весть о свадьбе дочери, разнесла по деревне са-

мые невероятные слухи – мол, этот головорез ходит с двумя пистолетами, в каждом кармане по одному, ездит по Казани не иначе как в танке, с кучей телохранителей, и тому подобную ерунду.

– Мама, не слушай эту сплетницу. Она от зависти языком мелет. Да стоит Сайту только подмигнуть – и она тотчас же побежит за ним на задних лапах хоть на край света! А слово «мафия», если хочешь знать, сейчас даже приобрело одобрительный оттенок. Людей инициативных, предприимчивых, умеющих зарабатывать, нашедших своё место в жизни, из зависти называют «мафией». А Сайт мне документы показывал. Он директор совместного предприятия с ограниченной ответственностью, которое выпускает мебель. Так и объясняй всем, кто будет спрашивать.

Закадычная подруга Зульфий, Альфия, высказала полный «одобрямс» по поводу того, что девушка не стала блюсти условности, лицемерить, скрывая от других отношения с Сайтом, а открыто переехала к нему жить.

– Всё время думать о том, что скажут люди – это так типично для татарских женщин. Закомплексованность не даёт им в полной мере раскрыть свои чувства. Это ложная нравственность, – решительно заявила Альфия. – Вон Наташа из Ижевска – для неё переспать с мужчиной всё равно, что есть, пить или сходить в туалет. Она на всё смотрит просто, потому, наверное, всегда в хорошем настроении. Даже двойку получит – и то не расстраивается. Куда они денутся, говорит,

всё равно со второго или третьего захода тройку поставят. В общем, ты, подруга, молодец. Мне и самой нравятся мужчины постарше.

– Видишь ли, женщины созревают раньше мужчин не только телесно, но и умственно. Поэтому ровесники чаще всего кажутся просто придурками. С ними неинтересно. Своего мнения у них нет, повторяют то, что услышат, да ладно ещё если от себя мата не добавят. С теми, кто постарше, всё по-другому. Если что-то скажут, то это звучит веско и значительно, если что-то делают, то продуманно и толково. В конце концов, тот, кто повидал жизнь, глядишь, и укроет тебя одеялом, если оно сползло во сне. А чего ждать от ровесников? Он это одеяло с тебя стянет и сам укроется.

– Альфия, а ты не рассказывала Мисхату о своих прежних романах?

Для Зульфийи было очень важно узнать, что думает подруга по этому поводу – может быть, она была недостаточно откровенной с мужем?

– Мисхат пробовал было закинуть удочку: мол, спала ли я раньше с кем-нибудь? Как будто я должна была всю жизнь сидеть и ждать этого обормота!

– Ну а ты?

– А я ему вместо ответа рассказала одну байку. «Один парень надумал жениться и спрашивает у соседского деда: «Ба-бай, твоя жена была девушкой, когда ты её в жёны взял?» – «Чего не знаю, сынок, того не знаю – я её привёз из сосед-

ней деревни». Вот и я так сделаю, что мой Мисхат ничего не узнает.

– Ну ты даёшь, Альфиюшка! Что же ты его так мучаешь?

– В каком смысле?

– Ну, почему до себя не допускаешь?

Альфия, сверкнув живыми, как ртуть, глазами, весело рассмеялась:

– Ничего, успеет ещё, когда женится. А то вдруг до него дойдёт, что можно кататься на санках, а возить их необязательно. Я, подруга, решила выйти за него замуж. Он ещё, правда, об этом не знает...

Разговор с подругой придал Зульфие силы и уверенности в себе, помог побороть ненужные сомнения. Нет, никого на свете она не сможет полюбить так, как своего Санта!

16

После неудачной встречи с Зульфией Шуруп счёл нужным форсировать ход событий.

– Давай поженимся, Регина, – спокойно предложил он. – У меня на свете никого нет ближе тебя. Стань моей бабушкой, матерью, сестрой и любимой женой в одном лице!

После этого разговора Регина, решив познакомить Шурупа с родителями, пригласила его домой. Отец её и в самом деле оказался полковником милиции. На вид подтянутый и загорелый круглолицый мужчина где-то под пятьдесят. Вид-

но было, что на первом месте для него работа.

Джаудат Габдуллович, кроме службы в милиции, ничего другого в жизни не знал и не хотел знать. Это был человек, до конца преданный своему делу, мент в хорошем и высоком смысле слова. У него не было «мохнатой лапы», которая бы подталкивала его вверх по служебной лестнице, он привык полагаться только на свои силы и всего в жизни добился сам.

В сельских районах, где пришлось ему работать в начале своей карьеры, он выкладывался на работе как мог. Жена жила одной мечтой – скорее переехать в Казань. А чтобы перебраться в столицу, было только два пути: угождать начальству всех рангов и не оставлять за собой чёрных пятен. Джаудат Габдуллович не отличал день от ночи, дома бывал очень мало. Помогало ему в работе и природное здоровье. Его заметили, перевели в Казань. Несколько лет прошло относительно спокойно. Но времена меняются. За несколько лет до пенсии Джаудат Габдуллович почувствовал, как трудно стало работать: мафия и организованная преступность всё прибрали к рукам, хозяевами жизни стали спекулянты и дельцы, которых теперь уважительно величали «бизнесменами». Уже пора было подумать, чтобы тихо-мирно уйти на «заслуженный отдых», но вышло всё не так, как того хотел Джаудат Габдуллович. Его назначили начальником особого подразделения по борьбе с экономической преступностью. Джаудат Габдуллович засучил рукава и с головой ушёл в работу. Его подразделение сумело раскрыть множество преступле-

ний, вывести на чистую воду ряд матёрых воров.

Вскоре он понял, что попал в туннель, просвета в котором не видно. Борьба с мафией оказалась не так-то легко: какую бы операцию он ни начинал, заручившись официальным разрешением от высоких инстанций, преступникам заранее становились известны день и час. В расставленные сети попадалась только мелкая рыбёшка, а «крёстных отцов» за жабры взять никак не удавалось – как налимы, ускользали из рук.

Когда в Альметьевске объявилась банда Абсалямова, туда как опытного специалиста направили полковника Джаудата Насырова. Правоохранительные органы и номенклатура в городе перемешались, срослись с местной мафией. Пришлось отказаться от услуг местной милиции. Приехав из Казани, Насыров с помощниками начали тщательное, бескомпромиссное расследование, но мало чего удалось добиться. Кто-то успел вовремя предупредить всех организаторов банды, и они, собрав всё своё имущество, включая любовниц, успели сбежать в направлении Санкт-Петербурга. Оттуда пришла весть, что дальше главари банды разбежались кто куда – кто в Анталию, кто на Гаваи. Выловить удалось только мелких сошек...

Вот и сегодня Джаудат Габдуллович вернулся домой без настроения. После встречи с заместителем министра Ленаром Альмиевым, которую трудно было назвать тёплой, он окончательно потерял веру в торжество справедливости.

Ему жить расхотелось после этого разговора.

К приёму у замминистра Насыров готовился заранее, собрал необходимые бумаги, подготовив документально подтверждённые факты. Не тратя время на разговоры о жите-бытье, сразу поставил вопрос ребром:

– Вношу предложение возбудить дело против известных мне преступных группировок.

– По легче, не гони лошадей! Если думаешь, что я против, то сильно ошибаешься. Мы должны выполнять указ президента. А кого конкретно ты имеешь в виду? – спросил хозяин кабинета.

– Сейчас перечислю. Сакманов, Башорин, Вагапов – думаю, что пришло время начать борьбу с этими тремя китами.

– Уж больно устаревшие слова ты выбираешь, дружище. От них веет нафталином коммунистической эпохи – начать борьбу, искоренить! Да ты глянь – двадцатый век на дворе! Время мыслить по-новому. Сколько умных голов, цвет нации вырубил на корню в двадцатые-тридцатые годы, сколько потеряли за последнюю войну! А ты предлагаешь снова встать на путь большевистского террора. Забываешь, что оружие есть не только у тебя, но и у них. Сегодняшнюю преступность можно победить только умом, головой, Джаудат Габдуллович!

– Так что же делать – сидеть сложа руки? Дайте какой-нибудь совет. Мой старый котелок уже не варит.

Замминистра, встав со своего мягкого кресла, неторопли-

во прошёлся по кабинету, приглаживая редкие шелковистые волосы на макушке.

– Молодец, правильный вопрос задал. Во-первых, их нужно приблизить к нам и заставить работать на пользу республики и народу, который мы с тобой так любим. Пусть возьят сюда разное добро со всех концов России, со всего мира. Этих товарищей силой не возьмёшь, нужно хитростью склонить их на свою сторону. Во-вторых, нельзя упускать из виду и другой возможности: восстановить их против друг друга и организовать междоусобную войну. – Найдя удачное слово, замминистра довольно улыбнулся. – Пускай сами перебьют друг друга, – закончил он свой монолог. Выдержав паузу, добавил: – В-третьих, не надо умалять результатов своей работы – это всё равно что лить воду на мельницу врага. Надо почитать прессу, дорогой мой. Вот, например, недавно справедливо отмечали, что управление по борьбе с организованной преступностью сэкономило государству семь миллиардов рублей. Привлечены к ответственности организаторы сорока семи группировок, державших в страхе Казань, Альметьевск и Нижнекамск. Сколько изъято оружия и наркотиков... В конце концов, мы не зря едим народный хлеб. И не будем приbedняться, дорогой.

Джаудат Габдуллович понял, что разговор, который он пытался затеять, не получился, утонул в потоке слов.

– Я с вами полностью согласен. Действительно, мы не сидим сложа руки. Но нельзя не видеть того, что мафия меняет

свои повадки, как змея – свою кожу. В Горбачёвскую эпоху мафиози дрались друг с другом, делили между собой улицы, кварталы, машины и женщин. Да это были, собственно говоря, и не мафиози, а так – мелкие щепки, пена, которая плавает сверху. Нынешние же главари мафии – опытные асы, прошедшие огонь, воду и порой места заключения, со связями в правоохранительных органах, свои люди в государственных структурах. Попробуй таких взять голыми руками!

Джаудат Габдуллоевич сел на своего любимого конька. Он ещё долго мог бы говорить, но замминистра поднял руку, останавливая его. Не слишком ли глубоко копает этот товарищ? И вообще, когда яйца начинают учить курицу, к чему это приводит?

– Именно так. В посреднические фирмы, которые ты называешь мафиозными, пришли опытные, умные люди. Это факт. С ними нужно вести работу в индивидуальном порядке, это будет намного эффективнее. – Подняв кверху указательный палец, привыкший давать ценные указания, продолжил: – Допустим, по твоему совету пойдём в бой с оружием наперевес, как в 1917 году. Учитывая тот факт, что мафиозные киллеры стреляют куда лучше нас, за счёт огромных потерь, допустим, возьмём мы этих китов и посадим в тюрьму. Ну отсидят они месяц, ну сорок дней... А потом что?

– Прокуратура, суд вынесут приговор, дадут срок.

– Приговора не будет, их просто выпустят. Забыл гениальную формулировку «из-за отсутствия достаточных улик»?

– Как же, знаю, – упавшим голосом проговорил полковник, жалея о том, что зашёл в этот кабинет. Похоже, Альмиев его отсюда выпустит не скоро.

– Возьмём людей, фамилии которых ты перечислил.

– Я назвал лишь тех, кто бессовестным образом грабит нашу страну, способствует расслоению населения на «новых русских» и «новых нищих»...

– Постой-ка. В тёмном царстве сумей разглядеть и луч света. К примеру, взять Нургали Бургановича Вагапова. Крупная личность, талантливый, умнейший человек. Сколько средств он вложил в строительство Булгарской мечети, отремонтировал за свой счёт дом престарелых. – Замминистра говорил, не считая нужным скрывать своего положительного отношения к Вагапову.

«Ишь ты, – подумал Насыров, – нахваливает, точно сваха невесту, которую срочно надо сплавить замуж...»

– Они сбывают за пределы республики наши машины, безнаказанно грабят «Оргсинтез» – прикажете смотреть на это сквозь пальцы?

Альмиев в этот момент его не слышал. Он, казалось, вспомнив о чём-то хорошем и радостном, витал где-то в прошлом.

Джаудат Габдуллович повторил вопрос, заданный в начале встречи. Только тогда хозяин кабинета спустился на землю, точнее, на ковёр:

– Что вы сказали? Извините.

– Нельзя ли, говорю, потрясти этих самых боссов?

Ответ получился совсем не тот, на который он надеялся:

– Не отдаляешься ли ты от народа, не теряешь ли жизненные ориентиры? Давно прошли времена Саламторханов и Дон Кихотов друг мой. Разве стоит без нужды брать в руки камчу? Короче говоря, на твоём месте я бы ценные советы оставил при себе.

При этих словах узкие от природы глаза замминистра ещё больше прищурились, на губах заиграла недобрая усмешка:

– Пусть душа твоя болит за народ, за то, чтобы людям лучше жилось! А ты в каждом видишь крамолу, в каждом пытаешься раскопать вора!

– Для меня самое важное в жизни – справедливость, – возразил Джаудат Габдуллович. – За это буду бороться до конца.

– «И как один умрём в борьбе за это...» – иронически пропел Альмиев. – Пора уже глубже плавать, товарищ полковник. Ладно, что касается тех трёх китов. Насчёт того же самого Вагапова, в руководстве республики зреет мнение официально назначить его руководителем одного крупного производственного объединения. Народ его любит и уважает. – Взглянув на пять-шесть телефонных аппаратов, выстроившихся на маленьком столике, замминистра понизил голос: – Говорят, что силён мужик во всех отношениях. Любовница у него – писаная красавица, и жену при этом не обижает. С одной в Сочи ездит отдыхать, а с другой в Карловы Вары. Нам всем ещё нужно у него поучиться, как жить!

Очень довольный собой, Альмиев от души рассмеялся, прикрыв рот ладонью, потом смачно сплюнул в урну, стоящую возле его ног. Сознание того, что он держал нить разговора в своих руках, чувство собственного превосходства приносили ему наслаждение.

– Кого ты ещё называл? Да, вспомнил – Башорин. Иван Пантелеймонович отремонтировал и поставил на рельсы не одну сотню вагонов, причём бесплатно.

– За счёт хищения грузов с товарных вагонов.

– А ты поймал его за руку? Можешь доказать свои слова? Молчишь, потому что крыть нечем... Ну вот, дошли до Санта Сакманова. Если не ошибаюсь, а память меня подводит редко, то Сакманов в конце восьмидесятых был удостоен звания лучшего участкового милиционера.

– Да, он работал неплохо. Его планировали перевести в БХСС. Если бы не случилось это ЧП...

Хозяин кабинета поинтересовался:

– На чём же погорел наш Сакманов?

– В канализационном колодце наткнулся на труп новорождённого младенца. Нашёл его мать. Оказалась медсестрой в центральной республиканской больнице. Видимо, нашёлся у неё заступник. Сверху спускают приказ: расследование прекратить, дело закрыть, женщину оставить в покое... Сакманов никого не слушает, в поисках правды доходит до министра. Начинается кампания против него самого. Придравшись к тому, что скрыл свой развод с женой, его уволь-

няют из органов.

– Любим мы поиграть с судьбой человека, – проговорил Альмиев, придав голосу горестный оттенок. – Не хватает нам умения работать с кадрами. Тот абзый, который парню биографию испортил, давно уже сам на пенсии.

«Смотри-ка, до чего хитёр и лицемерен», – подумал Насыров. Ведь поставить точку в деле Сакманова поручили именно Альмиеву. Именно с его предложения и разрешения опального участкового препроводили в сферу народного хозяйства.

– Всё равно Сакманов наш коллега, – продолжил свою речь Альмиев. – Ты лично, Джаудат Габдуллович, имеешь что-то против него? Может, он у тебя какую-нибудь красоту отбил? С него станет, он мужчина видный.

– Личных обид нет. С женщинами связываться у меня не хватает ни времени, ни желания. Со своей-то женой редко вижу, – резко ответил полковник.

«Эх, зря я упустил Сакманова, когда накрыл с КамАЗами. Ведь можно было ему тогда хребет сломать. Тут я, конечно, мягкотелость проявил, – пожалел Насыров. – Но что теперь локти кусать!»

– Ну ладно, хватит колючки выставлять. При нашей напряжённой работе, если иногда не побалагурить, то с ума сойти можно.

Джаудат Габдуллович обратил внимание на слово «напряжённая»: он сидел в этом кабинете уже два часа, но ни разу

не зазвонил телефон, ни один посетитель не зашёл в кабинет, ни разу никто не вызывал хозяина кабинета. Невольно подумалось: есть, оказывается, уютные и спокойные местечки в бывшей Стране Советов. Тут Насыров вспомнил: его собеседник в своё время мечтал занять кресло министра, но не вышло – назначили человека помоложе. А его, по донесению сарафанного радио, перевели сюда на тихую и спокойную работу. Вот в чём разгадка – Альмиеву просто не хочется ни с кем ссориться и наживать себе врагов.

– Сакманов – человек умный и энергичный. Помогал в обеспечении республики сахаром, мебелью. Установил связи с деловыми кругами Украины, Прибалтики, – продолжал хозяин кабинета. – Мы его в прошлом году зацепили на махинациях с машинами, но ему удалось выскользнуть. Я ознакомился с материалами дела. На документах, оформляющих куплю и продажу, не было его подписи – ни на одной бумажке.

– Он что, дурак, чтобы следы оставлять. У него, чувствуется, умные соратники. Возможно, даже среди наших людей.

– Я уже с давних пор понял одну вещь, Джаудат Габ дул ловил. Мы все продолжаем мыслить по-старому, а нам давно уже пора перестроиться! Надо брать пример с тех, кого вы назвали – они живут себе припеваючи, богатеют...

– И за счёт чего, как вы считаете? У каждого по несколько машин, денег несметное количество...

– Скажи спасибо, что они ещё в политику не лезут, на де-

путатство не претендуют. А ведь в принципе могли бы куда угодно пролезть. Мафия на определённой стадии начинает активно вмешиваться в экономику и политику. Хватит с нас одного Сергея Батурина...

Хозяин кабинета, давая понять, что аудиенция закончилась, протянул полковнику большую, полную руку и поднял телефонную трубку. Дескать, работа напряжённая – позвонить надо.

После тяжёлого и, по мнению Насырова, бесполезного разговора он вернулся домой в надежде развеяться, отдохнуть. Но перешагнув родной порог, он застал субъекта, мнение о котором Джаудат Габдуллович составил с первого взгляда. Оказалось, дочь привела его с серьёзными намерениями.

– Папа, познакомься. Это Сунгат. С мамой уже поговорили.

Парень руки не подал, только кивнул.

– Ну, и что?

– Мы с ним знакомы уже несколько месяцев. Любим друг друга, хотим пожениться.

Насырову хотелось отговориться – мол, настроения нет, давай, дочка, отложим до другого раза... Но из кухни появилась жена.

– Джаудат, будь по любезнее с молодыми. Ведь Регина у нас одна...

Можно подумать, что он в этом виноват. Когда жена, по-

дарив ему одну дочь, больше не смогла родить, что он только ни делал – сам возил её по лучшим врачам, по разным бабкам и знахаркам, но всё бесполезно. Дочка росла избалованной и своевольной – не послушавшись отца, поступила на это хореографическое отделение, которое, по мнению отца, не давало ни знаний, ни приличной профессии. Насыров давно уже чувствовал, что дочка начала покуривать и выпивать, не исключал и того, что уже завела себе любовника. Но шум поднимать ему не хотелось, это было бесполезно – всё равно мать была всегда на стороне дочери.

Парень, который пришёл к нему в дом просить руки его дочери, не понравился Джаудату Габдулловичу – не столько как отцу, а больше как милиционеру. Он напоминал тех праздношатающихся молодых людей, которые не знают, куда девать отпущенную им природой силу. Хорошо, если он ошибается.

Регина всё равно сделает по-своему. Эх, как же это он? Пытался установить закон и порядок, а свою дочь, кажется, упустил.

– Ну ладно, поговорим. Жениться и создать семью – это серьёзный шаг, раз и на всю жизнь. Думаю, и сами это понимаете.

– Папочка, хватит нас учить. Мы ещё в школе зубрили кодекс строителей коммунизма. Я его наизусть знаю, хоть среди ночи могу рассказать.

Насыров знал ершистый характер дочери, но её неумест-

ное кривляние перед серьёзным разговором начинало злить его. Чтобы успокоиться, он по привычке потёр левой рукой переносицу.

– Не расскажете ли о себе, молодой человек?

– Ты что, экзамен у него принимаешь? – не унималась дочь.

– Рос без родителей, с бабушкой. Образование десять классов. Вот Регина обещает, что отправит меня учиться. Я не возражаю.

Пропустив самую «интересную» часть биографии, парень продолжил:

– Работаю в совместном предприятии. Выполняем ремонтные работы. У меня несколько профессий: плотник, столяр, шофёр.

– Куда думаете жену привести?

Регина прыснула со смеху. Ну, прямо бесплатный цирк. Серьёзный настрой отца её очень забавлял.

– Снимаю однокомнатную квартиру. Там ещё можно будет два года жить. А там что-нибудь придумаем.

Мать Регины, которая накрывала на стол, уловила последние слова.

– Дочку никуда от себя не отпущу. Будете жить с нами. Внуков нянчить поможем...

Регина снова хихикнула. Ей вспомнился анекдот, который недавно рассказывали в институте.

«– Как поживает твоя мама, что делает? – спрашивает од-

на студентка у подруги.

– Да что в голову придёт...

– А отец?

– А он выполняет то, что придёт в голову матери...»

Девушка была права. В семье у милиционера полномочной хозяйкой всегда бывает жена. На работе Насыров может кому угодно сделать нагоняй, вклеить выговор, посадить в одиночную камеру. А дома он был тише воды, ниже травы. Чем ближе к пенсии, тем большую власть брала над ним жена.

Вообще отношения в подобного рода семьях, где муж работает на государственной службе или в органах безопасности, – разговор особый. Сколько светлых голов, хороших работников полетело с должности только из-за какого-нибудь клеветнического письма в партком или аналогичные организации. Разводиться для милиционера – тоже дело рискованное. Вон Саит Сакманов развёлся с женой. Два года не замечали, а потом, когда он и забыл, как выглядела его Рушания, вспомнили и использовали как повод, чтобы уволить.

Если же сотрудник милиции, забывшись, поднимет руку на жену, то может не только лишиться перспективы получить очередную звезду, но и вообще остаться без пенсии.

Но, слава богу, Джаудату Габдулловичу попалась жена умная, во всяком случае она понимала, в каких случаях не нужно вмешиваться в дела мужа.

– Ну, разбирайтесь сами, – сказал он, удаляясь в соседнюю

комнату.

Потом, когда позже выяснилось, что Шуруп не просто уголовник, а убийца, когда жизнь с Региной у них не сложилась, в конечном счёте виноватым оказался Джаудат.

– Ты должен был догадаться, кто он такой. Всю жизнь работаешь с бандитами, а кто твой зять, не раскусил. Ты тогда с ним как следует не поговорил, не захотел. Всё время только о своих делах думаешь, – ругала его жена. Что тут скажешь – жена милиционера всегда права.

Шуруп отнял у Насырова несколько лет жизни, заставил постареть раньше времени и досрочно отправил на пенсию.

17

За окном стоял один из промозглых дней. Погода нынче, что цены на базаре. Стоит надеть шубу, так дождь идёт посреди зимы откуда ни возьмись, только одежду попортишь. Ну, думаешь, наконец-то, лето наступило, надеваешь летнюю рубашку, так ветер начинает дуть с севера так, что в дрожь бросает.

В такие дни лучше сидеть в конторе и перебирать бумаги. К тому же к десяти часам напросился на встречу крупный авторитет Баталов. Причина визита пока Сайту не ясна.

Сколько людей разбогатело на полиэтилене, скольких поглотила тюрьма. Половину заводского подразделения милиции пересажали.

Нургали Вагапов, немало поимевший с этого, однако, вышел сухим из воды. Выстоял, можно сказать, в девятибалльный шторм. Впрочем, он и сам как ветер, может устроить настоящий цунами, да так, что только держись. А самого не то что взять, но и увидеть невозможно.

В былые времена Вагапов работал на одном из казанских заводов. Ни перед кем не лебезил, коммунистов со сцены не возносил, жил тихо, незаметно, потягивая вонючий цеховой воздух. Но каким-то шестым чувством уловил, что пришло, наконец, его время. Ушёл с работы, пристроился на состоянии из нескольких человек малом предприятии. Быстро сориентировался: где что лежит, кому что продать, кому сколько дать, кого и как умаслить. Быстро окреп Нургали. Даже сильные ветра не смогли бы задуть его свечу.

Ежели с умом распорядиться, государственного и народного добра на многих хватает. Взять хотя бы того же азербайджанца, что в Набережных Челнах всем на удивление завод по производству изделий из полиэтилена построил. Сырьё возит из Казани, а прибыль сплавляет на родину.

Зато Нургали Вагапов служит исключительно на благо своего народа. Как умеет, правда...

Говорят, спасает его сверхжадность, то, что умеет хорошо считать. Да и невозможно со всеми быть добрым. Он всё сам знает. А люди чего не наговорят.

Пока ждал Кита, в комнату ворвался Фердинанд. Как обычно, суетится, торопится, заикается.

– С недобрыми вестями я к вам, Сайт Яруллович, – сказал он, протягивая руку.

Фердинанд самый оригинальный в «Игелек». Его смолисточёрные волосы слегка подёрнуты сединой. Непростой характер сродни беспорядочно выросшим зубам. Природа, создавая его, словно намешала в казане совершенно несовместимые, взаимоисключающие компоненты. Сайт шутя сравнивал его с копчёной говядиной, нашпигованной свиным салом.

Голова его вечно забита бесплодными фантазиями. Мысли, что на уме, тотчас же на языке. Естественно, какие мысли, такие и дела.

Он с необыкновенным энтузиазмом принимается за какое-нибудь дело, но если жена или близкие люди постоянно его не погоняют, быстро остывает, забрасывает и с прежним рвением принимается за новое дело.

Несмотря на то что в жизни ему пришлось побывать в немалых переделках, по сути он труслив. Ему всегда нужно чувствовать за своей спиной поддержку таких сильных людей, как Сайт.

Когда Фердинанд вихрем ворвался в комнату, Сайт вспомнил один случай и улыбнулся уголками губ. Как-то вечером позвонил Фердинанд Сакманову домой:

– Плохи дела, Сайт Яруллович.

– Кто обижает?

– Повестка из милиции пришла.

– На какое число?

– На послезавтра на десять часов утра. Самого дома не было. Жена, дура, расписалась за повестку. Может, не ходить? Скажем, в командировку уехал.

– Это несерьёзно, Фердинанд. Если надо, милиция всё равно найдёт. Это как судьбе будет угодно, – сказал спокойным тоном Сайт. – Как ты думаешь, за что вызывают?

– Одному парню паспорт одолжил: он хотел сухое молоко закупить в каком-то колхозе под Бугульмой. А их, видать, за старые грешки замели. Может, поэтому вызывают?

– А почему ты кому ни попадя паспорт даёшь? Это для меня новость, – сердито выговорил ему Сакманов.

– Ошибочка вышла, Сайт Яруллович. Извините, больше не буду. Кроме вас, мне рассчитывать не на кого, – проговорил он угодливым тоном.

Надо было помочь. Поговорил с полковником Салихом Гаяровым. Пришлось хорошо подмаслить, чтобы дело далеко не зашло.

Сейчас, видимо, опять что-то стряслось. Конечно, нужно учитывать и то, что Фердинанду свойственно делать из мухи слона. Но дело может принять серьёзный оборот. Беда она, как правило, случается там, где её не ждёшь.

– Мансур против нас серьёзно настроен, – сказал Фердинанд. – Со мной и говорить не стал...

Да, похоже бывший официант решил порвать все связи с «Игелек» и его хозяином.

– Не знаю, что и сказать, Саит Яруллович. Похоже, Мансур дорогу уступать не собирается, – продолжил Нигметзянов. Саит заметил, что парень был не на шутку встревожен. Решив смягчить обстановку, попытался шутить:

– К бабёшке своей ходишь, что ли?

– Да нет, до неё ли?

– А что?

– В том совхозе я его никак не ожидал увидеть. Будто кто-то заранее предупредил о моём графике, и он специально меня там поджидал.

– Что, молоко покупает?

– Да ходит с какими-то бумагами. Сначала здоровался со мной. В последние дни в упор не видит. Как-то сижу в приёмной управляющего. Так он зашёл, да и напрямиком в кабинет. А тот, зараза, меня не принял и бумагу мою не подписал.

– Стало быть, ты ему поперёк горла встал. Берегись, Фердинанд, без молока обойдёмся, а вот без тебя – нет!

Собравшийся было уходить Фердинанд снова опустился на стул.

– Вот ещё что хотел сказать. Мансур для себя нашёл новую «крышу». С прежней рассчитался.

– Что за новая «крыша»?

– Вы его не знаете. Сволочь. Зовут Андрей Северцев.

Саит неожиданно вздрогнул, словно его резиновой дубинкой рубанули по позвоночнику. В голове зашумело, словно в улье. И впрямь мир тесен.

А Фердинанд продолжал:

– Это бывший хозяин группировки «Тяп-ляп». Недавно освобожден. Пять лет отсидел. Родом из какого-то посёлка. Связи с воровским миром у него большие. Новую группировку сколотил из бывших дружков, новых рокеров. Звери, не люди.

– Вот пусть и охраняют Мансура круглые сутки, – проговорил Сайт, пытаясь выглядеть как можно спокойнее.

Фердинанд и так волновался не на шутку, а если Сакманов расскажет о своём «знакомстве» с Северцевым, совсем растеряется. Сайт знает о склонностях Фердинанда к паникёрству...

– Как бы нам не пришлось с ним встретиться... У Мансура политика такова: для него что человека прихлопнуть, что муху. И то, что нанял тяп-ляповских, пожалуй, не к добру...

Эта была последняя встреча Санта с Фердинандом в его рабочем кабинете. Правда, несколько раз они переговорили по телефону. У этого чудаковатого, внёсшего свою лепту в становление «Игелек» мишарина дела были плохи. Он словно предчувствовал недоброе.

Фердинанда сменил Нургали Вагапов. Он, смуглолицый, крепко сбитый брюнет средних лет, вошёл в кабинет по-хозяйски.

– Привет, братишка, – поздоровался он с Сайтом, словно они были давно знакомы. В углу примостился никогда не оставлявший его рыжий, остроглазый телохранитель.

– На него не обращай внимания! То ли немец, то ли еврей, короче, по-татарски не понимает, – пояснил гость.

По натуре, чувствуется, беспокойный. Всё тело так ходуное и ходит. За столом нервно точит карандаш.

Этого неофициального хозяина Караваева и Соцгорода Сайту приходилось встречать на какой-то вечеринке. Но близко знакомы не были, интересно, что же привело эту одиозную фигуру в его кабинет?

– Ну, как дела? – спросил Сайт, чтобы как-то начать разговор.

– Плохо, братишка, со всех сторон обложили налогом. – Затем, прищуриив глубоко посаженные глаза, добавил: – Хотя, пока всё слава Аллаху. Кое-что имеем. У меня, браток, к тебе просьба есть.

– Слушаю вас, Нургали-эфенди.

Он не знал его по отчеству. Но обращение «эфенди» Кит проглотил. Пропустил мимо ушей. Не стал возражать. Перегнулся через стол и приник к ушам:

– Знаешь, браток, мне хорошее ружьё нужно.

Сайт решил прикинуться простачком.

– У вас у самих, поди, этого добра завались. Слышал, и собственный самолёт стоит наготове.

Однако Кита это не смутило. На такие мелочи он не обращал внимания.

– Мне нужен «тигр». Две штуки. Одна самому. Вторую очень просили. Я не смог отказать. Правда, не обещал. Ска-

зал – постараюсь.

Затем сломал цветной карандаш на три части и добавил:

– Жизнь – она, браток, в бараний рог крутит.

– Так ведь я что произвожу: табуретки, колыбели, стеллажи. Оружие не делаю.

Бросив на стол остатки карандаша, Нургали расхохотался.

Затем уверенно добавил:

– За ценой не постою. Хочешь, бери машину полиэтилена.

Хочешь, бабой рассчитаюсь. Могу предложить Наташку.

– Вы этих Наташек у себя, что ли, производите?

– Не производим браток, делаем.

Голос сильный, но напоминает скрипучую, несмазанную дверь. Сайт прошёл во внутреннюю комнату и вышел оттуда с кожаным футляром.

– На память от меня. Последнее достижение этой системы. Второе – на той неделе, – сказал Сайт.

Вагапов осторожно взял подарок. Передал его рыжему телохранителю. Достал бумажник.

– Сколько? Можно в долларах?

– Вы меня не поняли. Это на память о нашей встрече. Надеюсь, и впредь будем в случае необходимости помогать друг другу. Один раз живём на свете!

Получилось несколько высокопарно. Но Сайт был доволен таким оборотом дела. Он был наслышан о жадности Вагапова. И о том, что тот любил получать такого рода подарки. Знал и то, что за добро платит добром.

Вагапов громогласно рассмеялся и протянул руку:

– Спасибо, браток. В долгу не останусь. Подходи с любым делом. Хочешь депутатом в Верховный Совет? Только скажи! Ну да ладно, дорогой, мы пошли. К одиннадцати часам обещался заехать в Кабмин.

Обнял Санта и ушёл.

Сайт обессиленно опустился в кресло. Да это ж вампир, дьявол! Не только ружьё забрал, но и силы все высосал.

Но с тех пор Вагапов взял его под своё покровительство. И выручал в самых серьёзных ситуациях.

Фердинанд не зря беспокоился. Мансур решил порвать отношения со всеми, с кем когда-то начинал своё дело, и вычеркнул Сакманова из своих списков. Это было глупо и жестоко одновременно. Но хозяин «Игелек» решил не торопиться с выводами и поговорить с ним с глазу на глаз.

Тот, конечно, вначале всеми правдами и неправдами отнекивался от встречи. Но от Сайта не так-то просто было избавиться. Объяснения в итоге так и не получилось.

– Мансур Мавлетович, я перестал тебя понимать.

– А чего тут не понимать?

– Не хочешь со мной встречаться. Словно в прятки играешь. Я, слава Аллаху, пятый десяток разменял. Да и ты подбираешься к этому. Надо бы посолиднее вести себя. Вроде знаем друг друга давно. Сколько всего вместе пережито, сквозь медные трубы вместе прошли.

– Так ведь пришёл же. Какие ко мне претензии?

– С чего ты меня вычеркнул из списка учредителей АО? Ведь мы его вместе начинали?

– Кто сказал?

– Да случайно увидел в исполкоме твою бумагу на предстоящие три года. Удивился, знаешь. Смотрю: место Сакманова занял Голубин.

– Он наша новая «крыша» и посредник. А ты там должен быть. В последний раз бумаги просматривал Вильсур.

– Не ври, я с ним уже говорил, – резко оборвал Сайт.

Прижатый в угол Мансур смахнул пот с выступающего лба. Из глубоко посаженных серых глаз веяло холодом. Несмотря на то что он обладал более крепким телосложением, чем Сайт, в душе Мансур побаивался этого драчливого задиристого Сакманова. Сил для того, чтобы выложить всё начистоту, не хватило. И хитрость не помогла.

– Так ведь, Сайт Яруллович, может, компьютер ошибся. Восстановим мы тебя в этом списке!

– А компьютер у тебя не дурак! Чувствует, к кому как относишься. Нужных людей включает, ненужных вычёркивает?

– Да не надо бы в таком тоне. Наша дружба должна быть выше этого.

Но по глазам видно, что настроен злобно.

– Дружба – великое дело. Её можно продать. Но заруби себе на носу: её нельзя купить!

Мансур, не на шутку взволнованный, решил было как-то

смягчить ситуацию, но Сайт решил не продолжать. Бросил на стол бумагу.

– Вот мой новый счёт в банке. И чтоб моя доля до копейки была на моё имя переведена. Не сделаешь, пеняй на себя!

Но, заручившись новой «крышей» и знакомыми в высоких инстанциях, Мансур Санта в список не включил и денег не перевёл. Однако эти уплывшие несколько десятков миллионов, причитавшиеся Сайту, его не очень расстроили. От этого он и не разбогател, да и не обеднел бы.

Дело было в другом. Через своих людей он знал, что через эту организацию собираются перечислить на Украину несколько миллиардов за сахар. Деньги давало государство. Сайт понял, что в результате этой операции акционерное общество-посредник будет иметь немалый куш. С ним же решили не делиться.

Предчувствия Сайта подтвердились. Деньги, выделенные на сахар, как в воду канули. Нет, они, конечно, не пропали, а оказались там, куда надлежало им попасть. А сахар в Казань доселе не доехал.

Но, как говорится, шило в мешке не утаишь. Чтобы как-то утешить общественность, пришлось пожертвовать одним «винтиком» – на несколько месяцев посадить заведующего базой. Правда, из тюрьмы он вышел заметно похорошевший, нежели был до этого. Бдительность общества была усыплена гречкой, халвой, венгерскими индюками, испанским коньяком. Дело было закрыто.

Только Сайту не перепало от лакомого пирога. Обиделся он на прежних друзей. Понял, что не сумеет простить.

18

Сайт не заметил, как превратился в домашнего человека. Ноги так и несут домой. Зульфия, которая стала частицей его души, живёт теперь у него. Квартира его, хоть и шикарно обставленная, раньше так уютно не смотрелась. Теперь другое дело.

После поездки в деревню настроение было изрядно порчено. Но, видя, как Зульфия старается всей душой угодить ему, махнул на всё рукой, оттаял.

Зульфия – это его сегодняшний день, надежда, его будущее. Да и она вроде любит его. А если увлечение пройдёт? Да нет же. Вот родит ребёнка, станет настоящей хозяйкой – никуда не денется. А уж он постарается, чтоб всё было хорошо. За себя он уверен. Авось, всё сладится.

Но одна мысль всё же не даёт покоя. Дадут ли им спокойно жить? Завистников немало. Не секрет, что друзей с каждым годом становится всё меньше, врагов же – больше. В борьбе за выживание кем-то приходится жертвовать. Как это отразится на его семье? По телу пробежала дрожь. Захотелось поскорее добраться домой и обнять Зульфью.

Около неё всё забывается. Остаются только её тёплые объятия, сладкие речи, влажные губы.

Всё сильнее любит Зульфия Сайта, понимает его человеческие качества и по достоинству их оценивает. Она словно давным-давно знает его. Чем дольше с ним живёт, тем больше хочет узнать о нём, и это естественно.

– Сайтжан, расскажи о себе, своём прошлом. Всё хочу о тебе знать. Так бы сидела и слушала, слушала бы твой голос.

– Когда прошу брюки погладить, говоришь: времени нет – зачёт. А как меня выслушивать, так и время находится. Всё понятно...

Сайт по-молодецки соскочил с постели и поднял указательный палец правой руки:

– Так говоришь, завтра в институте культуры зачёт по моей биографии? Позвони своим девочкам, пусть приезжают сюда. Пересказывать ещё раз у меня нет времени.

– Ну, Сайт, не смейся. Не будешь рассказывать – на брюках заглажу две стрелки, а одну штанину укорочу.

– Ну уж нет, милая, брюки я предпочитаю с одной стрелкой. А о прошлом вспоминать не хочется. Это улица с односторонним движением. Обратного хода нет. Проехали!

Зульфию это не убеждало. Она по-прежнему с женским упрямством просила, умоляла рассказать его о личной жизни. Как человек дела, он не совсем понимал Зульфию, её душевные устремления, хотя имел немалый опыт обращения с прекрасным полом.

По существу, человеку кроме сытой жизни, красивой одежды, благоустроенной квартиры нужно ещё кое-что – ду-

ховное единство, вера в ближнего. Зульфию в Сайте интересовали именно эти начала. Самый ли дорогой и любимый человек она для Санта? Можно ли на него рассчитывать в будущем?

– Сайтжан, мне кажется, Рушания тебя очень обидела. Я буду другой, слышишь?

«Много знай, говори мало», – сказал один мудрец. Лишь маленькую толику из пережитого поведал он Зульфие.

Вспомнил Рушанию. Первую встречу, безоблачное начало семейной жизни и кошмарный конец. Как обо всём этом расскажешь? Конечно, и Зульфию можно понять. Ей небезразлично, с кем она живёт. Вот уже и губки надула, и впрямь собралась обидеться. Сайт усадил жену рядом и начал:

– Ты, моя хорошая, старайся понапрасну не обижаться. Обида – вещь нехорошая. Тебя старит, врага молодит. Так вот. Родился и вырос я в Тетюшском районе. Есть у меня два брата и одна сестрёнка – это ты уже знаешь. Ты их видела. То, что родителей нет в живых, ты тоже знаешь.

– Как ты стал военным?

– После школы год работал помощником тракториста. В прежнее время я бы бил себя в грудь, как-никак был секретарём комсомольской организации колхоза. Работал с душой. Пришла пора идти в армию. Как комсомольскому работнику предложили: выбирай любое военное училище, кроме Москвы и Ленинграда. Сами же предложили Симферопольскую военнополитическую школу. Училище это котирова-

лось. Добавили: мол, картошкой да лапшой, поди, объелся, а там фрукты поешь.

Для порядку пришлось сдать экзамены. Начал учиться. Конечно, вначале после татарской школы было трудновато. Но быстро догнал сверстников и даже получил диплом «с отличием». И чуть было не попал в Московскую военную академию, не случись ЧП...

– Может, не послали, потому что татарин?

– Может, и это сработало. Но погорел я в результате своей политической слепоты.

– А что это такое? Мне ведь тоже скоро госэкзамены сдавать.

– Теперь времена другие. Сейчас свобода слова: говори что хочешь. На госэкзамене мне надо было дать оценку последнему периоду Второй мировой войны. Я сказал, что наряду с неопенимым вкладом славной Советской Армии в разгром фашизма было допущено много ошибок.

Позёвывавшие члены государственной комиссии от этих слов вдруг проснулись, словно их блоха укусила. «Что же это были за ошибки?»

Я, конечно, мог выкрутиться. Всё-таки тогда культ личности уже был развенчан. Но чёрт меня дёрнул! Возьми да и скажи: «В Крыму, в городе, где мы учимся, должно жить коренное население острова – крымские татары, пора их вернуть на родину». Председатель комиссии, усатый генерал Куропатенко, крикнул мне, стукнув при этом кулаком по

столу:

– Мы здесь собрались не для того, чтобы выслушивать эту белиберду. Вон отсюда!

После экзамена меня вызывали, прорабатывали. Нескольким учителям вклеили выговор за слабую политическую подготовку.

Тяжело я перенёс это. Три ночи почти не спал. Курсанты перестали со мной здороваться, потом и вовсе перестали замечать. Во сне видел маму: солнечный день, мама сидит. На ней вышитое платье. Меня к себе зовёт. Но я не могу сойти с места, к ногам словно пудовые гири подвесили. Утром получил телеграмму: «Маму уже похоронили, можешь не приезжать». В тот день, когда я боролся за права крымских татар, дома умерла мама.

На пятый день вышел на улицу. В душе пустота. Голова словно набита толчёным стеклом, ноги как деревянные. Всё кругом плывёт и кружится. Ничего не соображаю, ничего не понимаю. В мозгу сидит: мир без меня существовать не может, он живёт только в моём воображении. Стало быть, сегодня конец света. Смерть, вечность, планета – всё зависит от моего желания. Я понял, что схожу с ума.

Достал из кармана гимнастёрки булавку, пробую проколоть руки, ноги, вижу кровь, но боли не чувствую. Как всё забыть, оказаться с мамой? Не найдя другого выхода, зашёл в кафе, выпил два стакана водки. Помню только, как вышел на улицу, сел на скамейку...

На другой день проснулся на широком диване. Белый потолок. Где я? С кем я? Я же должен быть в казарме.

– Проснулся, курсантик? Сейчас попьём чаю.

– Кто вы? Где я?

– Меня зовут Марина. Марина Сергеевна.

– Как я к вам попал?

Поднимаюсь. Молодая красивая женщина. Как и многие южанки, полновата, по плечам светлые волосы. Села рядом и рассказала:

– Шла домой с вечерней смены. Вижу: на скамейке сидит, запрокинув назад голову, курсант. Лицо бледнее снега. Совсем плох. Я же медсестра. Думаю: умер. Кое-как нащупала пульс. Пытаюсь разбудить, кричу прямо в ухо. Бесполезно. Вдруг, откуда ни возьмись, патруль. Я уже поняла, что ты пьян. Подумала сначала: «Ну и чёрт с ним, мне-то что?» Но в последний момент пожалела: молодой, красивый, пропадёт.

«Вы кто будете?» – спрашивает офицер. И не заметила, как ляпнула: мол, жена. Пришлось досочинять дальше. «Сегодня у меня день рождения. Были в гостях. Сейчас проспится, а потом вернётся в казарму». – «Как звать?» – спрашивает. То ли для порядку, то ли сомневается. Первое, что пришло на ум, говорю: «Саша».

Он достаёт из твоего кармана документ, читает: «Саит Сакманов. Курсант пятого курса. Его зовут не Саша».

Уж как я обрадовалась, что имя начинается на букву «С». Говорю: «Саит значит по-русски Саша, Александр. Их имена

не сразу запомнишь. Вот и зову Сашей». – «А кто он по национальности?» – допытывается недоверчиво капитан, чёрт бы его побрал. Соображать некогда. По имени и фамилии поняла, что не славянин. «Мусульманин», – говорю. «В нашей стране нет такой нации», – говорит.

И тогда я взорвалась, словно перезревший арбуз. «Какое имеете право меня допрашивать? Что, я не имею права с мужем погулять на свежем воздухе? Заполонили город военнослужащими. Делать вам больше нечего». Вижу, собрались уходить. «Нет, – говорю, – я так этого не оставлю. Помогите мне мужа до дома довести. Дайте мне одного солдата».

Тогда они потребовали показать твой увольнительный лист. Одна ложь тянет за собой другую. Говорю: «Бумага осталась дома». Сказала и глазом не моргнула. Сама боюсь: а если дома лист попросят? За то, что напоила курсанта, за то, что назвала мужем, могли и саму взять. Всё могло случиться. Но всё образовалось. Счастливчик ты. Самое удивительное: капитан мне поверил и солдата дал в подмогу. Сама тебя раздела и уложила.

Когда, напившись чаю, одевшись в вычищенную форму, я уходил, она сказала на прощание: «Сегодня и вправду у меня день рождения. Сможешь, приходи. Буду ждать. Никого не позвала. Как вчера напиваться не будем?»

Вышел на улицу. Тошнит, голова трещит. Но вокруг всё вернулось на своё место. То ли водка, то ли эта женщина, то ли ночной патруль, то ли всё вместе взятое меня спасло от

сумасшествия. С годами эти события выглядят вполне логичными, но время от времени спрашиваю себя: «А со мной ли всё это было?»

Затаив дыхание, слушает Зульфия Сайта. Затем, слегка освободившись от его объятий, спрашивает:

– А ты к этой женщине ещё ходил?

– Человека, спасшего меня – кандидата в психбольные, я, конечно, так просто не смог оставить. Я был ей благодарен. И её любовь ко мне, и предложение жить вместе я воспринял как знак судьбы. Но прожили мы всего полгода. – Все прелести этой совместной жизни Сайт сознательно опустил в рассказе. Дабы не пробуждать без нужды у Зульфии чувство ревности.

– Только принимая во внимание мои успехи в учёбе, кое-как выдали диплом. Направление было одно – в братскую Монголию. Те курсанты, что кое-как вымучили «тройку» и не просыхали от пива, имели возможность выбора. Я же – нет. И тогда я понял, какое грязное дело – политика, как трудно жить тому, кто говорит правду. От политики отошёл. Я давно для себя уразумел, что все эти митинги, требования свободы, независимости – бесполезное, не имеющее будущего занятие. Нынче время сильных. Ведь вот и великий русский поэт Блок, поняв, что борьба со страшной, уродливой действительностью обречена, заявил: «Истина в вине». Позднее пришёл ко Христу. Что-то я себе душу разбередил, налей-ка, жёнушка, немного коньяку... Ты уж, милая, те-

перь, конечно, хочешь спросить, как всё закончилось с Мариной Сергеевной, так ведь?

– Вовсе и нет. Подумаешь, на улице по пьянке подцепил гулящую хохлушку!

– Не горячись, Зульфия! Она меня для тебя спасла.

С крепкими напитками Саит дружбу не водил. Прибегал только в случаях крайней необходимости или редко, под настроение. Вот и сейчас слегка пригубил армянский коньяк и продолжил. Экскурс в прошлое ему сейчас необходим для того, чтобы разобраться в происходящем сегодня. То, что рядом с тобой человек, которому небезразлично твоё прошлое, твоя судьба – уже греет, вдохновляет.

– Я предложил Марине вместе ехать в Монголию. Не согласилась. Кто ж уедет из такого рая, как Крым! Тем более с татаринном, который моложе на шесть лет. Тем более у неё была дочь-школьница. Расстались без обид, красиво, интеллигентно.

Нежно обняв мужа, Зульфия сказала:

– От меня так легко не сбежишь, Саитжан. Так и знай. Видите ли, они красиво расстались.

Предчувствуя возможную бурю в стакане воды, Саит поцеловал её в полураскрытые губы и продолжил:

– Как устроился, выслал ей адрес, обменялись несколькими письмами. С год получал от неё открытки. В последней она написала: «Выхожу замуж за военного пенсионера». Так и разошлись, как в море корабли.

Саит собрался было рассказать про все «прелести» службы в Монголии: песчаные бури, грязь, нехватку воды, про отсутствие внимания к расположенным там частям со стороны руководства, про «дубовый» политсостав, про пьянство, порождённое чувством безысходности. Но Зульфию эти проблемы мало занимали.

– А как познакомился со второй женой – Рушанийей? Сколько прожили? И её ты сильно любил?

– Да ты не торопись, торопыжка...

Саит и не заметил, как выпалил это сравнение. Надеялся: быть может, Зульфия пропустит его мимо ушей. Но нет...

– Что, что ты сказал, повтори!

– Да так, ничего особенного.

– Откуда ты знаешь? Это кличка моего отца. В деревне узнал?

– Да, мулла мне на ухо сказал, когда никах читали. Да ты не волнуйся, дорогая. Отцу очень подходит. Правда, не обижайся!

Какая уж тут обида! Всякий раз, когда Зульфия вспоминает эту поездку, её гложет стыд.

– Прослужил два года, приехал домой в отпуск. Похоронил отца. Приехал в Казань, занял очередь в кассу Аэрофлота, что на Булаке. Передо мной стоял пожилой военный с молодой девушкой. В зале полно народу, жара невозможная. Стоявший ко мне боком подполковник, утерев струящийся со лба пот, повернулся ко мне и спросил сурово: «Товарищ

старший лейтенант, почему честь не отдаёте?» Я, признаться, не подумал, что и у кассы это так необходимо. Как правило, это делается на улице, а зачем здесь-то? Но в этом случае не до споров.

– Извините, товарищ подполковник, смотрел в другую сторону, – сказал я и нарочито отдал честь.

Он остался доволен. Девушка оценила моё чувство юмора и улыбнулась:

– Так-то.

Одетая в синее платье в горошек, девушка повернулась в мою сторону.

– Папочка, не приставай к человеку. Такая жара. К тому же он, наверно, в отпуске.

Сайт, конечно, счёл нужным опустить из рассказа некоторые подробности, а именно – маленький ротик, ровные белые зубы, приятный голос, красивую фигуру девушки, красивые, с педикюром, пальчики на ногах. Он знал: меньше знаешь, крепче спишь. Зачем Зульфие знать детали?

– Разговорились. Закончила пединститут. Отец приехал на защиту диплома. Имя ты её уже знаешь.

Опустил он из рассказа ещё кое-какие детали: и то, что пропустил ради того, чтобы постоять рядом подольше, несколько человек без очереди, и лёгкие рукопожатия, и румянец на её щеке...

И у них, и у него самолёт был завтра. Времени оставалось много. Уставший от жары отец поспешил в гостиницу. Мо-

лодые всю ночь бродили по городу.

Естественно, хотелось много узнать друг о друге. Особенно был любопытен молодой человек.

– Судя по вашей внешности, у вас и фамилия, наверно, красивая?

– Ну, предположим, фамилию не выбирают. Это не камень в перстне, не золотая цепочка.

– И какая?

– Ханова.

– Это ваша фамилия?

Девушка от души рассмеялась.

– Думаете, фамилия первого мужа?

– Я – Саит Сакманов. Саит-абый.

– А почему «абый»? Мы вроде ровесники.

И добавила:

– Вы не чуваш, случайно?

– Чувашей по имени Саит я не знаю. Что касается фамилии... В училище я поступил Сакмаровым. Знаешь, есть такая река на Урале – Сакмар?

– Не знаю, но слышала.

– Так вот, когда получил диплом, паспорт, военный билет, везде буква «Р» была заменена на «Н». Вначале я и сам не заметил. А потом... махнул рукой.

– Да и не всё ли равно?

– Когда человек стареет? – сказал Саит, желая сменить тему разговора.

– У женщин возраст не спрашивают. А мужчине столько, на сколько он себя чувствует. Это я где-то прочла.

Загадочно посмотрела на Санта и спросила:

– Никогда не приходила мысль наложить на себя руку?

Саит уловил шуточный тон.

– Я с удовольствием положил бы руку на ваши плечи, спину, талию. А что толку налагать на себя свою же руку?

– Да нет же! Я веду речь об уходе из жизни.

Саит уже было настроился прочитать нотацию о том, как прекрасна жизнь, а мы так молоды, и откуда у такой красивой девушки такие чёрные мысли. Но вовремя остановился. Вовремя вспомнил, что рядом идёт не какой-нибудь солдат, сбжавший с политзанятий, а образованная городская девушка. Может, она его просто испытывает?

– Разок я испытал это чувство, – сказал он серьёзно.

– Когда? Что натолкнуло вас на это?

– Сегодня. У кассы!

Девушка, в свою очередь, очень удивилась:

– Почему? Вы шутите?

– Ей-богу! Если бы вы, взяв билет, сразу ушли и я бы никогда не узнал, что вы Ханова, точно бы повесился на дверной петле.

– Спасибо за отвагу. Хвалю.

– Можно и мне вопрос?

Девушка артистично повернула голову, игриво подмигнула. Чувствовалось, что она знает себе цену. Всем своим ви-

дом, казалось, говорила: «Валяй, спрашивай».

– Что вам нравится в мужчинах?

Она будто задумалась.

– Глаза. Если глаза глупые, всё остальное не столь важно.

– В целом я доволен жизнью. Только одно желание не даёт покоя.

– Поделитесь своей мечтой. Будет легче. Как говорится, сокрытие болезни ведёт к смерти.

– Я бы хотел, чтобы мои глаза показались вам глупыми.

Девушка от души рассмеялась.

– Оказывается, вы хитрец. У меня для вас есть загадка.

– Слушаю вас!

– Итак, вот вы офицер. Что такое смелость?

Что за вопрос? Неужели всё ещё испытывает или хочет продемонстрировать свою эрудицию? На такой дежурный вопрос невозможно ответить всерьёз.

– Получить тумачи, предназначенные для другого.

Она всем телом повернулась к Сайту.

– Bravo! Чувство юмора спасло вас и сейчас. Вы вышли сухим из воды. А вот я чувство юмора где-то растеряла.

– Юмор как соль. Он хорош в меру, – добавил Сайт. – Один раз бываем молодыми. Отчего же не пошутить? Что ещё остаётся в жизни?

– Любовь.

– Да, о ней нельзя забывать. Давай возьмём её с собой, – сказал он и обнял девушку за плечи.

Она не сопротивлялась. Сайт вспыхнул как порох. Голова закружилась, во рту пересохло, сердце стучало, как у скакуна. Никогда ещё он так не желал женщину.

О том, что всю ночь целовались до одури, что решили пожениться, поклялись быть вместе, Сайт, разумеется, пересказывать Зульфие не стал.

Нарочито равнодушным тоном он продолжил:

– Через три месяца я приехал в Уфу, организовал скромное застолье и забрал её в Монголию. Через год родилась дочь Гузель. А ещё через пять лет дослужился до капитана, попал под очередное сокращение, вернулся в Казань. В течение года получил двухкомнатную квартиру. Но душевной гармонии с Рушанийей так и не получилось.

Вспомнив подробности развода со второй женой, Сайт улыбнулся. Зульфия этого не заметила.

Разговор был откровенным. Инициативу жена взяла в свои руки.

– Сайтжан, давай разойдёмся. Спрашиваешь, почему?

Поскольку такие разговоры случались и прежде, Сайт и на этот раз его не воспринял всерьёз.

– Я на этот раз серьёзно. Я и заявление в загс отнесла. От тебя нужно только согласие.

Мужчины не любят крутых поворотов в семейной жизни. У Санта дрогнуло сердце.

– Не надо бы, Рушания. Дело это довольно хлопотное.

– Тебе-то что, ведь не впервой. Может, и не в последний.

– Ты мне этого желаешь?

– Не только. Ты меня не любишь. Я это чувствую по твоим глазам, по тому, как ты буквально заставляешь себя ласкать меня. Не нужна мне такая ласка.

– Невозможно всю жизнь любить так же пылко, как в молодости.

– Дело не только в этом.

Саит пытался сохранить семью ради подрастающей дочери. Мелкие придирки жены переносил мужественно. Но всё было тщетно. Его старания были сродни холостому выстрелу.

Если между двоими, живущими под одной крышей, пробежала кошка, любая мелкая обида перерастает в большую ссору. Как-то Саит нечаянно обронил: «Брось ты эту жёлтую кофту, терпеть не могу цвет измены». Вроде и сказал-то в шутку. Жена же словно ждала этого момента:

– Что же мне надеть? Что ты мне можешь предложить? С тобой я и дошла до жизни такой, что ношу такой грязный цвет.

Жена всё распалялась. Ссора затягивалась.

– Ты мне абсолютно безразличен. От тебя дурно пахнет, ты пахнешь, как монгольский мужик.

Уж как ему хотелось ответить в тон, но сдержался. Опять бы всё кончилось скандалом. После подобных «обменов мнениями» ночные ласки снимались с повестки дня.

Саит был плохим политиком. Привычка говорить напря-

мик доставила ему в жизни немало неприятностей. Вот и сейчас, сдержись он пару раз, может, и не разошлись бы. Несмотря на гордыню, Рушания была неплохой хозяйкой.

– Ты хоть осознаёшь, кто виноват? – спросила жена.

– Разумеется, я, – сказал он. – Но какое это имеет значение?

Саит больше не хотел сопротивляться. Пусть делает что хочет. Но для вида попытался изобразить несогласие:

– У нас есть общая дочь.

– Ничего, вырастет.

– Хочешь, чтоб она была сиротой?

– Найду другого отца, не переживай. Будет и сыта и одета. – Затем подумала и добавила: – Может, повезёт на нормального отца...

Саит так и сел.

– Дочери скажешь, что работаю за границей. Деньги буду высылать.

Это уже было его согласие на развод. Он тотчас же ушёл из дома. Утром позвонил по телефону. По голосу жены понял, что та всю ночь проплакала.

– В Уфу можно приехать?

– Думаю, не надо.

Продолжая всхлипывать, она назвала адрес и телефон отца.

Саит почувствовал, что, начни он сейчас отговаривать от развода, попроси прощения, она готова простить его. Но Са-

ит уже принял решение.

За дополнительную плату их через неделю развели. От никаха, прочитанного муллою, осталась лишь дочь. У неё согласия никто не спросил.

– Мне была близка Казань. Мы расстались, – сказал он Зульфие. «Пусть квартира будет дочери и подарком, и памятью. Больше от тебя ничего не нужно», – сказала на прощанье Рушания. Я согласился. Правда, она потом и половину стоимости «Волги» забрала и на алименты подала. Виноватых не ищу. Кто же сам о себе скажет: «Я плохой»? Если бы её не потерял, не нашёл бы тебя. Год проработал в экскурсбюро лектором. Поскольку жить было негде, позарился на комнату в общежитии и пошёл участковым милиционером. Но это уже из другой оперы. А ты, моя милая, садись готовиться к зачёту.

После Рушании у Сайта было немало увлекательных романов. В нашей стране только жениться легко, развод подобен мукам ада. И речь не только о формальной стороне дела. После развода начинается самое страшное: делёж квартиры, мебели, посуды, ложек. И только дети оказываются лишними.

19

Сайт знает, новые друзья Мансура не оставят его в покое. В воздухе стоит духота, которая бывает перед грозой. Сакма-

нов не находит себе места. Не знает, чем себя занять. В день, когда убили Фердинанда, он собрал в доме Ахмадиши-бабая новых ребят, только что нанятых на работу. Даже водитель Замир, словно в первый раз, сидит наострив уши, забыв обо всём на свете. «Енерал» же в разговоре любит перемешивать серьёзное с юмором, кто не знает эту его особенность, ничего не подозревает. Замир знает. Но молчит.

Поглядывая, как за окном кружит метель, он продолжает:

– Не хочу хвастать, ребята, хотя Замир знает об этой моей слабости, но скажу: десять лет я за рулём, но никаких конфликтов с ГАИ у меня не было, за исключением мелких штрафов. Повторяю, по-крупному – никогда. Представьте, ни с того ни с сего вас тормозит гаишник. Что вы делаете?

– Достаяю документы и иду навстречу, – говорит один из шофёров.

– И совершаешь большую ошибку, в особенности если и ты сам, и твои документы в порядке. А торопиться не следует. И задний ход давать не надо. А надо лишь открыть окно, соорудить улыбку и ждать, когда он сам подойдёт. Он должен сам подойти за правами, техталоном, путёвкой...

– А это не взбесит его?

– А он и так тормозит тебя не для того, чтобы справиться о твоём здоровье. Результат будет тот же.

Ежели у инспектора на груди нет жетона с надписью ГАИ, потребуйте документы, а фамилию заложите в свой «компьютер», то есть в память, так, чтоб не забыть и при крутом

повороте. Если заберёт документы, запишите, кто он и с какого отделения.

– А как вести себя, если мент начнёт обыскивать?

– А никак, как ни в чём не бывало. Не торопитесь также открывать бардачок, багажник, свою сумку, если он специально не попросит. Спрашиваете, почему? В документах не написано, что хозяин машины должен сам себя обыскивать. Ему надо, вот пусть сам и открывает. А ты в это время закуривай, даже если не куришь вовсе. От одной затяжки не помрёшь.

– А если потребует открыть багажник?

Не считая вопрос достаивающим ответа, Саит Яруллович продолжает:

– Позднее в случае чего хитрый инспектор, конечно, может заявить: «Он сам открыл, сам показал».

– А где носить газовый пистолет? – спрашивает ещё один.

– Вы сами знаете, у нас запрещено носить оружие. Если бы орудие убийства у нас свободно продавалось, уже половину народа бы уничтожили. Таково наше общество. В нашей организации только я имею разрешение на ношение оружия. И вы знаете почему, – сказал он, хитро улыбаясь, – но если для выполнения важного государственного задания придётся-таки прихватить, то лучше завернуть в грязную тряпку и хранить около ручного тормоза.

– А если милиция остановит?

– Пока машину останавливаешь, его следует быстро спря-

тать в штанину. Поэтому за рулём надо быть всегда в свободных брюках.

– Но оно же оттуда выпадет, – говорит другой, не понимая рассказчика.

– Дуло, мой милый, надо засунуть в ботинок, кроссовки и в носок, остальная часть остаётся в штанине. Если пришлось засунуть в брюки, то лучше выйти из машины и мельтешить около милиционера.

– А если всё же учует?

– Хочешь сказать, если всё равно отберёт пушку?

– Да.

– Такой поворот дела в нашем с Замиром договоре, написанном с помощью Ахмадиши-абзый, не предусмотрен. Короче, надо молоть чушь вроде: «Не моё, по дороге нашёл. Вон у того «комка» лежало. Как раз к вам и вёз, сдать хотел, да ладно вы мне сами встретились». Главное – говорить не останавливаясь, не давать проверяющему вставить слово, короче, заговорить...

После таких бесед между ребятами и Сайтом устанавливается взаимопонимание, начинается сближение. Но, разумеется, до известного предела. Дистанцию он всегда соблюдает и не позволяет её нарушать.

Более опытные ребята слушают шефа с затаённой улыбкой. Они знают другие способы улаживания конфликтов с гаишниками: вместо документов надо дать тугую пачку денег... Ежели попадётся шибко принципиальный, заявляешь,

мол, вы думали, что я взятку даю, у меня таких денег нет, это же штраф. Способов улаживания отношений с милицией много.

Ребята знают и такие, о которых хозяева и не подозревают. Несмотря на дистанцию, жизнь заставляет-таки Санта во время поездок на «разборки» общаться с ребятами. Встречаясь на улицах города, они, в знак приветствия, прикладывают ладонь к лобовому стеклу.

Его ребята никого не подсаживают, не ездят «бомбить», то есть не занимаются извозом. Они – определённая каста, для которой извоз – позорное явление. С такими они не здороваются.

Вдруг торопливо вошёл Ахмадиша-бабай:

– Саит Яруллович, вас к телефону... Срочно. Звонила жена Фердинанда. Дышит учащённо, чувствуется – плачет.

– Фердинанда убили, – сказала она и замолкла.

– Где, как?

– На улице застрелили. Около машины. Когда выходил из машины. Я знала, что так и случится, – сказала она и вновь зарыдала.

Когда узнаёшь сообщение о страшной новости, поначалу не находишь нужных слов. Утешать бесполезно, а нужные слова на ум не идут.

– Кадрия-ханум, я разделяю ваше горе... Расходы по похоронам мы возьмём на себя. Где он сейчас?

– В морге, где же ещё!

– Сейчас я возьму помощников и поеду туда! (Надо бы ещё что-нибудь сказать.) Мы вас не оставим. Пока, до свидания.

Подозвал Замира, ему и другим ребятам дал поручения по организации похорон, выгнал из подземного гаража машину, сам сел за руль и поехал в главный офис.

Заезжать не стал, лишь посигналил. На знакомый сигнал вышел Халиль. Сакманов посмотрел на помощника. За несколько лет безмятежной, размеренной, обеспеченной жизни Халиль похорошел, лишь только расплзающаяся лысина немного портила картину.

Иной, даже имея возможность, не занимается собой, ходит в чём ни попадя. Нигматуллин не из таких. Уж он точно не наденет ни грязной рубашки, ни чинёной обуви, ни одежды после химчистки. Таким образом он пытался компенсировать свою необразованность, недалёкость, отсутствие чувства юмора. Кто чем живёт. На нём белый костюм, чёрные лаковые ботинки. «Вот кому легко живётся», – с лёгкой завистью подумал Сакманов.

– Красивая у тебя тачка, – сказал Халиль, сев в машину. – И так же беззаботно продолжал: – Ход мягкий. Ездить в такой одно удовольствие. Умереть под такой машиной согласась бы и Анна Каренина. Когда наши научатся делать такие, как бы сказали турки, «араба»?

Халиль, после того как с челноками съездил в Турцию, старался в разговоре то и дело ввернуть турецкое словечко.

Это ему доставляло огромное удовольствие: мол, видите, каков я.

– Да, турецкий язык прекрасен. Язык султанов.

– Скажешь, на языке твоего деда ханы не разговаривали?

– Так это давно было. Сейчас хозяева жизни говорят только по-русски. А турецкий язык – он забавный. Утром кричу жене: «Принеси мне пару бардаков». Она удивлённо смотрит. А мне нужно всего лишь две чашки чаю. Или говорю: «Где мой кара-рат, куда дели?» Она опять ничего не понимает. А это я галстук ищу. Когда ухожу, говорю: «Встретимся у дурака», а это значит, что на остановке.

Ещё одну привычку Халиля не любит Сайт. Раньше он вроде таким не был. Но люди постепенно меняются, приспособляются к среде, подражают, перенимают привычки окружающих. От страха, что его все обманывают, о самых элементарных вещах постоянно переспрашивает, делает вид, что не понял или не расслышал.

– Ты о чём, хозяин?

На последнем слове специально делает ударение. В начале Сайт по три раза повторял сказанное. Когда понял тактику Халиля, перестал это делать.

– Да так, ничего, Халиль-бей.

Халиль чувствует настроение шефа и меняет тему разговора. Сайт специально прибавляет скорость.

– Не спеши, Сайт Яруллович, ГАИ стоит с радаром.

– Заплатим штраф. Им ведь тоже надо жить. Вон Ферди-

нанд, он бы сейчас за ценой не постоял... Да поздно.

– А что с ним? – спросил беззаботным тоном Халиль. Во всяком случае, так показалось Сайту.

– Застрелили. Сейчас едем за ним в морг. Я думал, ты давно знаешь.

Как ни странно, Халиль эту новость воспринял спокойно, по крайней мере, с сиденья не сполз.

Санта же эта смерть потрясла. Он чувствовал, что может быть продолжение. Ему было тяжело.

20

Сайт пришёл к твёрдому решению убрать с дороги Мансура. Способ один – «проводить в рай». Между принятием решения и его осуществлением лежит неизвестное. Даже для такого крутого парня, как Шуруп, Мансур оказался крепким орешком. Встретиться один на один с Мансуром у его дома было почти невозможно.

Абсолютно ни от кого не зависимый хозяин ресторана живёт по свободному графику. То в десять часов выйдет из дома, то в одиннадцать. Когда пешком уходит, когда на машине...

Вечерами возвращается поздно, как правило, не один, друзья подвозят, частенько гурьбой провожают аж до самого третьего этажа. В машине почти всегда бывают девочки. Но их он домой не берёт, оставляет в машине. Видимо, побаи-

вается религиозной матери. Дожив до тридцати семи, он ещё ни разу ни с кем официально не регистрировался. «Ждёт, когда мать подохнет», – злобно ухмыляясь, сказал Шуруп.

Конечно, краем глаза хочется взглянуть на девочек. Но близко подходить нельзя, могут запомнить. Пахан неоднократно говорил: у дома тебя не только люди, но и собаки не должны учуять.

Уже вторую неделю сидит в засаде Шуруп за старой ивой. Ива эта ему теперь, что старый знакомый. Ему знакома каждая ветка. Уж столько раз он их пересчитывал.

Его цепкий взгляд бесстрастно шарит по соседним домам, асфальту. Но ни на минуту не выпускает из внимания нужный подъезд пятиэтажного дома...

Мансур вернулся домой только в одиннадцать вечера. В одной из комнат недолго горел свет. Потом погас – ужинает Мансур на работе, чтением глаза свои не утруждает.

С чёрного небосвода тускло светят звёзды. Им что... Им никого убивать не надо.

На расправу с Мансуром Пахан дал месяц сроку. Проходит уже вторая неделя. Конкретный день Шуруп не назначил. Как бы человек ни хорохорился, как ни подбадривал себя фразой типа «всё равно пробью я твой котелок, товарищ директор», оказывается, даже самым спокойным человеком овладевает беспокойство. На Мансура жребий пал не случайно.

Фердинанда, ответственного за поиск и отправку сухого

молока в страны Балтии, пристрелили совершенно неожиданно на улице в один из сумеречных дней. Это было как раз в те дни, когда он крутил роман с симпатичной бабёнкой, работавшей в одном из магазинов, расположенных на этой улице. Всё точно рассчитали: день, время встречи с ней. И когда он запирал машину, подъехали сзади и всадили в него три пули: в голову, спину и руку.

Похороны устроили роскошные. Но вернуть его уже было нельзя. Оставалось одно из двух: либо пожелать ему место в раю, чтобы земля ему была пухом, прочитать заупокойную и помянуть, либо отомстить за него.

Сайт понял, что убийство – дело рук Мансура. Разумеется, он сделал это не сам. Но в том, что именно он организатор убийства, сомнений не было.

И если эту смерть простить, и сам Мансур, и другие кланы могли бы неправильно понять. Сайт окликнул Шурупа. Плотно прикрыл дверь.

– Сунгат, вот мы и Фердинанда потеряли, – сказал Сайт, придавая своему голосу нарочито скорбное звучание.

Он начал на чём свет стоит поносить эту неизвестную силу, вырвавшую из их рядов чуть ли не святого человека:

– Собачье отродье, подлые шакалы! Эх, отловить бы и раздавить, как червей, посадить на крючок да пустить на корм жукам! Булавой бы дедовской проломить хребет! – Так он долго и не без удовольствия давал волю чувствам.

А Шуруп смотрел и думал с завистью: «Да, я так не умею.

Не сидел вроде, а как шпарит. А как идёт ему это». Он ещё больше зауважал Пахана.

Наконец Сайт успокоился, помолчал и резюмировал:

– Мне его ещё долго будет не хватать. Парень был надёжный, деловой, основательный. Сейчас моим правым крылом, моей надеждой остаёшься ты.

– Спасибо, шеф.

Добившись от собеседника нужной реакции, Сайт приступил ко второй части разговора.

– Покойный ещё несколько дней тому назад говорил, что уважал тебя, любил как брата.

– Правда?

– Мне сейчас не до шуток. Не время сейчас шутить, сам знаешь.

– Это точно.

– Ты как к нему относился?

– Он был вашим помощником, по возрасту старше нас, поэтому нас не очень жаловал.

– Горд был, это правда. Через это и врагов имел немало. Впрочем, друзей тоже было много. Ну а как же, у авторитетных людей всегда есть завистники.

– С этой стороны я его не очень знаю, – сказал Шуруп. – Но ко мне Фердинанд-абый относился хорошо.

– Ну так как, светлую память о нём растопчем или отмстим?

– А кому мстить? Милиция сама не нашла. И женщина,

выбежавшая из магазина, видела только, как три одинаковые «девятки» разъехались в разные стороны.

– Всегда есть человек, который нанимает и направляет убийцу.

– Возмездие должно достать того, кто стрелял.

Саит решил придать разговору несколько иное направление:

– Мало ли бродит по нашим улицам дураков, пуляющих по собакам.

Шурупа прошиб пот. «Гляди-ка, шпионов по всему городу расставил. Ничего от него не скроешь. Кто-то донёс ему про меня».

Не желая далее развивать эту тему, торопливо согласился:

– Я готов. Но кого и когда? Это ведь моя первейшая обязанность. Для этого вы меня приняли, квартиру дали, машину купили. Я всё понимаю.

Эти слова Саит пропустил мимо ушей.

– Этот случай – особенный. Плата будет приличная, если экономно расходовать, хватит надолго.

«Стало быть, важная птица, коли хорошо платит».

А хозяин между тем продолжал:

– В случае успешного выполнения задания, а я в этом не сомневаюсь, получаешь три тысячи долларов и временно залегаешь на дно.

– Это опять туда, откуда и вернулся? Я обратно не хочу. У меня семья.

– Да нет же! Поедешь в Москву. Там есть хата. Дай руку.

Как сказал один татарский поэт: «Будем мужиками!»

– Ему легко говорить. Не ему убивать.

– А теперь слушай, – сказал Саит и подробно описал, когда и кого прикончить. Показал фотокарточки, на одной Мансур был с Паханом. Два могучих красавца-мужика. А чтобы один из них жил хорошо, другой должен уйти. И немедленно!

После подробного объяснения Саит спросил:

– Не боишься?

– Моя бабушка говорила: «Волков бояться, в лес не ходить».

– Значит, бабушка научила тебя не бояться.

– Бабушку не троньте. Святая была...

– Ладно, я же любя.

Не пересчитывая, он достал из папки деньги. Молча протянул их парню, протянул словно мыло, для того, чтобы смыть с рук кровь. Затем добавил:

– Это аванс. А теперь в путь. Да хранит тебя Аллах и твоя бабка.

– Да ладно...

И вдруг Саит расхохотался.

– Остальное по завершении дела.

– Ладно, я испаряюсь.

– Ты не пропадай, а возвращайся победителем.

...Вот уже две недели Шуруп, словно телохранитель, сто-

рожит дом Мансура. Только цель у него другая.

«Гад, всю самую паршивую работу на меня вешает. То ли уверен, что не подведу, то ли избавиться хочет. Кто знает, что он на самом деле думает. Важная птица, видать, этот Мансур. Говорят, и в Америке за это дело столько дают».

Пахан, конечно, много знает. Говорит: «У Мансура голова большая, как у быка. Целься в лоб. В ЧК, в подвалах КГБ всегда стреляли в лоб. И вот почему: человек быстро умирает, и в глазах не остаётся облика убийцы».

Отказаться от этого дела Шуруп не смог (всё-таки три тысячи долларов), но взялся без особого энтузиазма. А с таким настроением на дело лучше не ходить. Вот уже две недели сторожит старую иву, а ни к какому решению не пришёл.

Сначала не мог в душе зажечь огонь ненависти к Мансуру. Ну, допустим, он велел убить Фердинанда. Ну и что с того, что случилось-то? Земля как вращалась, так и вращается.

Пахан сказал, конечно, что он меня любил. На деле же Фердинанд никого не признавал, даже Пахана... Даром что он образованный, университет закончил, кандидат наук. В могиле они все равны: и с дипломом, и без. А мы пока что будем Регину любить...

В одном из окон показалась тень. Шуруп достал бинокль. Кто-то в цветастом платке смотрел на дорогу. Фигура стояла долго. Мать, ожидающая сына, пробудила в душе Шурупа злобу. Его охватила дрожь. «Богатых матери ждут. А меня мать бросила. Наверное, ублажает сейчас своего мужа».

И вот он уже ненавидит не только эту старушку, но и всех матерей, вместе взятых. Гнев его выплёскивается через край. «Ничего, скоро со всклокоченными волосами будешь рыдать над телом сына. Хватит, пожила, как сыр в масле каталась, будет».

Он был доволен своим состоянием. Страдания близких и родственников покойного ему доставляли несравненно большее удовольствие, чем холодное тело самого покойного.

Понятно, когда умирает больной человек. Даже осознавая приближающуюся кончину, родственники продолжают утешать, обнадеживать его, сами находят в этом утешение. От судьбы не уйдёшь. Бессмертных нет.

Ненависть к Мансуру, живущему с матерью, всё возрастала. Хотелось отомстить.

За эти две недели Шуруп многое узнал о своей жертве. Оказалось, что по понедельникам Мансур выходил ровно в 8.30. По-видимому, у них бывает планёрка. Стало быть, и надо запланировать на этот день, в остальные дни не маячить. Вот и собачка, выбегавшая по нужде уже дважды, принималась его облаивать. Во взгляде хозяйки собачки Шуруп особого тепла не заметил. Не надо бы тянуть...

В понедельник в 8.25 у подъезда сталинки остановились зелёные «Жигули». Из машины вышел широкоплечий, среднего роста коротконогий милиционер и прошёл в подъезд. Остановился, не доходя до площадки первого этажа, снял фуражку и стал рассматривать кокарду. Сверху спускалась

старуха с маленькой собачкой. Собачка обнюхала милиционера, но лаять не стала.

Стояла тишина, минута которой равнялась вечности. Наконец, на третьем этаже открылась дверь, послышался разговор. На площадке второго этажа появился красивый мужчина в синем шевиотовом костюме. Он напоминал коммерсанта или, по крайней мере, аршин малчи из какого-нибудь турецкого или азербайджанского фильма. На ногах были остроносые лаковые туфли. Он был здесь хозяином.

Он равнодушно посмотрел на милиционера. Удивиться он не успел. Раздался выстрел. Огромное тело будто споткнулось, но не упало, руки судорожно вцепились в перила. Вторая пуля вошла в живот. А пистолет нырнул в карман галифе.

Дождаться, пока тело рухнет, не было сил. Он опрометью бросился из подъезда. А что, если машины нет, а неубитый двадцатикилограммовый Мансур выйдет следом? Шурупа сковал страх. Бросило в дрожь. Машина стояла на месте. Но он всё равно был страшно на кого-то за что-то зол. Было дикое желание взвыть и избить кого-нибудь.

Водитель Ринат понял по болтающимся, как плети, рукам Шурупа, что дело сделано. Скрип шин, визг собаки – всё осталось позади.

Сайт подъехал сегодня к дому Ахмадиши-бабая раньше, чем обычно. Вылезая из «Волги», бросил Замиру: «Жди меня в машине, долго не задержусь» – и, отворив маленькую калитку, прошёл во двор.

Зелёный «жигулёнок» стоял на своём месте. Шуруп сидел на скамейке рядом с каким-то темноволосым среднего роста парнем, пуская колечки дыма. Увидев Санта, оба встали и хотели было пройти за ним в дом, но он кивком разрешил войти только Шурупу.

– Здорово, джигит, – пожал ему руку Сайт, отчего-то избегая смотреть в глаза. – Дело сделано?

– Ещё спрашиваешь, – ответил с ухмылкой Шуруп.

– Ни в чём нельзя быть уверенным заранее. Говорят, что он в последнее время носил бронежилет. После того, как убили нашего Фердинанда...

– Так ведь бронежилет на лоб не натянешь. А первую пулю я отправил ему прямо в лоб, как ты мне велел.

Сайт был неприятно удивлён тем, что Сунгат перешёл с ним на «ты». Кажется, парень принял малость для храбрости – держится слишком нагло и развязно. До этого дня он не позволял себе такой вольности. Обращаться к Сайту на «ты» разрешалось только Халилю и Ахмадише-бабаю на правах старых друзей. И те старались использовать личные место-

имения очень осмотрительно, в зависимости от настроения хозяина.

Сайт, нахмурившись, сдержался. Уголками рта изобразил на лице улыбку.

– Ты бы лучше доложил о результатах.

– Ну, так говорю же, – ответил Шуруп тем же развязным тоном.

– Давай-ка рассказывай всё по порядку.

– Чего тут рассказывать? Дело обычное. Утром в полдевятого мы с Ринатом солидно так припарковались возле подъезда. Я в форме лейтенанта милиции вошёл в подъезд. Стою, жду. Вышел, гад, вовремя – минута в минуту. Я в него пальнул дважды. Один раз в лоб, как ты велел, второй – в живот.

Тут же, отклонившись от темы разговора, начал расхваливать немецкий пистолет:

– Ну, эти фрицы, умеют всё же оружие делать, скажу я тебе...

Сайт слушал его, не перебивая. Он понимал, что парень пережил сильный стресс и ему необходимо выговориться. Наконец, воздав хвалу пистолету, своей меткости и храбрости, а также мастерству водителя, Сунгат умолк. Сайту ещё многое оставалось неясным. Не оставил ли Шуруп за собой следов?

– Никто не мог вас засечь? Мать не выходила проводить? Не было ли прохожих?

Сперва Шуруп отвечал отрицательно. Затем, то ли при-

помяная, то ли решив сказать правду, которую побоялся открыть вначале, вдруг обронил:

– На улице собачонка бегала.

– Что за собачонка?

– Маленькая такая моська: тьяв да тьяв...

– Ну и что? Она именно на вас лаяла?

– Попала, зараза, под колёса – то ли жива осталась, то ли нет, не знаю. Только визг стоял жуткий.

– Она одна была?

– Да.

– Без хозяина?

– Ну, сначала-то она вышла на прогулку с хозяйкой...

– А кто хозяйка?

– Бабушка одинокая, живёт в том же подъезде, на четвёртом этаже.

– Она вас видела?

– Откуда я знаю? Она всё равно при встрече нас не узнает.

Саит похолодел. У него появилось нехорошее предчувствие. Он с самого начала не верил, что Шуруп сможет чисто выполнить задание. Слишком любит рисковать парень. Не хватает осмотрительности и расчётливости, надо прояснить насчёт старушки с собакой. Бережёного Бог бережёт.

Продолжая расспрашивать Шурупа, Саит выяснил, что старуха с болонкой видела его и раньше, когда он наблюдал за подъездом, спрятавшись за деревом. Шуруп чем-то не понравился собаке, и она облаяла его.

– Бабулька не должна меня узнать. В первый раз я был в джинсах и свитере. А в этот раз в форме милиционера. – Потеряв нить разговора, Шуруп пустился в лирические отступления: – Оказывается, милицейская форма мне идёт. Сразу стал солидно выглядеть. Слушай, а ты не можешь меня устроить работать в органы? Уж я-то смог бы выбить показания из любого бандюги. Эх, я бы им показал...

– Шофёр в курсе, кого ты застрелил?

– Нет.

– Но он же слышал выстрел?

– Я сказал ему, что набросилась овчарка – пришлось выстрелить.

– И он поверил?

– Собаке собачья смерть, сказал. Не бойсь! Кореш надёжный, сидели с ним вместе.

Саит вынес из соседней комнаты три тысячи долларов, вручил Шурупу.

– Пятьсот отдашь шофёру! Сверху добавишь ещё это. – Саит достал из нагрудного кармана пачку наших денег. – Ступай, проводи его, и поживее. Пускай забудет дорогу сюда. А сам вернёшься ко мне.

Шуруп быстро сбегал туда и обратно.

– Полный порядок, он ушёл. Будет молчать как могила.

Саит положил на стол два билета.

– Сегодня вечером ты сядешь на «Татарстан» и уедешь в Москву. Как приедешь, этот билет уничтожь, лучше всего

проглоти. А этот храни как зеницу ока. Он тоже до Москвы, только на поезд, который ушёл три дня назад. Ты понял?

– Чего уж тут не понять? Можно подумать, что в тюрьме одни дураки сидят, – обиженно отозвался Шуруп.

– Вот тебе адрес и ключ. Это наша квартира. О тебе регулярно будут спрашивать. Сейчас дам тебе в помощь нескольких ребят. Зелёный «жигуль» придётся ликвидировать. Вернёшься из Москвы – дадим новую. Теперь и сам сможешь купить.

Номера от машины и все документы на неё Сайт самолично разрезал стальными ножницами на мелкие куски.

– Уничтожьте номера на моторе и кузове. Машину разберите, зелёную краску снимите наждаком. От машины не должно остаться никаких следов.

– А можно что-нибудь взять на запчасти?

– Нет, машина должна исчезнуть полностью. Её уже давно пора было сдать в металлолом...

Сайт, опираясь на свой жизненный опыт, приложил все старания, чтобы уничтожить следы. Но разговор с Шурупом лишил его покоя. Работа не шла, мысли были заняты совсем другим. Его одолевали дурные предчувствия.

В один из таких мрачных дней случилось происшествие, которое отнюдь не улучшило настроения Санта. Это был ещё один привет от Шурупа.

Как-то раз Сайт, приехав в посёлок Северный, заметил возле дома Ахмадиши-бабая среднего роста парня, который

явно поджидал его.

Тёмные волосы, смуглая кожа и черты лица говорили о татарской национальности. Сайту показалось, что он где-то его уже видел, но сразу вспомнить не удавалось.

– Сайт Яруллович, здравствуйте!

– А вы кто будете? – спросил Сайт, не слишком обрадовавшись неожиданной встрече. По опыту он знал, что ничего хорошего ждать от таких людей не стоит. Ведь парень прождал тут целый день не для того, чтобы сказать «спасибо».

– Я Ринат, шофёр Сунгата.

– Он водит машину сам, – ответил Сайт, который не только вспомнил парня, но и понял, зачем тот явился. «Либо Шуруп с ним не рассчитался, либо парень решил нас пошантажировать, чтобы получить в руки «дойную корову». Не хочет упускать свой шанс – человек, который побывал на зоне, и не мог поступить иначе. У него уже голова по-другому не работает».

– В тот день я был на деле вместе с ним.

– Что ещё за «тот день»? Ты имеешь в виду понедельник, когда вы с Сунгатом вдвоём воевали с собаками, – он застрелил овчарку, которая его укусила, а ты задавил какую-то болонку?

– Вы же сами знаете, что всё было не так.

Сайт сделал вид, что не расслышал.

– До меня только недавно дошло, какой бесплатный цирк вы устроили со своим другом Сунгатом. Даже милицейскую

форму где-то достали. Ну что, поугадили людей, натешились?

Сайт по глазам понял, что парня сбить с толку не удастся. Взгляд у него был ледяной, так что непривычного человека, наверное, дрожь брала. Парень – видимо, по тюремной привычке – громко хрустел пальцами, потягивая их один за другим. Этим, казалось, он хотел подчеркнуть полное пренебрежение к словам Санта.

– Только не надо меня держать за полного идиота. Чтобы застрелить взбесившуюся собаку, не надо неделю сидеть, прячась в кустах. Мы, когда от вас уехали, обмыли дело как полагается. Шуруп мне тогда всё рассказал. Да я и сам читал в газете: «Убит в своём подъезде...», «Мафия расправляется». Кого убили, тоже знаю...

«Вот и полагайся после этого на Шурупа! Нет, с ним никакого дела больше иметь нельзя. На досуге подумаю, как с ним поступить», – решил Сайт.

– Молодой человек, от нас, – он сделал рукой широкий взмах по направлению к высокой бетонной стене и обитым кованым железом воротам, – от нас вам чего надо?

– Заплатите за работу!

– За какую работу?

– Когда ехали на дело, я был за рулём.

– Я вас не знаю и знать не хочу. С кем договаривались, с того и спрашивайте.

– Шуруп обещал мне пятьсот долларов и пятьсот тысяч деревянными. Вторую сумму он мне отстегнул, а насчёт зе-

лёных сказал: езжай, мол, к хозяину, пускай сам тебе выдаст, мне и самому почти ничего не перепало. Вот я и пришёл...

Шуруп остался верен себе – не упустил случая пожить-ся. Мог бы и сдержать слово – отдать обещанные деньги. Но Сайт не собирался расплачиваться за Шурупа – он хорошо знал, как обращаться с подобного рода публикой. Стоит урке один раз спустить – потом пожалеешь, что родился на свет.

– Дорогой мой, настоящий джигит богат не деньгами, а своей прекрасной душой. Это во-первых. Во-вторых, за что я тебе должен платить? За то, что задавили на улице чужую собачонку? Вот хозяйка собаки, как тебя найдёт, так и оплатит сполна.

– За что платить, спрашиваете? За заказное убийство! – Парень усмехнулся, вновь хрустнув пальцами.

– Пусть тебе платит тот, с кем ты договаривался! Если я тебя ещё хоть раз здесь увижу, твоя голова будет болтаться рядом вон с тем огородным пугалом! – Сайт показал на старую шапку-ушанку, висевшую на длинном шесте, чтобы отпугивать птиц.

Ринат задрал вверх голову, а Сайт тем временем нанёс ему удар под подбородок. Удар был не слишком сильным, но незадачливый шантажист рухнул на пыльную дорогу.

Сайт, чувствуя, что Ахмадиша-бабай наблюдает за ним из-за ворот, отдал приказ:

– Эй, Ахмадиша, спускай с цепи своего волкодава. И тащи скорей снайперскую винтовку!

Ринат вскочил на ноги как ужаленный.

– Нет-нет, не надо. Не надо ни вас, ни ваших денег. Пропадите пропадом вместе со всей вашей мафией! – крикнул он на бегу.

Больше в посёлке Северном его не видели.

22

Самые большие люди города, в особенности работающие в области торговли, с перевеликой помпой проводили Мансура в последний путь. Поток иномарок, отечественных «Волг», «восьмёрок», «девяток» запрудил улицу, парализовал городской транспорт. Всё утопало в цветах. Венков было не счесть. Вот бы обрадовался директор ресторана, если бы мог всё это видеть! Но нет! Покойнику не дано было всё это знать.

После нескольких выступлений слово взял Сайт. Близкий друг Мансура, организатор похорон Вильсур Садыков поневоле с удивлением взирал на Санта. При покойнике спорить не принято. Нельзя. Это канон, который нарушать не положено. Погибает Атлантида, от последнего мамонта остаются только кости, рушатся великие империи, гибнут народы, исчезают языки, а неписанный закон уважения к покойнику остаётся.

На Сайте сине-чёрный костюм. Белоснежная рубашка. Узкий гастук с модным рисунком. Он с чувством собственно-

го достоинства дождался, пока все успокоятся. Снял очки в золотой оправе, которые носил больше для красоты.

– Дорогой Мансур Мавлетович! Нам всем сегодня трудно с тобой расставаться. Не хочется верить в случившееся. Каждому жизнь даётся только раз, и никто не вправе лишать её другого. Но зло сильнее нас. Сегодня его жертвой стал наш друг Мансур. В небе погасла звезда по имени Мансур. Его светлый, человеческий образ навсегда сохранится в наших сердцах. Нет слов, чтобы выразить наши чувства. Прощай, друг Мансур! Да будет твоё место в раю!

Он достал из кармана белоснежный платок и отошёл в сторону, вытирая глаза.

Сегодня на Санта сыпалось одно испытание за другим. Пока устанавливали временный памятник и ограду, к Сайту подошла мать Мансура.

– Сайт, сына моего убили... Вот похоронили. Уж не вернётся больше.

– Знаю, апа, – сказал Сайт, отходя в сторонку. Начавшие вдруг дрожать руки поспешно спрятал в карман.

Хорошо ещё, что убитая горем женщина не в состоянии была что-либо заметить. Не успел отойти в сторону, кто-то взял за рукав.

– В добром здравии, Сайт Яруллович?

Скорее всем своим телом, нежели глазами, почувствовал Сайт полковника Насырова.

– О, товарищ полковник! Добрый день!

– Да не очень добрый, товарищ Сакманов. И так, сначала убили вашего помощника Фердинанда. Теперь вот не стало Мансура Мавлетовича.

– Думаете, дело одних рук?

Не должен был Сакманов задавать этот вопрос. Расчувствовался, понимаешь. Не заметил, как выпалил.

– Уверен, между этими смертями есть связь. Вернее будет сказать, что одна смерть есть результат другой.

– Хотите сказать, что, если бы не убили Фердинанда, был бы жив Мансур?

– Точно не утверждаю. Надо проверить, выяснить, изучить. Всё это вам известно.

– Давайте, товарищ полковник, без намёков, хотя бы в такой печальный день.

– Убийцу я всё равно найду, Саит Яруллович! Уверен, что это дело и к вам имеет отношение. У гроба говорили красиво, но искренности всё же не хватило. Я по голосу почувствовал вашу причастность.

– Уважаемый товарищ полковник, я тоже не лишён интуиции. Но её к папке не пришьёшь. И дело не заведёшь.

– Например?

– Недавно горел в Киндерях склад организации кооператоров Татарстана. Писали, что сгорело сорок телевизоров, семьдесят холодильников, десять импортных гарнитуров и ещё много чего. Вы там тоже были. Вам известно, что ничего из этого списка на складе не обнаружено.

Сайт сознательно уводил полковника в сторону от происходящего. От ментов можно избавиться только одним способом: самому пойти в наступление.

– Не говорите глупостей.

– Да шесть из этих холодильников я сам сравнительно дешево купил. Только просили не говорить, где взял.

– Стало быть, ты сам сообщник?

Сайт вошёл в раж. Игриво пнул лакированным ботинком крупную гальку, надел свои дорогие очки и спросил:

– А не украшают ли ваш дом какой-нибудь телевизор и ковёр из того же списка?

– Что вы несёте? Я, я...

– Я только хотел спросить, может, далеко и ходить не надо в поисках сообщников?

Полковник был в таком состоянии, что, будь на то его воля, он тотчас же арестовал бы этого наглого, уверенного в себе красавца и закрыл бы его в одиночку. Осознание невозможности сделать это вывело его из себя.

– Убийцу я найду! Я нисколько не сомневаюсь в вашей причастности к этому делу, – брызгал слюной полковник.

– Будьте здоровы, товарищ Насыров, – сказал Сайт, отнесясь поклоном. На миг глаза их встретились. В них чётко, ясно читалось их отношение друг к другу.

Насыров участвовал и в похоронах Фердинанда. Отнюдь не доброе отношение к покойному привело его тогда на кладбище. Он знал, что волк приходит вновь на то место, где

зарезал овцу. Вот и он высматривает в толпе убийцу. И тогда он сам подошёл к Сайту:

– Я разделяю твоё горе.

– Спасибо.

– Он был вам очень предан.

– Плохих людей не убивают. Они довольно долго отравляют мир и умирают от болезни печени. Фердинанд счастливый. Половина Казани пришла с ним проститься.

Джаудат выслушал его, не перебивая. Несмотря на всю боль утраты, Сайт не имел права расслабляться. У полковника были кое-какие вопросы. Разговор получил неожиданный оборот.

– Сайт Яруллович, у вас есть кыйбла?⁴

– Кыйбла у нас у всех одна. В сторону кыйблы будем обращать свои молитвы и мы... когда состаримся.

– Ответьте, пожалуйста, если можно, какова она у вас?

– Вас интересует её цвет? Или её содержание?

– Меня интересует последнее.

Не поворачивая головы, посмотрел Сайт на полковника. Он был серьёзен.

– Моя кыйбла – свободный ветер. У ветра цвета нет.

– Душа есть, – сказал Джаудат задумчиво.

– В поисках этой души вся молодость пролетела, товарищ полковник.

⁴ *Кыйбла* — мусульманская святыня; *перен.* идейное направление, устремлённость; здесь: жизненный ориентир.

– Беречь бы людей, Саит Яруллович! Не свяжись Фердинанд с вами, он бы жил. Кандидат наук. Эта жертва на вашей совести.

– А может, на вашей, товарищ полковник? Разве я должен следить за порядком? Я в милиции работал, вы знаете. Кто мне ударил по руке, которой я привёл преступника? В конце концов, меня на этот путь вы и толкнули. Разумеется, я имею в виду не лично вас.

Разговор для обоих был не очень-то приятен. Вот и сейчас «объяснение» идёт в том же духе. Как бы спокойно ни пытался себя держать, на душе скребли кошки. Шуруп, раздавив собаку, оставил на асфальте след.

Вот и полковник о том же.

– Соседка увидела милиционера и его машину. Поиски зелёных «Жигулей» продолжаются. Мы их найдём!

– Бог в помощь!

Саит чувствовал на себе чей-то беспокойный, тяжёлый, ненавидящий взгляд. Этот взгляд преследовал его и когда он говорил речь у могилы, он преследует его и сейчас. Кто-то словно держит его на мушке, палец – на курке. Саит достал платок и, делая вид, что сморкается, стал высматривать кого-то в толпе. Помогли опыт, природная прозорливость и постоянная готовность к худшему. Нашёл-таки его. Стоит в стороне, прислонившись к ограде, и сверлит взглядом Сайта. Постарел, волосы поредели, но узнать можно. Это был лидер разгромленной восемь лет назад группировки «Тяп-ляп»

Андрей Северцев. Увидел Сайт, почувствовал: глаза Северцева полны ненависти. По телу словно ток пробежал. Сайт уже знал, что тот вместо восьми отсидел пять лет, вернулся и вновь живёт с их общей знакомой Риммой. Покойный Фердинанд успел оставить о нём кое-какую информацию. Это означало, что в Казани одним врагом у Санта стало больше.

Последняя встреча с тят-ляповским паханом была долгая и памятная. Это произошло, когда он ещё самозабвенно служил в рядах советской милиции. Северцев попался за то, что избил свою любовницу. В районное отделение милиции поступило сообщение: «На твоём участке на улице Жданова в таком-то доме, в такой-то квартире мужчина избивает то ли жену, то ли любовницу, то ли проститутку. Иди проверь, оперативная группа сейчас прибудет».

Дом он нашёл быстро. Вихрем взлетел на третий этаж воющего подъезда. Дверь наполовину была открыта. Изнутри доносились странные звуки: то ли храп, то ли всхлипывания, то ли стоны. Ворвавшись в комнату, участковый увидел следующую картину: здоровый, рыжий, в порванной рубашке мужчина сидел верхом на полуголой женщине и бил по лицу, приговаривая:

– Скажи, куда спрятала любовника! Кто он? Убью, сука!

Сайт дунул в свисток. Оторванный от любимого занятия, бросив суровый взгляд на Сайта, мужик со словами «на помощь мента позвала!» кинулся на участкового. Опытный здоровый кулак ударил Сайта по лицу. Но нападавший был

пьяным. Удар был болезненным, но не очень сильным.

Сайт смог ответить не сразу. Несмотря на габариты, мужик оказался лёгким на подъём и знаком с приёмами восточных единоборств. Он начал изматывать Сайта, время от времени нанося удары.

Сайт от злости допустил немало ошибок. Получив второй удар в лицо, вконец разъярённый, Сайт сумел ударить мужика в живот.

Мужик застонал, но устоял. Вторым ударом, нацеленным в подбородок, пришёлся на нос, брызнула кровь. Запах крови вконец разъярил его. Глаза мужика вспыхнули диким пламенем.

Он вбежал в соседнюю комнату и выбежал оттуда с ножом. Сайт попятился. Спасло его то, что в этот момент ворвались оперативники. Выбил наганом нож, тот со звоном упал на пол. Весь свой гнев мужик обрушил на Санта.

– Всё равно я тебе хребет переломая, всё равно сарай спалю, – кричал он, перемежая угрозы с матом. Тогда Сайт ещё не был знаком с воровским жаргоном и многого не понял.

– Всё равно я тебя найду, проклятый мент, – успел выкрикнуть Северцев, пытаясь освободиться от вцепившихся в него милиционеров.

Сайт запомнил не слова угрозы, чередующиеся с проклятиями, он запомнил глаза. Эти глаза невозможно было забыть. Вот и сейчас они шупают, пронзают, по-прежнему ненавидят его.

Тогда Сайта оставили на предмет разговора с женщиной, оформления протокола. Женщина успела переодеться в мягкий цветастый халат, заправить постель. Красивые ноги то и дело выглядывали из-под халата. Но ни синяки, ни следы побоев не могли скрыть красоты лица, а вырез халата – совершенства груди.

Тело Сайта ныло, лицо болело, в душе кипела злоба и обида. «Вот из-за таких развязных, распущенных женщин дерутся, погибают мужчины. А я при чём? Меня-то сегодня за что били? Ладно, этого подонка посадят, он своё получит. Так он хоть вдоволь насладился этой женщиной. Ему не так обидно».

Верно говорили древние: ищите женщину. И эту бы не мешало суток на пятнадцать запереть в соседнюю камеру. Пусть общаются с помощью морзянки. Хватит ему собирать грязь по всей Казани. Вот получит квартиру, ни на один день не останется в милиции.

Сайт раскрыл папку и на коленях стал оформлять протокол.

– Имя, фамилия, год рождения, место работы...

– Да оставьте, товарищ милиционер, неужели у вас лицо не ноет, губы не болят? Посмотрите в зеркало. Сейчас я обработаю вам раны.

Взяв Сайта за руку, она привела его к зеркалу в коридоре.

– Посмотрите-ка: и у вас, и у меня на правой руке синяки. Под глазом синяк, и у меня тоже. И нос стал похож на рыбью

голову, мой тоже – на картошку...

Взглянув на бледную голубоглазую пышнотелую женщину, созданную для любви, Сайт рассмеялся. «Да что я, в самом деле, пристаю к этой красотке?» Повернул Римму к себе. Она же словно только и ждала этого. Губы их слились в поцелуе.

Терпеть не мог Сайт бумажные дела. Вот и сейчас он им предпочёл другое.

Северцев, заставляя Римму искать несуществующего любовника, уготовил себе срок. Оказывается, его давно разыскивали по подозрению в квартирных кражах, ограблении магазинов, угоне машин. Иногда опытные вору попадаются на мелочах. За все эти дела бывший хозяин «Тяп-ляпа» схлопотал восемь лет.

Улица Жданова-Эсперанто пришлась Сайту по душе. Он даже переехал туда. Римма в своём спасителе души не чаяла. Дочь Марина, ученица пятого класса, быстро привыкла к подаркам дяди милиционера.

Год с Риммой пролетел как один день. Друзья, коллеги никак не могли понять, как можно вот так вот жить со случайной женщиной? Многие недоумевали: чем же она его к себе привязала? Об этом знал только сам Сайт.

С Риммой было просто и спокойно. По мелочам не придирается, денег, вещей не просит, подарки принимает с благодарностью.

В ответ же на подарки на столе всегда вкусная еда, мяг-

кая постель, жаркие объятия, ласки... Хорошо было Сайту с Риммой. Всё в ней ему нравилось: обаяние, умение ласкать, добрый нрав и, наконец, красивая внешность. Её простота, трезвый взгляд на жизненные проблемы, умение по-своему объяснить, что ждёт, скажем, на том свете, умение знать цену святости и греху – всё это в самые трудные минуты было Сайту опорой. Её философия была предельно проста и привычна: «Надо от жизни брать по возможности всё, жить красиво. Иначе зачем жить, переводить добро? Выспимся, когда состаримся. В конечном счёте – в могиле. Там – всё в руках Аллаха», – говорила она.

Единственная тема, которую не выносила Римма – это её отношения с хозяином «Тяп-ляпа». Стоит только задеть эту тему, у неё словно язык примерзал к холодному металлу. Её бросало в дрожь.

И так, и эдак начинал разговор на эту тему Сайт. Вот и в этот раз за бутылкой хорошего вина он вновь сделал эту попытку.

– Северцев меня заполучил самым бессовестным способом... У меня не было другого выхода. Не спрашивай, всё равно больше ничего не скажу.

– Вот если вернётся он сейчас из тюрьмы?..

Она поняла, что беспокоит Санта.

– Тебя люблю, Сайт. Очень... Но если вернётся, не принять его не смогу.

– Даже если забьёт до смерти?

– Даже. А ты будь осторожней, Сайт.

– Но почему?

Однажды она сама заговорила на эту тему:

– Я от него письмо получила.

– И что, это письмо, по-твоему, должно меня волновать?

– Ты не горячись, Сайт. Он пишет: «Я приказал своим ребятам найти защитившего тебя милиционера и отомстить. Его выгнали с работы. Он открыл мастерскую. Разгромили и её. Наши встречи ещё впереди. Я своего последнего слова ещё не сказал». Сайт, этот человек ни перед чем не остановится. Если я его не приму, он убьёт меня, мою дочь, моих близких. Это моя судьба...

После этого объяснения в их отношениях что-то изменилось. Отдавая должное всему хорошему, что было в Римме, он никак не мог понять её отношения к человеку, который чуть было её не убил. То ли чувство страха, то ли надежда на любовь на том свете, то ли половая распушенность?

Самые сокровенные женские тайны можно узнать лишь через близость. И верно. Через Римму он узнал своего врага, причину разгрома его мебельного цеха.

Сколько же можно платить за честную, самоотверженную службу в милиции?

Сайт всё ещё продолжал жить у Риммы. Но за всё хорошее надо платить. Расстались довольно странно, совсем по другой причине. Видимо, настал час расставания.

В самый обычный рабочий день вернувшись с работы, Са-

ит увидел два своих чемодана на пороге квартиры. Звонить, шуметь не стал. Взял чемоданы и тихо ушёл. На улице догнала запыхавшаяся Римма.

– Прости, Сайт, вернулся отец Марины. Дочь очень любит отца. Говорит: «Хочу жить с отцом».

Шагая рядом, добавила:

– Хочешь, будем встречаться.

Сайт поставил чемоданы на землю, выразительно посмотрел в ожидающие глаза Риммы и сказал:

– Не надо! Думаешь, ты одна такая...

Потом, правда, сожалел о сказанном. Он не имел никакого права осуждать Римму за то, что та приняла законного мужа, отца дочери. Попользовался чужой женой? Хорошо было? Вот скажи «спасибо» и оставь её, сукин сын!

Ничего не получилось у Риммы с мужем. Отрезанный ломоть хлеба не сросся. Только ради дочери с нелюбимым человеком, оказывается, жить невозможно.

Сайт всегда считал, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды. К Римме он хоть и не вернулся, в душе сохранил к ней самые тёплые чувства и не хотел, чтобы её дочь когда-нибудь попала в руки бандитов.

И вот сейчас, на кладбище, рядом с хозяином «Тяп-ляпа», стояло чудное создание. Когда Сайт присмотрелся, у него дрогнуло сердце. Это была дочь Риммы – Марина.

Когда только успела подрасти? Большие глаза, пухлые губы, ноги, – точно Лолита. И Северцева трудно осуждать. Ка-

кой же мужчина от такой вот красоты добровольно откажется? Если он ещё мужик. А насчёт морали, её, поди, не блюдёт и тот, кто придумал эту самую мораль. Бумага терпит, она не живая.

Увидев, что Сайт смотрит в их сторону, Северцев притянул девушку к себе, положил руку на талию. Та не сопротивлялась. Бандиту, разумеется, постаревшая Римма была уже не нужна.

Холодно попрощавшись с полковником и выехав с кладбища, Сайт проехал несколько улиц, попросил Замира остановить машину. Вышел и из автомата набрал рабочий номер Риммы.

– Римма, привет. Это Сайт.

– Сайт, как дела? Не показываешься, а я по тебе скучаю.

– Марина дома?

Вопрос на том конце провода был неправильно истолкован.

– Нет. Я приду в четыре часа. Приходи, хорошо? Сготовим твой любимый кыстыбый.

Сайт же продолжал:

– Я спрашиваю, где Марина?

– Ты что, Сайт? Марина, Марина... Позавчера с подружками уехала в Москву. На неделю. Так вечером зайдёшь?

– Никуда Марина не уехала! Она в Казани. Сегодня видел. Прощай!

И повесил трубку. Марину было жаль. Интересно, а его

собственная дочь? Где, с кем она? Нынче в июле ей будет восемнадцать.

Так что же, забыв о своей, печёшься о чужой дочери? Казалось бы, голова должна болеть прежде всего о своей. Но что делать? Жизнь есть жизнь.

23

Генеральный директор «Игелек» сильно ошибся, думая, что Шуруп отсиживается в Москве. Он там и недели не прожил. Знакомые нашли его и переправили в Челны. Там вновь надели на него милицейскую форму, всучили в руки пистолет, показали, в кого стрелять. После убийства вручили деньги и оставили в Казани.

У каждой живой твари должен быть свой дом. Там она зализывает раны, отдыхает. Человеку тоже нужен дом. Шуруп осторожно добрался до своей однокомнатной квартиры (он уже успел приобрести её), сообщил об этом только жене и жил затворником. Никому на свете он не нужен. В такие вот минуты Шуруп чувствовал, что ближе жены никого нет.

Сегодня он проснулся в страхе. Встал перед засиженным мухами зеркалом и начал рассматривать себя. Узкий лоб, глубоко посаженные глаза, начисто отсутствует шея. Не понравился ему человек в зеркале. Видно, что в последнее время много пьёт. «Нужен уют», – криво усмехнулся он. Надо бы хорошенько выспаться. Завтра предстоит встреча с быв-

шим хозяином «Тяп-ляпа». Сказали, что будут большие дела. Вот бы Регина узнала. Он пытается представить её реакцию.

Регина тоже проснулась и подошла к нему.

– Завтра иду за долгом.

– Что, кто-то занимал у тебя? – спросила Регина, предчувствуя что-то неладное. У женщин прекрасная интуиция, ничего от них не утаишь.

– Да нет, речь не о деньгах.

– А что же тогда?

– Регина, я боюсь. Ты, наверно, думаешь, что я решительный и смелый. А я – трус. Я из трусливого племени. И по гороскопу это так. – Попытался он шутить, не получилось.

– «Мы тебя выручили. Теперь помоги нам», – сказали мне тогда.

– Сколько же это будет продолжаться? Опять кого-то надо убрать?

– Одного депутата проводили на тот свет. Точно не знаю кто. Но думаю, не за депутатство, видимо, кому-то поперёк горла встал.

– Сунгат, дорогой мой, послушай свою любимую жёнушку. Я ведь, в конечном счёте, единственный близкий для тебя человек. Брось ты это дело. Неужели ты больше ни на что не способен, кроме как убивать? Хочешь, уедем куда-нибудь? На Север, Урал, Камчатку...

«Даром что дочь полковника милиции, а всё равно ни-

чего не понимает, – подумал Шуруп. – От них никуда не спрячешься. Мы все в одной упряжке. Один организовывает, приказывает, а такие, как я, делают грязную работу. Разница в том: если попадёмся, ему пять лет, мне же пятнадцать лет тюремную баланду хлебать».

– Они меня всё равно найдут. Заложат. Правда, я сказал, что в последний раз.

– Сунгат, у тебя семья. Ты об этом подумал?

– Потому только и согласился. Если б был один, отказался бы – и отсиживался. А так мстить будут тебе.

Шуруп достал с крючка куртку, подошёл к стоявшей растерянно посреди комнаты Регине, положил голову на её плечо (она была выше его), вздохнул и ушёл.

В этот день они изучали улицу, дом, самую предстоящую жертву.

И на другой день Шуруп не находил себе места. Регина не пришла. Сначала он не мог понять причину этого своего состояния. Не хотелось думать, что это из-за Зульфийи. Чем лучше Зульфийа его Регины? Ничем! И всё же он любит Зульфийю. Занозой засела в его сердце Зульфийа. Живёт Сунгат только ею. Водка кончилась. Шуруп представил себе, как ласкают руки Санта Зульфийю, и стало совсем не по себе. Злоба закипела и стала душить его. Поди, и сейчас лежит Зульфийа в жарких объятиях Пахана-Саита. Тело пробрала дрожь.

Шуруп понимает, что нет у него права думать, мечтать о

Зульфие. Тогда Регина верно сказала. Такие, как Зульфия, не для него. Но мужчине, каким бы он ни был, трудно смириться с такой мыслью. Человеку, видимо, суждено жить в бесконечных страданиях. А если твоим желаниям не суждено осуществиться, зачем тогда Аллах нас создал? Зачем рождает женщина несчастных, злодеев, сирот? Кому нужны эта несправедливость, это неравенство. У того же Пахана-Саита есть всё: и богатство, и красивая женщина. Чем Шуруп хуже его? Ростом не вышел. Только и всего.

Правда, говорят, на том свете воздастся. Нет, с этим Шуруп не согласен. Ему на этом свете хочется пожить, сегодня.

Злоба подступила к горлу, стало совсем невмоготу, и Шуруп вышел на улицу. Голова не соображала, куда он идёт, глаза механически читали какие-то надписи на дверях, зданиях.

Ноги сами привели его к дверям с надписью: «Кафе-ресторан». Он вошёл.

Народу было немного. Играл оркестр из трёх человек: аккордеон, гитара и кларнет.

Сегодня Шуруп начал пить с обеда. Пропустил чарочку в ресторане, совсем захмелел. Он мучительно пытался припомнить, какой сегодня день недели. Пятница сегодня или выходной? Нет, сегодня должен быть вторник, поскольку в воскресенье народу в ресторане бывает много.

Он огляделся. Рядом сидел мужчина лет тридцати с усами, как у Гитлера. Где-то видел его Шуруп.

– Что за мелодию играет оркестр?

Сосед вздрогнул:

– Что вы сказали?

– Я говорю, какую мелодию играет оркестр?

– А не всё ли равно?

– Если б было всё равно, люди лазили б в окно.

Шуруп остался доволен, как ему показалось, удачной шуткой. От души посмеялся, сосед ему определённо не нравился. Тяжёлый, выдающийся вперёд подбородок, под носом фиолетовые усы. Неужели не понимает, что они ему не идут? Шуруп выпил ещё. К салату даже не притронулся.

– Вы понимаете, что вам усы не идут? Сбрейте! – перешёл на приказной тон Шуруп.

Сосед не ответил. Он продолжал осматривать зал. Шурупу это не понравилось. А внутри уже всё кипело.

– Негоже исходить слюной, наблюдая за чужими жёнами.

Он опять громко расхохотался. Опрокидывая очередную рюмку, он не сводил глаз с усов соседа. Где он мог видеть этот подбородок? Так и хочется выправить его ударом кулака.

Наконец сосед удосужился ответить:

– Сидите спокойно. Держите себя прилично. Тюрьма по тебе плачет.

– Нехорошо так долго смотреть на чужую жену!

И тут сосед не выдержал. Шуруп не успел сообразить, как получил затрещину. Рухнул прямо со стулом. Казалось, что

ударили поленом по голове. Но он всё же встал и пошёл на обидчика. Но вокруг никого не было. И того мужчины тоже. Может, это всё ему только показалось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.